

ПО СЛЕДАМ  
ИСЧЕЗНУВШИХ  
КУЛЬТУР ВОСТОКА



Л. Вулли

# УР ХАЛДЕЕВ



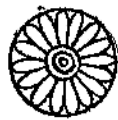
*LEONARD WOOLLEY*  
EXCAVATIONS AT UR

Перевод с английского  
Ф. Л. Мендельсона

Ответственный редактор  
И. С. Кацнельсон

ЛЕОНАРДА ВУЛЛИ

УП ХАМДЕЕВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
*Москва 1961*



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга известного английского археолога Леонарда Вулли подводит итоги систематических раскопок, проводившихся на протяжении двенадцати зимних сезонов (1922—1934) в Южном Ираке, на месте одного из древнейших городов мира. Ура, или, как его иногда называют, следуя библейской традиции, Ура халдеев<sup>1</sup>.

Этими изысканиями, организованными совместно Университетским музеем в Пенсильвании и Британским музеем, бесменно руководил Л. Вулли. Раскопки производились им с исключительной тщательностью и точностью. Об этом свидетельствуют хотя бы те сложные и рискованные приемы, которые он применял, чтобы спасти отсыревшие и расползавшиеся глиняные таблетки, покрытые драгоценными для науки текстами третьей урской династии, или методика реконструкции отдельных памятников и целых комплексов.

Несомненное достоинство книги Л. Вулли — стремление представить широкую историческую картину и осветить все этапы развития города Ура на протяжении почти четырех тысячелетий — от V тысячелетия до н. э. до IV в. до н. э. Автор не ограничивается только описанием хода раскопок и анализом археологических комплексов или отдельных найденных им предметов. Он стремится к общим выводам, устанавливает периоды подъема и упадка, пытается их объяснить. Само собой разумеется, что далеко не всегда можно согласиться с его гипотезами, но

---

<sup>1</sup> Халдеи — семитическое племя, обитавшее южнее Вавилонии, у берегов Персидского залива. В I тысячелетии до н. э. они неоднократно вторгались в южное Двуречье. В 626 г. до н. э. халдей Набопаласар захватил вавилонский трон; в связи с этим вавилоняне часто называют халдеями (в особенности в Библии). Характерно, что о шумерийцах составители Библии (так же как и классические авторы) не имеют никакого представления.

сама постановка вопроса весьма ценна и открывает новые перспективы.

Автор излагает результаты своих открытий не в том порядке, в каком они сделаны, а в исторической последовательности. Если памятники более ранних периодов были обнаружены позже, он все равно рассматривает их в первых главах, что облегчает создание четкой картины развития общества.

Для объяснения найденных им памятников Л. Вулли привлекает сравнительный исторический материал и при случае пересматривает вопросы, решавшиеся прежде неверно или вызывавшие споры. Так, он приходит к твердому выводу об историчности первой династии Ура, которая прежде вследствие неточностей Ниппурского царского списка считалась мифической. Даже более раннюю первую династию Урука (Эреха) автор считает возможным сопоставить с джемдет-нарсским периодом. Однако вторую урскую династию он считает фиктивной.

Для более поздних периодов раскопки Л. Вулли также дают материал, помогающий проверить и уточнить ряд исторических фактов и событий. Например, господство Лагаша в южном Двуречье и последующее освобождение Ура прекрасно иллюстрируются находкой статуи Энтемны. Историчность Саргона I Аккадского, вызывавшая прежде сомнения, окончательно подтверждается найденным изображением его дочери на алебастровом диске. Разгром Ура вавилонским царем Самсуилуной (сыном и преемником знаменитого Хаммурапи) оставил яркие следы, позволяющие Л. Вулли определить огромные масштабы разрушений. Очень много дают раскопки Ура также для изучения экономической и культурной истории Шумера и Вавилона. Чрезвычайно интересны соображения автора о роли гончарного круга, знаменующего «первый шаг к машинному» труду, или об использовании природного сплава бронзы с 5% никеля. Таким образом, значительно обогащаются наши знания о развитии производительных сил в древнем Двуречье. Большое внимание уделяется внешним связям Шумера (с Индией, Аравией, Малой Азией). Весьма интересны для историков архитектуры и искусствоведов наблюдения Л. Вулли, касающиеся использования древним шумерийским зодчим закона оптической иллюзии, «который много столетий спустя с блеском применили греческие строители

Афинского Парфенона». Вместе с тем на основании ряда находок определяется упадок и огрубение искусства южного Двуречья в касситский период.

Мы упомянули далеко не все весьма существенные для науки наблюдения и выводы английского исследователя, но думается, что сказанного достаточно для того, чтобы признать ценность рассматриваемого исследования. Конечно, далеко не все гипотезы Л. Вулли приемлемы.

Социально-экономическую структуру общества древнего Двуречья автор представляет довольно смутно. Как и большинство буржуазных ученых, он недооценивает роли рабовладения и рабского труда: лишь мимоходом упоминается использование труда рабынь, но только рабынь, а не рабов, что свидетельствует о явно неверном представлении масштабов рабовладения во времена третьей династии Ура. Говорится также о домашнем рабстве. Об интенсивной эксплуатации рабского труда автор умалчивает, ограничиваясь лишь упреком в бездушном формализме, брошенным шумерийскому счетоводу, равнодушно отмечавшему смерть той или иной рабыни.

Не менее показательно стремление замаскировать жестокости, свойственные зарождающемуся рабовладельческому государству в период первой династии Ура. Автор полагает, что убийство десятков людей при погребении древнейших царей Ура отнюдь не было актом насилия. Мужчины и женщины спускались в могильный ров якобы без всякого принуждения, выпивали приготовленное для них зелье и спокойно погружались в сон. Л. Вулли стремится убедить читателя, что участники этой церемонии не были жертвами грубого зверского убийства и, вероятно, даже не думали о смерти. Они просто готовились служить своему царственному повелителю в условиях иного мира и, по-видимому, были уверены, что там их ждет гораздо лучшая участь, чем шумерийцев, умирающих естественной смертью. В действительности дело обстояло, конечно, далеко не так. Подобные массовые убийства во славу умершего повелителя были возможны только в условиях жестоких нравов восточной деспотии, где царь был богом, а жизнь его подданных не имела решительно никакой ценности.

Идеализация далекого прошлого вообще характерна для Л. Вулли. Он считает, например, что первые обитате-

ли Двуречья жили в обстановке золотого века: «Это была благословенная манящая земля. Она звала, и многие откликнулись на ее зов». Автор забывает, что в древнейшую эпоху эта долина далеко не походила на рай. Разливы рек превратили долину в сплошное болото, с губительными лихорадками. Тростниковые джунгли, покрывавшие болота, кишели москитами. Там водились львы, змеи. Поэтому первые обитатели попали в Двуречье против воли, загнанные туда из окружающих долину степей более сильными соседями. И только упорный, необычайно тяжелый, изнурительный труд десятков поколений превратил Двуречье в цветущую страну.

В описании же Л. Вулли тяжелая в действительности жизнь первобытных народов превращается в гармоничную пастораль.

Автор допускает известную модернизацию шумерийского общества, когда, например, время царских гробниц (начало III тысячелетия до н. э.) характеризует как «городскую цивилизацию высшего типа».

Невозможно также согласиться и с другим принципиально ошибочным мнением Л. Вулли, а именно о превосходстве шумерийской и вавилонской культуры над всеми другими древневосточными культурами. Здесь явно сказываются традиции панвавилонизма. И только ими могут быть объяснены утверждения, подобные тем, что встречаются в книге: «Во всех отношениях Шумер раннединастического периода ушел намного вперед от Египта, который в ту эпоху лишь выбирался из состояния варварства. И когда Египет действительно пробудился в дни правления Менеса, первого фараона Нильской долины, наступление новой эры ознаменовалось для него освоением идей и образцов более древней и высшей цивилизации, достигшей расцвета в низовьях Евфрата. Шумер был прародиной западной культуры, и именно у шумерийцев следует искать истоки искусства и мировоззрения египтян, вавилонян, ассирийцев, финикийян, древних евреев и, наконец, даже греков».

Эта длинная цитата прежде всего доказывает, как нелогичность автора приводит его к явному искажению исторической действительности и преклонению перед изучаемой им культурой. Конечно, Л. Вулли удалось обнаружить изумительные памятники архитектуры, скульптуры и ювелирного искусства Двуречья. Но это не дает права

пренебрежительно относиться к не менее замечательным произведениям египетских художников или отрицать их общепризнанную оригинальность. Что же касается вопроса о приоритете Египта и Шумера, то при шаткости хронологии, неоднократно перестраивающейся (что признает и сам автор), всякие выводы в этом направлении еще долго останутся гипотетическими.

Несомненно, на более правильном пути стоит Г. Чайльд, признающий самостоятельность древнейших культурных очагов — Египта и Шумера и считающий, что в одних сферах египтяне опережали шумерийцев (например, изобретение фаянса), в других — наоборот (применение гончарного круга, колесный транспорт). Трудно также согласиться с утверждением Л. Вулли, что с достижениями шумерийцев в металлургии «вряд ли сравнится хоть один народ древности» и что в Шумере «почти все мужчины умели читать и писать». Вдумчивый читатель, конечно, отбросит все эти преувеличения английского археолога, объясняемые его чрезмерным и необъективным увлечением Шумером.

Необоснованны также попытки Л. Вулли найти библейские аналогии. Конечно, шумерийцы, если не прямо, то косвенно — через вавилонян, ассирийцев, хананеев — оказывали влияние на древних евреев. Некоторые наблюдения автора в этом направлении весьма любопытны. Так, например, он вполне основательно считает, что миф о всемирном потопе содержит воспоминание о реальном наводнении, которое произошло в конце эль-обейдского периода. Правильно отмечены фантастические гиперболы библейской традиции, восходящей к шумерийскому мифу. «Разумеется, — пишет автор, — это был не всемирный потоп, а всего лишь наводнение в долине Тигра и Евфрата, затопившее населенные районы между горами и пустыней. Но для тех, кто здесь жил, долина была целым миром».

Интересны также аналогии между идолами, найденными в Уре, и семейными божками, украденными якобы библейской Рахилью у своего отца Лабана. Для изучения древнейшей (политеистической) стадии иудейской религии это очень важно, и в данном пункте Л. Вулли отступает от богословской традиции. Вполне допустимо его предположение, что в книге пророка Даниила содержатся намеки на религиозную реформу Навуходносора II.



Однако в ряде других случаев приводимые в книге библейские параллели натянуты и неубедительны. Бряд ли можно согласиться с тем, что фигурка золотого козленка, выглядывающего из-за ветвей, соответствует агнцу из книги Бытия, принесенному в жертву вместо Исаака. Еще более натянуто утверждение, что лестница, которую библейский Иаков видел во сне, тождественна зиккурату третьей династии Ура. Л. Вулли все время говорит об Аврааме и Иакове как о реальных исторических деятелях. Правда, в одном случае, почувствовав, что заходит слишком далеко, он отказался от чересчур смелой библейской аналогии. Изображение лодки со свиньей в кабине и женщиной на корме напомнило ему Ноев ковчег, но он все же не решился воспользоваться этой слишком рискованной гипотезой.

Можно отметить еще некоторые сомнительные домыслы Л. Вулли. Появление в раннединастический период недостаточно практичного плосковыпуклого кирпича он объясняет не техническими, а политическими причинами. Это был, по его мнению, протест против влияния джемдет-нарсского периода и отказ от технических приемов завоевателей, хотя бы эти приемы были выгодны и целесообразны. Смешение эль-обейдских черепков с асфальтом и использование этой смеси при постройке новых зданий Л. Вулли трактует как возрождение эль-обейдских традиций.

Наконец, неправилен взгляд на зороастризм как на религию Ахеменидов. Советская наука доказала неосновательность этой точки зрения.

В заключение нужно сказать несколько слов о хронологической системе, которой придерживается Л. Вулли. В основном он принял хронологию, предложенную около двадцати лет назад С. Смитом, и это решение можно только приветствовать. Однако далеко не всюду внесены необходимые поправки. Так, например, Нарамсин датируется по прежней «длинной» хронологии, разгром Ура Самсуилуной датируется в одном случае по Сиднею Сми-ту (1757 г.), а в другом — по сверхкраткой хронологии Пибеля (1674 г. = 12 год Самсуилуны!?).

Какую бы классификацию<sup>2</sup> автор ни избрал, он дол-

<sup>2</sup> Подробнее об этом см. В. В. Струве, *Датировка I вавилонской династии*, — «Вестник древней истории», 1947, № 1, стр. 9—35.

жен следовать ей систематически. В противном случае получаются непримиримые противоречия.

Автор часто применяет устарелое чтение шумерийских имен (Бау, Урнина, Дунги, Бурсин вместо установленного ныне чтения Баба, или Бубу, Урнанше, Шульги, Амарсуена)<sup>3</sup>.

Несмотря на указанные ошибки и неточности, книга Л. Вулли чрезвычайно интересна.

Фактический материал, собранный Л. Вулли, и ряд его частных наблюдений принесут огромную пользу специалисту-историку или историку искусства. Легко и доступно, местами даже увлекательно написанный очерк английского археолога может быть рекомендован и тем, кто стремится пополнить свои знания в области истории и истории культуры. Интерес к далекому прошлому предков иракского народа, сбросившего ныне цепи колониализма, растет у нас с каждым днем. Вот почему книга Л. Вулли, освещающая историю одного из важнейших центров этой страны на протяжении почти четырех тысячелетий, безусловно найдет у нас многочисленных читателей.

*В. В. Струве*

---

<sup>3</sup> В отдельных случаях при переводе внесены соответствующие исправления.

## ВВЕДЕНИЕ

Ур расположен приблизительно на полпути от Багдада к Персидскому заливу, километрах в шестнадцати к западу от современного русла реки Евфрат. В двух километрах к востоку от его развалин протянулась единственная железная дорога, связывающая столицу Ирака с Басрой. Между железной дорогой и рекой изредка встречаются поля и маленькие деревушки из глинобитных домишек или тростниковых хижин. Западнее железной дороги простирается только пустыня, голая и бесплодная. Над нею высятся холмы, на которых некогда стоял Ур. По наименованию самого высокого холма зиггурата арабы называют это место «Тал ал-муккайир» («Смоляной холм»).

С вершины этого холма можно различить на востоке темную линию пальмовых рощ на берегу реки, а на севере, западе и юге, насколько хватает глаз, простираются бесплодные пески. На юго-западе плоская линия горизонта прервана серыми развалинами башен священного города Эриду, который шумерийцы считали древнейшим из городов на земле, а на северо-западе, когда солнце стоит низко, тени от невысоких холмов указывают на то место, где некогда стоял Эль-Обейд. И ничто больше не нарушает однообразия этой плоской равнины, над которой дрожит знойное марево; лишь миражи словно в насмешку манят зеркалом безмятежных вод. Трудно поверить, что некогда эта пустыня была обитаема. И тем не менее здесь, под слоем выветренной породы, у нас под ногами лежат храмы и дома огромного города.

В 1854 г. Британский музей поручил английскому консулу в Басре Д. Е. Тейлору обследовать некоторые районы Южной Месопотамии. Тейлор избрал основным полем деятельности «Смоляной холм». Здесь он обнаружил надписи, которые впервые открыли миру, что эти безымян-

ные развалины были не чем иным, как городом Уром, так называемым «Уром халдеев», родиной Авраама.

Открытие Тейлора в свое время не оценили по достоинству, и через два сезона он был вынужден прекратить раскопки. Однако со временем значение его работ становилось все более очевидным. Только недостаток средств, а также небезопасность этого района, куда иностранцы могли проникать лишь на собственный страх и риск, мешали дальнейшим исследованиям. Тем не менее Британский музей никогда не оставлял надежды завершить начатую Тейлором работу.

В конце XIX в. экспедиции Пенсильванского университета удалось произвести в Уре частичные раскопки, но результаты их так и не были опубликованы. Затем вплоть до начала первой мировой войны здесь никто не копал.

В 1918 г. Кэмпбелл Томпсон, бывший ассистент Британского музея, а во время войны разведчик английской армии в Месопотамии, вел раскопки в Эриду и пробные раскопки в Уре. Британский музей уже намеревался послать сюда постоянную экспедицию, однако Леонард Кинг, который должен был ее возглавить, внезапно заболел. Его место занял доктор Г. Р. Холл. В течение зимы 1918/19 г. он вел раскопки в Эриду и в Эль-Обейде. Он провел также пробные раскопки в Уре. Его работа обещала гораздо больше, чем дала. Однако экспедиция Холла имела огромное значение. Ученый открыл и частично раскопал небольшую возвышенность Эль-Обейда, где оказались поразительные фрагменты памятников древней архитектуры.

И снова отсутствие средств, этот бич научных экспедиций, заставило остановить исследования. Лишь в 1922 г. доктор Дж. Б. Гордон, директор Университетского музея в Пенсильвании, обратился к Британскому музею с предложением организовать совместную экспедицию в Месопотамию. Предложение было принято и основным местом работ избран Ур.

Мне было поручено возглавить объединенную экспедицию, и в течение двенадцати зимних сезонов я беспрерывно руководил всеми полевыми работами. За это время мы не успели раскопать развалины всего Ура, поскольку территория города оказалась огромной, а чтобы достичь более древних слоев, нам зачастую приходилось делать очень глубокие разрезы. Поэтому, несмотря на высокий

темп раскопок и максимальное количество рабочих, — временами оно достигало четырехсот, — мы смогли обстоятельно исследовать лишь незначительную часть города. Тем не менее нам удалось составить довольно подробное представление об Уре за четыре тысячи лет его существования и сделать ряд открытий, которые превзошли все наши ожидания. Поскольку мы считали своей первейшей обязанностью как можно скорее опубликовать накопленный материал, а сделать это одновременно с полевыми работами было невозможно, то в 1934 г. было принято решение прекратить раскопки.

Наша работа в Уре с самого начала привлекла внимание не только ученых, но и широкой общественности. Чтобы удовлетворить интерес читателей и помочь им разобраться в последующих этапах наших исследований, я опубликовал в 1929 г. небольшую книжечку под названием «Ур халдеев» о результатах первых семи лет раскопок.

В настоящей книге описаны материалы всех двенадцати раскопочных сезонов. Так как я хочу дать здесь полный отчет о работе экспедиции, мне придется повторить многое из того, что уже было опубликовано раньше. Факты остались прежними, и мне трудно внести существенные изменения в их описание, что же касается выводов, они, естественно, были модифицированы в свете последующих открытий. Поэтому мне пришлось написать заново ту часть книги, где речь идет об открытиях, сделанных в первые семь лет раскопок. Кроме того, здесь подробно описываются и последующие открытия.

В книге рассказывается о раскопках, зданиях и предметах, которые мы нашли. Наш археологический материал настолько богат, что я намерен говорить лишь о нем, не отвлекаясь рассмотрением иных вопросов. По возможности постараюсь описать все находки в их исторической последовательности. Однако это не значит, что я собираюсь писать историю Ура. Это уже сделано Гэддом в его книге «История и памятники Ура»<sup>1</sup>, написанной на основе превосходного знания литературных источников. Не пытаюсь сравниться с ним, я постараюсь лишь показать, что наши находки подтверждают или дополняют нарисованную им историческую картину. Кстати, введе-

<sup>1</sup> C. J. Gadd, *The history and monuments of Ur*, London, 1929.

ние к книге кажется мне самым подходящим местом, где я могу рассказать о том, какой положительный вклад в историческую науку внесли наши полевые работы.

В самом начале, когда экспедиция еще только планировалась, мне говорили, что, возможно, нам удастся найти памятники, восходящие к царствованию Урнамму, основателя третьей династии Ура, но вряд ли мы обнаружим что-либо более древнее. И действительно, царь Урнамму был тогда, пожалуй, единственной исторической личностью, признанной учеными, хотя все знали, что в Месопотамии есть более древние города и в музеях хранятся даже памятники с именами более ранних царей. Но когда эти цари правили, никто сказать не мог. Даже великий Саргон Аккадский был окутан столь густой дымкой поэм и легенд, что еще в 1916 г. доктору Леонарду Кингу пришлось доказывать, что он был реальной личностью, а не романтическим образом<sup>2</sup>. Кроме того, существовал список царей, составленный шумерийскими писцами в конце II тысячелетия до нашей эры. Это был своего рода костяк истории, похожий на наши хронологические таблицы из школьных учебников: Вильям I — 1066, Вильям II — 1087 и т. д. Но, к сожалению, толку от такого списка было немного.

Наиболее древняя часть списка приведена в конце книги. Достаточно познакомиться с ним, чтобы понять, почему ученые относятся к нему с недоверием. Он начинается именами восьми царей, которые якобы правили «до потопа» и царствовали в общей сложности 241 200 лет! Цари первой династии после потопа тоже правили в среднем по тысяче лет, далее — по двести лет, и хотя в следующей династии — первой династии Ура — мы уже не встречаем столь фантастических преувеличений, но за нею снова идут династии с невероятно долговечными царями. Все владыки от времен потопа до начала царствования Саргона Аккадского правили якобы в общей сложности 31 917 лет. Даже если предположить, что время правления многих династий частично совпадало, — а с рядом династий после Саргона так оно и было в действительности, — все равно хронология списка царей в целом явно бессмысленна. В результате ученые отвергали список царей и сходились на том, что история, собственно

<sup>2</sup> L. King, *A history of Sumer and Akkad*, London, 1916.

говоря, начинается с правления Урнамму, царя Ура, или несколько раньше.

Поэтому особое значение приобрела находка в Уре памятников времен Саргона Аккадского, в частности портретной группы с его дочерью, которая была верховной жрицей бога Луны Нанна, и личных печатей трех придворных из ее свиты.

Еще важнее была находка в Эль-Обейде. Мы обнаружили там табличку закладки маленького храма, гласящую, что он построен царем Ура А-анни-пад-дой, сыном царя Ура Мес-анни-пад-ды. Последний фигурирует в списке царей в качестве основателя первой династии Ура. Благодаря этому открытию первая династия, считавшаяся до сих пор мифической, вошла в историю. Кроме того, оно разрешило некоторые второстепенные затруднения. Выяснилось, что Мес-анни-пад-де приписывали неправдоподобно длинное восьмидесятилетнее царствование лишь потому, что весьма похожее имя его сына А-анни-пад-ды выпало из списка царей. Если разделить цифру восемьдесят между отцом и сыном, она становится вполне вероятной, и ее можно принять за действительную. Таким образом, письменная история страны сразу отодвигается почти на пятьсот лет в глубь веков. Хронология списка царей не стала от этого менее произвольной, но теперь мы можем хотя бы предполагать, что за ее нелепостями стоит пусть искаженная, пусть неправильно понятая, но все же истина.

На археологическом конгрессе 1929 г. в Багдаде было решено разделить древнейшую историю Южной Месопотамии на периоды, дав им названия тех мест, где впервые были обнаружены характерные для данного периода памятники [эль-обейдский период; урукский — от Урука (Эреха вавилонян), ныне город Варка, период Джемдет Насра и, наконец, раннединастический период, куда входит первая династия Ура].

С такой археологической периодизацией все согласились, однако я склонен пойти еще дальше. Для меня особое значение имеют совпадения наших периодов с разделами списка царей. Так, эль-обейдский период в сущности, является периодом до потопа, поскольку после культура Эль-Обейда пришла в упадок и просуществовала недолго. Мы установили еще два периода, соответствующие династиям Киша и Урука в списке ца-

рей, а что касается последующей династии, то нам удалось доказать ее достоверность. Таким образом, вполне возможно, что шумерийские писцы, составлявшие историческую схему, основывались на какой-то правдоподобной традиции. Но, к сожалению, хронологию они исказили безнадежно.

Нам тоже вряд ли удастся установить точные даты ранних периодов по той простой причине, что тогда еще не было письменности, которая скорее всего появилась лишь в период Джемдет Насра. А без письменных свидетельств никакая точная датировка немыслима. Даже тогда, когда появляется письменность, подлинную хронологию установить чрезвычайно трудно, и, какой бы системы мы ни придерживались, она все равно остается предположительной и нуждающейся в уточнениях.

Так, например, когда мы нашли в Эль-Обейде табличку А-анни-пад-ды, ассирологи решили, что первая династия Ура, в существовании которой наконец не осталось сомнений, начиналась около 3100 г. до н. э. Я, разумеется, с ними согласился. Далее я, зная, что царское кладбище образовалось незадолго до начала первой династии и, судя по многочисленным царским погребениям, существовало довольно продолжительное время, предположительно датировал его 3500—3200 гг. до н. э. Эти даты и были приведены мною в книге «Ур халдеев». Но вскоре после выхода книги новая версия заставила передвинуть начало первой династии Ура к 2900 г. до н. э., а теперь некоторые ассирологи идут еще дальше и считают, что Мес-анни-пад-да вступил на трон примерно в 2700 г. до н. э. В связи с этим все даты царствований Саргона Аккадского, Урнамму и даже вавилонского царя Хаммурапи придется уточнять снова.

Пока эти проблемы решаются на основе литературных источников, и нам, археологам, остается только соглашаться. Поэтому здесь я придерживаюсь хронологической системы, в корне отличной от принятой в 1929 г. Несостоятельность старой системы свидетельствует прежде всего о прогрессе науки! Но должен при этом заметить, что никакое уточнение дат не может изменить археологической последовательности, основанной на несомненных фактах.

Когда объединенная экспедиция приступила к работе в Уре, никто, кроме нас, не вел раскопок на территории



Ирака. Позднее здесь появились другие археологические группы, занявшиеся изучением различных районов страны. Одно время число их доходило до одиннадцати. Многие из этих групп оказались недолговечными, и в настоящее время все они прекратили раскопки, но на протяжении ряда лет археологический департамент иракского правительства вел весьма напряженную и плодотворную работу.

Но единичные раскопки, какими бы успешными они ни были, не могут дать полного представления даже об истории одного поселения, не говоря уже о всей стране. Поселение может оказаться очень обширным, и раскопки не захватят всей площади; или сложные условия требуют глубоких разрезов до самых древних слоев, а такая работа влечет за собой непосильные расходы; или часть поселения окажется когда-то покинутой, и археолог в этом месте не обнаружит никаких следов культуры, которая богато представлена на других участках того же населенного пункта. Древние строители, закладывая фундаменты больших сооружений, зачастую снимали несколько рядов нижних напластований, а это приводит к неожиданным пробелам в привычной археологической стратиграфии<sup>3</sup>. Или, наоборот, одно здание может пережить столетия, в течение которых весь город подвергался неоднократным перестройкам, и если раскопки ограничить одним этим зданием, археолог ничего не узнает о происходивших здесь переменах. Поэтому и наши раскопки в Уре не раскрыли нам всей его истории.

То, что мы выяснили, будет дополняться, а может быть, и изменяться в свете новых археологических открытий в других местах. Но поскольку здесь речь пойдет не о всей истории Ура, а о наших раскопках в нем, я буду ссылаться на результаты других раскопок лишь в тех случаях, когда это необходимо для объяснения сделанных нами находок. И если я говорю очень мало или почти ничего об открытиях моих коллег — археологов в Ираке, это совсем не значит, что я недооцениваю их работы: просто к нашим раскопкам они не имеют прямого отношения.

Я был бы крайне несправедлив, если бы не принес здесь глубокой благодарности моим сотрудникам. В течение

<sup>3</sup> Стратиграфия — порядок расположения культурных слоев, т. е. слоев, содержащих памятники деятельности человека. — *Ред.*

Двенадцати лет мне помогали многие: моя жена работала вместе со мной десять раскопочных сезонов, профессор Мэллован — шесть, остальные — по четыре и меньше. Я не привожу имена последних в этой книге лишь потому, что наши раскопки были действительно коллективной работой, в которой трудно выделить индивидуальные заслуги каждого. Оглядываясь назад, я сам удивляюсь, как редко могу сказать, что такой-то сделал то-то: почти все мы делали сообща. И, может быть, в этом высшая оценка, какую я могу дать участникам экспедиции, достойным всяческого уважения и признательности. Никто из них не занимался какой-то особой работой. Они составляли экспедицию, успех которой всецело определялся их самоотверженностью.

## ГЛАВА I

### ВОЗНИКНОВЕНИЕ УРА И ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Нижняя Месопотамия, Шумер древнего мира, по сути дела представлял собой долину двух рек, Тигра и Евфрата. На западе Шумер замкнула расположенная выше сирийская пустыня — безводное и большую часть года бесплодное каменистое плато, где лишь кочевник-бедуин раскинет на короткое время свой шатер, но ни один сколько-нибудь цивилизованный человек не сможет поселиться надолго. А на востоке непреодолимым препятствием встали Персидские горы, населенные воинственными племенами, предпочитавшими грабить обработанные поля жителей долины, чем подчиняться их власти.

Земля Шумера — недавнего происхождения. Раньше морской залив, который мы сейчас называем Персидским, вдавался глубоко в материк, севернее современного Багдада, и только в сравнительно поздний период человеческой истории соленая морская вода уступила место суше. Произошло это не вследствие какого-то внезапного катаклизма, а в результате отложений речных наносов, постепенно заполнявших огромную впадину между пустыней и горами. Если бы в этом процессе участвовали только Тигр и Евфрат, образование дельты шло бы обычным путем: пядь за пядью, шаг за шагом наносы продвигались бы с севера на юг, и прошли бы века, а может быть, и тысячелетия, прежде чем люди смогли бы освоить образовав-

шуюся в результате этой медленной работы землю на юге долины, где находится Ур. Но в действительности дело обстояло иначе. Шумерийцы считали, что их древнейшим городом был Эриду, расположенный километров на двадцать южнее Ура. Об этом же говорят и раскопки иракской правительственной экспедиции, — во всяком случае в собственно Нижней Месопотамии нигде не удалось обнаружить поселений столь же древних, как Эриду. Разумеется, это требует объяснений, и, чтобы дать их, нам придется снова обратиться к физической географии этого района.

В Персидский залив впадают не только Тигр и Евфрат. Близ современного города Мохаммеры находится устье реки Карун, которая одна несет с Персидских гор почти столько же ила, сколько Тигр и Евфрат вместе взятые. Напротив устья Каруна расположен Вади эль-Батин. Сейчас это сухая долина, но в древности по ней тоже текла полноводная река, орошавшая Центральную Аравию. Она не была так стремительна, как Карун, однако на своем долгом пути по руслу, проложенному в легких почвах, ее воды захватывали и выносили почти такое же количество ила. Две реки, сливаясь в одну, впадали в Персидский залив под прямым углом и выносили в него массу ила, который со временем образовал поперек залива подводную отмель. Эта преграда нейтрализовала и без того незначительное в Персидском заливе влияние приливов и отливов и одновременно замедлила нижнее течение Тигра и Евфрата настолько, что принесенный их водами ил начал оседать с внутренней стороны отмели. Таким образом, первая наносная земля возникла в самой южной части долины. В результате этого верхняя часть залива превратилась в закрытую лагуну. Впадающие в лагуну большие реки сначала сделали ее воды из соленых солоноватыми, а затем — пресными, а выносимый ими ил начал распределяться более равномерно, поднимая все дно лагуны. Разумеется, образование суши при впадении рек в лагуну происходило быстрее. Первые полосы земли появились на севере и у южной преграды, тогда как на середине еще оставалось обширное заболоченное пространство с едва выступающими островками. Но со временем и это болото высохло: там, где некогда был морской залив, раскинулась широкая дельта. Ее прорезали реки, текущие вровень с берегами. Поэтому русла их

постоянно менялись; каждую весну они затопляли низкую долину, и только летом яростное солнце снова высушивало ее. Легкая почва без единого камешка отличалась редкостным плодородием, — второе такое место едва ли можно было найти на земле. Изложенная в книге Бытия история сотворения мира, где речь идет о месте для обитания людей, явно заимствована древними евреями у жителей Нижней Месопотамии: этот миф родился именно здесь, и здесь он гораздо вернее отражает действительность. «И сказал бог: „Пусть воды небесные соберутся в одном месте, а твердь — в другом“. И было по слову его... И земля породила изобильные травы и злаки всех родов и деревья, плодоносящие своими семенами, и бог увидел, что это хорошо».

И на самом деле, это была благословенная, манящая земля. Она звала, и многие откликнулись на ее зов. Здесь оседали племена; изголодавшиеся по земле руки усердно обрабатывали каждый клочок плодородной почвы, едва он поднимался над водой. С приходом этих земледельцев открылась первая глава многовековой истории Шумера.

Древнейший период известен нам по трем городам, исследованным Урской экспедицией: по Уру, Раджейбе и Эль-Обейду.

В 1919 г. доктор Г. Р. Холл производил в Уре пробные раскопки для Британского музея. В шести километрах севернее Ура он обнаружил и частично раскопал небольшой холм, который арабы называют Тель эль-Обейд. Результаты оказались настолько значительными, что одной из первых задач объединенной экспедиции, организованной три года спустя, стали раскопки именно этого поселения. Наибольшую сенсацию вызвала находка храма первой династии. Однако сейчас нас интересуют совсем другие и гораздо более древние памятники.

Примерно в шестидесяти метрах от развалин храма находилось небольшое возвышение; оно поднималось над окружающей равниной всего на два метра. Поверхность его была усыпана кремневыми орудиями и черепками вылепленной от руки раскрашенной глиняной посуды такого же типа, как в Эриду на юге Ура. Находки были отнесены к «доисторическим», тогда о них больше почти ничего не знали.

С самого начала раскопок на этой возвышенности мы были поражены, как мало потребовалось затратить на

них труда: все лежало почти на поверхности! Под пятидесятисантиметровым слоем легкой пыли и черепков залегал пласт твердой земли толщиной не более метра, в котором оказалось множество осколков расписной глиняной посуды, кремневые и обсидиановые орудия, остатки тростниковых циновок, обмазанных смесью глины и помета или реже — смесью земли и битума. Ниже начинался уже чистый водоносный слой.

Некогда здесь действительно был островок из речного ила, поднимавшийся над заболоченной равниной. Люди нашли его и построили на нем примитивные хижинки из тростника, обмазав их глиной. Позднее деревня была покинута. Черепки и пыль на поверхности — вот все, что от нее осталось. Лишь в одном месте этого пласта мы нашли фундамент стены из кирпича-сырца, относящийся к той же эпохе, что и расположенный неподалеку храм первой династии. Фундамент был заложен в древнейшем нижнем слое, вернее, непосредственно над ним и отделялся от него неизвестным промежутком времени. Из этого мы заключили, что деревня была явно покинута людьми и потом долго оставалась необитаемой. Метровый слой твердой глины и домашних отбросов накопился за время, пока деревня была населена; по мере того как непрочные хижинки разрушались, жители строили непосредственно над ними новые. Более легкий верхний слой представлял собой остатки самых поздних построек, разрушенных и развеянных вихрями пустыни, о чем говорят уцелевшие от эрозии многочисленные черепки, разбросанные по поверхности. Разрушению такого рода деревня могла подвергнуться только после того, как ее оставили последние жители.

Несмотря на скудность находок, они многое рассказали нам об этих людях. Первое и самое главное, что мы узнали: здесь жили люди позднего неолита. Во всем Эль-Обейде не удалось найти никаких следов металла. Если медь и была известна, то употреблялась она лишь для изготовления небольших предметов роскоши. Что касается орудий, то все они были каменными. Более крупные инструменты, такие, как мотыги, изготавливались из кремня или кварца, и то и другое можно найти в верхней части пустыни. Ножи и шила делали из горного хрусталя или вулканического стекла, обсидиана. Эти материалы приходилось доставлять издалека. Бусы были из горного хру-

стала, сердолика, розового хрусталя и раковин. Их только обкалывали для придания формы, но не полировали. Однако две-три полированные обсидиановые палочки для носа или ушей, найденные на поверхности и, по-видимому, относящиеся к той же эпохе, свидетельствуют, что искусство тонкой обработки камня было известно мастерам Эль-Обейда.

Но высшего мастерства они достигли все-таки в гончарном ремесле. Их глиняная посуда, вылепленная без помощи гончарного круга, отличается тонкостью стенок и красотой форм. Весьма своеобразны сосуды с черными или коричневыми узорами по белому фону, который от пережога зачастую приобретал странный и, пожалуй, довольно эффектный зеленоватый оттенок. Орнамент на всех сосудах геометрический, из простейших элементов — треугольников, квадратов, волнообразных или зубчатых линий и уголков, которые либо отчетливо выдавлены, либо нанесены штрихами. Они всегда искусно скомбинированы и очень хорошо сочетаются с формой сосудов. Можно с полной уверенностью сказать, что эти образцы глиняной посуды, самые древние из найденных в Нижней Месопотамии, по своему совершенству превосходят все, что здесь производилось вплоть до арабского завоевания.

Глиняная посуда Эль-Обейда свидетельствует о том, что гончарное искусство — не местного происхождения и принесено сюда уже в полном расцвете откуда-то извне. Последние раскопки в Эриду обнаружили более ранние образцы такой же посуды, разница заключается только в степени совершенства, а стиль и характерные особенности здесь те же самые, что и в Эль-Обейде. Очевидно, первые поселенцы речной долины принесли эти формы керамики из своей родной страны. Но откуда? Пока что Сузы единственное место, где обнаружены аналогичные гончарные изделия: это расписная доисторическая посуда Элама. Нельзя сказать, что это одно и то же, однако несомненное сходство, целый ряд характерных признаков позволяют предположить, что гончарные изделия Элама и Нижней Месопотамии имеют как бы общих предков. Если это предположение правильно, то жители Эль-Обейда должны были спуститься в долину с Эламских гор на востоке. Вполне естественно, что высыхающие болотистые низины с их плодородной почвой должны были привлечь соседние племена. Но выгоды земледелия вряд ли могли

соблазнить кочевников западной пустыни, а потому первые пришельцы явились в долину либо с севера, либо с востока. Однако между гончарными изделиями Эль-Обейда и северных племен, насколько нам известно, нет ни малейшего сходства: древние гончарные изделия севера не расписные. Поэтому даже частичная аналогия с Эламом является в данном случае решающей.

Пришельцы несомненно были земледельческим народом. Их самое распространенное каменное орудие — мотыга. Многочисленные маленькие кремневые осколки, по-видимому, остались от салазок-волокуш, употреблявшихся для обмолота зерна, а каменные ступки и ручные мельницы доказывают, что уже размалывали зерно, из которого пекли хлеб. Но самым любопытным свидетельством являются серпы, вернее осколки серпов, в изобилии усеявшие то место, где стояла деревня. Серпы были сделаны из обожженной глины. Казалось бы, глина — наименее подходящий материал для изготовления режущих инструментов, однако форма осколков не оставляет никаких сомнений. Обожженная глина настолько прочна, а режущий край так остер, что эти серпы в какой-то мере отвечали своему назначению. Разумеется, они часто ломались, — этим и объясняются находки огромного количества обломков и почти ни одного целого экземпляра.

Итак, жители деревни обрабатывали землю. Кроме того, они разводили домашних животных. На это указывает наличие коровьего помета в глиняной обмазке их хижин, а также найденная нами глиняная фигурка свиньи. Пряслица из обожженной глины или битума свидетельствуют о том, что они умели изготавливать пряжу, скорее всего шерстяную, и знали ткачество: тяжелые глиняные диски с двумя отверстиями почти наверняка служили противовесами ткацкого станка.

Как и следовало ожидать, жители этой деревни, расположенной вблизи реки и болот, употребляли в пищу рыбу: среди развалин хижин осталось много рыбьих костей. Многие рыбы скелеты совсем маленькие: такую мелочь вылавливали сетями. Найденные нами гольши с желобками, по-видимому, были грузилами для сетей. Кроме того, мы нашли глиняную модель открытой, похожей на каноэ лодки с загнутым носом.

Обитатели деревни носили ожерелья из бусин, а также палочки в ушах или носу, — о них уже упоминалось вы-

ше. Некоторые глиняные статуэтки изображают женщин с огромными ожерельями и нарисованными на плечах линиями, которые, по-видимому, изображают накидки. Сохранилась и нижняя половина одной из таких фигурок с какими-то полосами: это либо узкие завязывающиеся спереди шаровары, либо следы татуировки.

Однажды в штаб экспедиции в Уре пришли два араба и, развернув свои платки, выложили на стол четыре или пять больших кремневых мотыг. Они сказали, что нашли их где-то «там, в пустыне». Получив хороший «бакшиш», арабы, как я и ожидал, через день или два явились с новыми мотыгами, но и на сей раз не сказали, где они их нашли. Когда они пришли в четвертый раз, я просто отказался им платить, сказав, что мотыг у меня достаточно и что, если они хотят получить «бакшиш», пусть покажут, где можно найти такие же камни. Арабы поняли, что для них это единственная возможность прилично заработать, и согласились.

Это место оказалось в десяти километрах к северо-востоку от Ура. Арабы называют его Раджейбе. Оно почти не возвышается над равниной, и, только подойдя поближе, мы убедились, каким образом наши арабы собирали такой богатый урожай мотыг: здесь невозможно было сделать и шага, чтобы не наступить на обработанные куски кремня или расписные глиняные черепки. Все это лежало прямо на поверхности таким толстым пластом, что под ним скрывался песок пустыни.

Новое поселение было точно таким же, как Эль-Обейд, только гораздо больше. Никаких раскопок вести не пришлось: непосредственно под слоем камней и черепков оказался чистый ил — основание острова, на котором жители строили свои жилища. После них здесь никто не селился, поэтому верхний защитный покров отсутствовал, и ветер унес все, что мог унести<sup>1</sup>. Возможно, что и здесь было последовательное напластование строений довольно длительного периода: кремневых осколков и прочего было слишком много, чтобы отнести все к одной эпохе. Видимо, раньше они располагались на разной глубине; однако по мере выветривания превратившегося в пыль строитель-

---

<sup>1</sup> Это древнее поселение осталось нетронутым. Мы его обнаружили примерно в полутора километрах от развалин, датируемых временем третьей династии Ура.



ного мусора остатки строений опускались все ниже, пока от целого ряда наслоений не остался один пласт тяжелых черепков и кремневых орудий. Практически он не вышался больше над поверхностью пустыни, и потому его дальнейшее выветривание прекратилось.

По сравнению с Эль-Обейдом Раджейбе нам ничего нового не дал. Значение открытия этого поселения состоит в том, что оно полностью повторяет историю Эль-Обейда. И в первом и во втором случаях на естественном острове среди болот поселились пришельцы из одного племени и с одинаковой культурой, жили здесь длительный период, а потом навсегда покинули свои деревни. Почему это произошло, мы узнаем из раскопок самого Ура. Пока же важно хотя бы примерно датировать эти поселения. Судя по расположению пластов в Эль-Обейде, они древнее первой династии Ура. Факты говорят о том, что эти пласты относятся к позднему неолиту, однако мы не знаем, сколько времени прошло между каменным веком и первой династией, и нет никаких свидетельств, которые помогли бы нам представить историческое развитие в этот промежуточный период. Культура Эль-Обейда остается для нас обособленным явлением. Как говорил в свое время один ученый, «она должна была играть и несомненно сыграла свою роль в истории Шумера, однако в настоящее время связь эту установить невозможно»<sup>2</sup>.

В 1929 г. завершились раскопки царского кладбища в Уре. В то время я был убежден, что погребения хотя и ненамного, но все же древнее первой династии Ура. Найденные в могилах сокровища свидетельствовали о поразительно высокой цивилизации, и именно потому было особенно важно установить, через какие этапы человек поднялся до таких высот искусства и культуры. Вывод напрашивался сам собой: нужно продолжать копать вглубь. Для начала мы решили исследовать нижние слои на небольшом участке, чтобы не тратить зря денег и времени. Мы начали с того слоя, где были обнажены захоронения, и отсюда стали рыть маленькую квадратную шахту площадью полтора метра на полтора. Мы углубились в нижний слой, состоявший из обычной, столь характерной для населенных пунктов смеси мусора, распавшихся необожженных кирпичей, золы и черепков. Примерно в та-

---

<sup>2</sup> C. J. Gadd, *The history and monuments of Ur*, London, 1929.

ком же мусоре располагались и гробницы. На глубине около метра внезапно все исчезло: не было больше ни черепков, ни золы, а одни только чистые речные отложения. Араб-землекоп со дна шахты сказал мне, что добрался до чистого слоя почвы, где уже ничего не найдено, и хотел перейти на другой участок. Я спустился вниз, осмотрел дно шахты и убедился в его правоте, но затем сделал замеры и обнаружил, что «чистая почва» находится совсем не на той глубине, где ей полагалось бы быть. Я исходил из того, что первоначально Ур был построен не на возвышенности, а на невысоком холмике, едва выступавшем над болотистой равниной, и, пока факты не опровергнут моей теории, я не собирался от нее отказываться. Поэтому я приказал землекопу спуститься вниз и продолжать работу. Араб неохотно начал углублять шахту, выбрасывая на поверхность чистую землю, в которой не было никаких следов человеческой деятельности. Так он прошел еще два с половиной метра, и вдруг появились кремневые осколки и черепки расписной посуды, такой же, как в Эль-Обейде.

Я еще раз спустился в шахту, осмотрел ее и, пока делал записи, пришел к совершенно определенному выводу. Однако мне хотелось узнать, что скажут об этом другие. Вызвав двух участников экспедиции, я изложил им суть дела и спросил, что из этого следует. Оба стали в тупик. Подошла моя жена, и я обратился к ней с тем же вопросом.

— Ну, конечно, здесь был потоп! — ответила она не задумываясь. И это был правильный ответ.

Однако вряд ли уместно говорить о всемирном потопе, ссылаясь на единственную шахту площадью в какой-то квадратный метр. Поэтому в следующий сезон я отметил на обнаженном нижнем слое царского кладбища прямоугольник площадью двадцать три метра на восемнадцать и приступил к раскопкам этого огромного котлована. В конечном счете он достиг глубины девятнадцати метров.

Довольно глубокие могилы располагались гораздо выше того слоя, от которого мы начали рыть котлован. Под гробницами оказался пласт мусора, скопившегося на краю древнего города. Нам пришлось убрать этот мусор и полностью откопать гробницы. Таким образом, котлован уходил вниз от более древнего слоя, чем тот, в котором на-

ходились захоронения. Их разделял довольно значительный пласт отбросов, скопившихся здесь за какой-то период времени. Судя по их количеству, этот период был весьма значительным.

Едва начался новый этап раскопок, как мы натолкнулись на развалины домов. Стены были сложены из плоско-выпуклого кирпича-сырца, т. е. из обычных прямоугольных кирпичей, но с округленно-выпуклой верхней частью. Подобные же кирпичи мы уже встречали на развалинах храма первой династии в Эль-Обейде и на царском кладбище. Глиняная посуда, обнаруженная в комнатах домов, была того же типа, что и в расположенных выше захоронениях. Под этими развалинами лежал второй слой построек, а под ним — третий. Углубившись всего на семь метров, мы прошли таким образом по крайней мере восемь пластов с руинами домов, причем все они были воздвигнуты над остатками построек предшествующей эпохи. В трех нижних пластах вместо плоско-выпуклых кирпичей пошли обычные кирпичи с плоским верхом, да и глиняная посуда была здесь иного типа, чем на царском кладбище. Затем развалины зданий сразу исчезли, и мы продолжали раскопки, углубляясь в плотный слой глиняных черепков. Он оказался толщиной около шести метров. В нем на разных уровнях попадались печи для обжига глиняной посуды; здесь явно располагалась когда-то гончарная мастерская. Масса глиняных черепков была остатками поврежденных при обжиге изделий, треснувших или деформированных. Поскольку такой брак уже нельзя было сбыть, гончары просто разбивали его, и черепки накапливались вокруг печи до тех пор, пока не загромождали все. Тогда над старой погребенной под черепками печью складывали новую. Судя по шестиметровому пласту черепков, мастерская работала здесь очень долго. Изучая остатки ее бракованной продукции, можно проследить развитие гончарного искусства за весь этот период.

Черепки верхней части пласта в общем соответствуют посуде, найденной в нижних слоях строений, однако среди них попадаются и осколки с черно-красным орнаментом по темно-желтому фону. Они весьма сходны с образцами глиняной посуды, недавно найденными в двухстах сорока километрах севернее Ура в поселении Джемдет Наср вместе с весьма примитивными глиняными таблич-

ками. Однако Джемдет Наср и Эль-Обейд до сих пор остаются изолированными открытиями, и об их отношении к истории Шумера можно только строить предположения.

По мере углубления в пласт, образовавшийся около печи для обжига, характер черепков менялся. Расписная многоцветная посуда уступила место одноцветной. На отдельных крупных осколках хорошо сохранился либо густо-красный цвет, полученный с помощью раствора красного железняка, либо серый или черный, появившийся в результате «дымного обжига», когда дым специально удерживается в печи для того, чтобы глина прокоптилась. Именно такого рода прокопченную посуду немецкие археологи обнаружили в Варке (древнем Эрехе), в самых нижних из достигнутых ими слоев.

Еще глубже, в «урукском» пласте, мы нашли замечательную вещь — тяжелый диск из обожженной глины диаметром около метра с отверстием в центре для оси и маленьким отверстием у края для ручки. Это был гончарный круг. На подобных кругах мастера Урука изготавливали посуду. Мы обнаружили древнейший образец этого приспособления, с изобретением которого человек сделал первый шаг от чисто ручного труда к машинному.

Всего на тридцать сантиметров ниже того уровня, где был найден гончарный круг, характер находок снова изменился. Мы вступили в слой черепков расписной посуды Эль-Обейда, изготовленной вручную. Однако по сравнению с подлинной утварью Эль-Обейда эта посуда имела ряд отличий. Она вылеплена мастером из глины такого же беловатого или зеленоватого цвета, но черный орнамент в большинстве случаев сведен до минимума; сплошные горизонтальные полосы или простейшие фигуры нанесены невнимательно и небрежно. Все это явно свидетельствует о крайней степени упадка. К тому же самый слой весьма тонок. Здесь пласт черепков оборвался. Под ним, как и следовало ожидать, лежал слой чистого ила, нанесенный потоком. В наносном слое было выкопано несколько могил, в которых мы нашли посуду типа Эль-Обейда, но более пышно украшенную, чем в верхнем пласте подле гончарной печи. А в одной из могил оказался медный наконечник копья. В наших раскопках это самый древний образец использования металла для изготовления оружия или инструментов.

Все скелеты в могилах лежали в вытянутом положении на спине, руки были сложены ниже живота. В более поздних захоронениях Месопотамии такая поза не встречается вплоть до начала греческого периода. Подобное изменение погребального ритуала очень важно: оно свидетельствует о коренных изменениях в религии народа.

В некоторых могилах мы нашли терракотовые фигурки того же типа, что и в развалинах домов Эль-Обейда. Все они изображают обнаженных женщин, иногда женщину, кормящую грудного ребенка, но чаще всего это просто женские статуэтки со сложенными спереди руками. Своими позами они весьма напоминают позы умерших,azole которых мы их обнаружили.

Все эти могилы выкопаны в илистых отложениях значительно позже потопа, но в то же время они гораздо древнее гончарной мастерской, построенной над ними в самом конце периода Эль-Обейда. Ниже могил илистый пласт, достигающий трех с половиной метров толщины, совершенно чист и однообразен, если не считать едва заметной прослойки более темного цвета. Микроскопический анализ показал, что эта прослойка наносного происхождения образована почвами, принесенными из средней части Евфрата.

Еще ниже снова появились следы человеческого поселения, распавшиеся необожженные кирпичи, зола и черепки. Мы насчитали три последовательных напластования. Здесь в изобилии попадались богато расписанные сосуды типа Эль-Обейда, глиняные фигурки и плоские, прямоугольные кирпичи, сохранившиеся благодаря тому, что по какой-то случайности попали в огонь, а также кусочки глиняной штукатурки, тоже обожженной пламенем. С одной стороны эти кусочки были гладкими, плоскими или выпуклыми, а на другой их стороне сохранились отпечатки стеблей тростника. Эти кусочки отваливались от стен тростниковых хижин, которые, судя по раскопкам в Эль-Обейде, были таким же обычным жилищем для племен, обитавших здесь до потопа, как для современных арабов, живущих в болотистых местах.

Первые хижины были выстроены на узкой илистой отмели, возникшей главным образом в результате отложений растительных остатков. Среди них попадаются черепки, лежащие горизонтальными утолщающимися в глубину слоями. Впечатление такое, словно здесь их бро-

сали в воду и они медленно, под влиянием собственной тяжести, оседали сквозь жидкую тину на дно. Еще на метр ниже современного уровня моря залегает плотный слой зеленой глины с извилистыми коричневыми полосами, оставленными корнями тростника. Здесь уже нет никаких следов человеческой деятельности. Это — дно Месопотамии.

Раскопки столь обширного котлована были длительными и дорогостоящими, но зато они полностью вознаградили нас обилием нового исторического материала. Результаты раскопок подтвердили стратиграфию, о которой мы и другие археологи, в частности те, что работали в Варке, могли только догадываться, и дали ряд новых ценных подробностей.

Зеленая глина нижнего слоя была дном древнего болота, окружавшего остров в те времена, когда его заняли первые в этой части долины поселенцы. Глину пронизывали корни тростника, сверху на нее осаждались мертвые листья и стебли, в нее погружался весь мусор, который бросали с острова. Постепенно глина загустевала, болото мелело, и, наконец, на его месте возникла суша. Когда она достаточно окрепла, люди начали строить и на ней свои хижины. Теперь это место стало как бы подножием холма, на котором стоял город. Великий потоп смыл расположенные в низине кварталы и занес их илом. Разумеется, не все люди погибли. Уцелевшие сохранили остатки древней культуры: следы ее мы нашли в захоронениях. Но люди эти опустились и обнищали, и к тому времени, когда на месте древнего кладбища возникли гончарные печи, традиционное искусство окончательно пришло в упадок.

Появление в гончарном слое красной, черной или серой посуды «урукского стиля» открывает новую главу в истории дельты. В богатую, но теперь обезлюдевшую долину хлынула новая волна пришельцев, на сей раз с севера. Они принесли с собой более развитую культуру — умение свободно пользоваться металлом, искусно обрабатывать медь и изготавливать посуду не руками, а на гончарном круге. Сначала они просто селились рядом с уцелевшими от потопа людьми эль-обейдского периода, но вскоре стали хозяевами страны.

Над черепками урукского периода лежат остатки расписной глиняной посуды стиля Джемдет Насра, изготов-

ленной в мастерской, расположенной на том же месте. Это свидетельствует о новом нашествии. Очередная волна завоевателей, по-видимому, пришла с востока, однако у нас пока нет в этом полной уверенности. Их господство ознаменовалось огромным шагом вперед, развитием, а может быть, и изобретением такого важного искусства, как письмо. Одновременно с посудой стиля Джемдет Насра начинали попадаться таблички с пиктографическими письменами, которые впоследствии постепенно превратились в клинопись шумерийцев.

В четвертом снизу слое развалин домов культура Джемдет Насра исчезает. Плоские кирпичи уступают место плоско-выпуклым, а глиняная посуда становится такой же, как на царском кладбище. Это уже начало эпохи, которую мы называем раннединастическим периодом. Но дома еще трижды разрушались и трижды возводились заново. Затем город был покинут, обратился в развалины, и лишь тогда на этом месте в слежавшемся мусоре была вырыта первая могила царского кладбища. Следовательно, царское кладбище и непосредственно идущая за ним первая династия Ура относятся не к началу раннединастического периода, а к его середине.

Такова историческая схема, которую дает стратиграфия нашего большого раскопа. Благодаря ему мы теперь точно знаем последовательность исторических периодов, без чего вообще нет истории. Однако это вовсе не означает, что мы достаточно знаем о каждом периоде. Для того чтобы картина стала по-настоящему полной, нужно изучить результаты многих раскопок. Так, если судить лишь по трем нижним слоям под наносами великого потопа, можно прийти к выводу, что потоп произошел тогда, когда поселение было сравнительно новым. Однако в действительности дело обстояло совсем не так. Иракская правительственная экспедиция раскопала в Эриду развалины четырнадцати храмов, воздвигнутых один над другим, причем все они относятся к первому периоду Эль-Обейда, предшествующему потопу. В Варке немецкие археологи нашли культурный слой Эль-Обейда толщиной двенадцать метров. Следовательно, этот период был достаточно продолжительным. Мы тоже могли бы найти аналогичные свидетельства, если бы начали раскопки в центре доисторического города, однако наш котлован случайно оказался за его стенами. Обнаруженные

нами развалины являются всего лишь остатками домов предместья, возникшего гораздо позднее.

Исходя из того, что народ Эль-Обейда первого периода, по-видимому, не пошел в своем развитии далее стадии неолита, можно было бы предположить, что это были дикие племена, не имевшие никаких связей с внешним миром. Однако их характерная расписная керамика, дошедшая до северных границ Месопотамии, а отсюда проникшая вплоть до Средиземноморья на западе и до берегов Оронта на востоке, свидетельствует о развитой торговле. Кроме того, совсем недавно под наносами великого потопа в развалинах одного из домов Ура мы нашли две бусины из амазонита. Ближайшее месторождение этого камня находится в горах Нилгири в Центральной Индии. Ввозить предметы роскоши из столь отдаленных стран могло только высокоразвитое общество. Да и терракотовые статуэтки Эль-Обейда, в сущности, нельзя назвать примитивными. Вытянутые тела, несмотря на всю их условность, вылеплены с большим умением; лица с высокими облитыми битумом прическами совершенно сознательно и очень искусно сделаны острыми и похожими на змеиные. Ведь это статуэтки богинь, которых только так и можно было изображать. Какую религию исповедовал этот народ, мы не знаем, однако несомненно, что она у него была.

До сих пор не ясно, можно ли называть людей периода Эль-Обейда шумерийцами. Но одно совершенно очевидно: созданная ими культура не была бесплодной, она пережила потоп и сыграла немалую роль в развитии шумерийской цивилизации, позднее достигшей пышного расцвета. Среди прочих ценностей они передали шумерийцам и легенду о всемирном потопе. Это не вызывает сомнений, так как именно они пережили это бедствие и никто другой не мог бы создать подобной легенды.

Знакомая всем библейская легенда о Ноевом ковчеге по своему происхождению вовсе не древнееврейский миф. Она заимствована евреями из Месопотамии и после соответствующей обработки включена в их священное писание.

Точно такая же история записана на глиняных табличках задолго до того, как Авраам появился на свет, причем в обеих версиях совпадают не только факты, но даже многие фразы.



Шумерийская легенда в форме религиозной поэмы отражает верования язычников. Если бы все, что мы знаем о потопе, только этим и ограничивалось, мы бы рассматривали такую легенду, как обычный миф. Но мы располагаем и другими источниками. В начале списка царей, о котором я уже говорил выше, перечисляются имена, по-видимому легендарных правителей; каждый из них царствовал сказочно долго — тысячи лет. «Но вот пришел потоп. После потопа царская власть была вновь ниспослана свыше». Список царей перечисляет династию правителей Киша, затем династию правителей Урука и, наконец, первую династию царей Ура, историческую достоверность которой подтвердили наши раскопки. Теперь это уже не просто образная легенда. Для древних летописцев она имела значение подлинных фактов. Их изложение настолько полно, что легенда становится правдоподобной, в противном случае она не имела бы смысла. Потоп для шумерийского читателя имел вполне конкретное значение. Это был тот самый потоп, который мы называем всемирным.

Все города Месопотамии, в том числе и Ур, сохранили следы наводнений, происходивших в разное время. Зачастую такие наводнения местного характера возникали в результате дождей. Однако мы ни разу не встречали даже отдаленно похожего на то, что обнаружили на дне нашего большого котлована. Здесь перед нами предстали последствия такого наводнения, какого Месопотамия не знала за всю свою многовековую историю, — в этом не приходится сомневаться.

Нам, конечно, повезло, потому что потоп, разумеется, далеко не всюду оставил столько наносов, наоборот, в тех местах, где течение было сильнее, могли оказаться даже размыты! Ил откладывался только там, где течение замедлялось из-за какого-либо препятствия. Чтобы окончательно в этом убедиться, мы выкопали целую серию небольших колодцев на значительной площади. Толщина слоя наносов в разных местах оказалась неодинаковой, причем различия были довольно значительные. Сопоставив все данные, мы убедились, что ил отлагался у северного склона холма, на котором стоял город. Этот холм, возвышавшийся над равниной, и сдерживал напор течения. Восточнее или западнее холма мы, по-видимому, вообще не нашли бы никаких отложений.

Если максимальная толщина слоя ила доходит до трех с половиной метров, вода должна была подниматься по крайней мере метров на семь с половиной. Во время такого наводнения на плоской низменности Месопотамии<sup>3</sup> под водой оказалось бы огромное пространство — километров пятьсот в длину и сто пятьдесят в ширину. Вся плодородная долина между горами Элама и плато Сирийской пустыни была бы затоплена, все деревни разрушены, и, очевидно, лишь немногие города, расположенные на искусственных холмах, уцелели бы после такого бедствия. Нам известно в частности, что Ур не погиб, и в то же время нам известно, что такие селения, как Эль-Обейд и Раджейбе были внезапно покинуты жителями и брошены надолго или навсегда.

Составители списка царей рассматривали потоп как некий перерыв в истории их страны. Но мы знаем, что в действительности потоп уничтожил культуру Эль-Обейда. Древние летописцы считали, что после потопа до первой династии Ура были еще две «династии». Если мы попробуем, — а у нас есть на это все основания, — сопоставить с этими двумя «династиями» соответственно два археологических периода культур Урука и Джемдет Насра и отождествим первую династию Ура с раннединастическим периодом, хотя в действительности первая династия Ура была его кульминационным пунктом, тогда наш потоп совпадает по времени с шумерийской традиционной хронологией.

Мы убедились, что потоп действительно был, и нет никакой нужды доказывать, что именно об этом потопе идет речь в списке царей, в шумерийской легенде, а следовательно, и в Ветхом завете. Разумеется, это отнюдь не означает, что все подробности легенды достоверны. В основе ее лежит исторический факт, однако поэты и моралисты излагают историю потопа каждый на свой лад. Вариаций много, но суть остается неизменной. В Библии говорится, что вода поднялась на восемь метров. По-видимому, так оно и было. Шумерийская легенда

---

<sup>3</sup> Современный Ур, расположенный около трехсот двадцати километров от моря, возвышается над уровнем моря всего на четыре с половиной метра. Ветка железной дороги, ведущей в Ур в восемнадцати километрах от современного русла Евфрата, лежит на два метра ниже дна реки, так что в случае прорыва искусственных дамб сообщение здесь будет прервано.

рассказывает, что люди до потопа жили в тростниковых хижинах. Мы нашли эти хижины в Уре и в Эль-Обейде. Ной построил свой ковчег из легкого дерева, а затем просмолил его битумом. Как раз в самом верхнем слое наносов потопа мы нашли большой ком битума, со следами корзины, в которой он хранился. Я сам видел, как природный битум из месторождений Хита в среднем течении Евфрата грузят в такие корзины и отправляют вниз по реке.

Разумеется, это был не всемирный потоп, а всего лишь наводнение в долине Тигра и Евфрата, затопившее населенные районы между горами и пустыней. Но для тех, кто здесь жил, долина была целым миром. Большая часть обитателей долины, вероятно, погибла, и лишь немногие пораженные ужасом жители городов дожили до того дня, когда бушующие воды начали, наконец, отступать от городских стен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они увидели в этом бедствии божью кару согрешившему поколению и так описали его в религиозной поэме. И если при этом какому-то семейству удалось на лодке спастись от наводнившего изменностью потопа, его главу, естественно, начали воспевать как легендарного героя.

## ГЛАВА II

### ПЕРИОДЫ УРУКА И ДЖЕМДЕТ НАСРА

Слой черепков культуры Эль-Обейда, лежащий над массой илистых отложений в пласте «гончарной печи» нашего большого котлована, был относительно тонок. В этом месте почти сразу появляется примесь одноцветной «урукской» керамики. А когда напластование расколотого «брака» гончарных печей достигало толщины в шестьдесят сантиметров, черепки эль-обейдского стиля исчезли, и все наши находки относились уже к эпохе Урука. Таким образом, более ранняя культура уступила место позднейшей. Поскольку эта смена произошла не вдруг, а постепенно, ясно, что какой-то период обе культуры существовали одновременно. Это все, что мы достоверно знаем.

Техника изготовления посуды двух периодов совершенно различна: посуда Эль-Обейда вылеплена руками,

а Урука — на гончарном круге; одна расписана многоцветными узорами, другая просто обожжена в особых печах с тонкой регулировкой пламени, позволяющей получать нужный цвет. Поэтому мы решили, что произошло вторжение нового народа; подобные изменения вряд ли были результатом развития местного ремесла. Но это только предположение, не больше.

Мы обнаружили в Уре следы урукского периода лишь в нашем большом котловане. Если бы глубокие раскопки велись внутри городских стен, мы наверняка встретили бы там массу одноцветных черепков. К счастью, раскопки в Варке помогли узнать об урукском периоде много нового.

Жители долины нижнего Евфрата в этот период положили начало веку металла; это был богатый и имевший большое значение период, длившийся продолжительное время. Характер его культуры говорит о том, что она была принесена извне, скорее всего с севера. Урукскую посуду изготовляли и употребляли в Уре; по-видимому, пришельцы сначала поселились рядом с древними обитателями долины, уцелевшими от потопа, а затем постепенно достигли такой власти, что старое искусство и техника были заменены новыми, иноземными. Все это доказывает, что и в Уре тоже был урукский период. Мы знаем о нем немного, но даже это немногое до какой-то степени заполняет пробел между культурой Эль-Обейда и той, что возникла позднее.

Вся верхняя часть пласта «гончарной печи» в нашем большом котловане заполнена осколками глиняной посуды периода Джемдет Насра. Над ним лежат развалины домов, причем три нижних слоя руин относятся к тому же периоду. Об этом свидетельствует найденная в развалинах посуда, а кроме того, — обнаруженная в третьем снизу слое своеобразная миска грубой ручной работы. Такие миски были найдены и в других поселениях; они настолько характерны, что могут служить образцом работы гончаров периода Джемдет Насра. Масса черепков на месте гончарных печей и три слоя развалин над ними говорят о достаточной продолжительности этого периода. К счастью, в данном случае мы полагаем другими свидетельствами, помимо черепков.

В 1930—1933 гг. мы работали на участке вокруг зиккурата, пытаясь определить, какие исторические события

происходили здесь до того, как Урнамму, правитель третьей династии Ура, построил это величественное сооружение, развалины которого до сих пор возвышаются над окружающей местностью. Так как нам приходилось щадить древний памятник и прилегающие к нему строения, исследование нижележащих слоев было крайне затруднительно. Правда, в конце концов мы все-таки сумели установить план двух последовательных пристроек раннединастического периода (о них речь пойдет ниже), но при этом мы располагали таким ограниченным пространством, что нам редко удавалось проникнуть в глубь древних наслоений. Однако разрез, произведенный у западного угла террасы зиккурата, дал нам необходимые сведения. Под нею оказалась длинная стена, частично срезанная древним фундаментом. Это сооружение с крутым наклоном явно служило подпорной стеной террасы. Оно сложено из маленьких необожженных кирпичей, характерных для урукского периода, — такие кирпичи обнаружены в Варке. Но снаружи стена укреплена дополнительным рядом кирпичей уже другого типа, похожих на кирпичи периода Джемдет Насра из развалин домов нашего большого котлована.

За стеной мы обнаружили пол из кирпича-сырца, усыпанный тысячами маленьких конусов из обожженной глины. Эти похожие на карандаши конусы, заостренные с одной стороны и тупые с другой, имеют в среднем около девяти сантиметров в длину и примерно полтора сантиметра в диаметре. Они вылеплены из беловато-желтой глины. Тупые концы некоторых конусов покрыты красной или черной краской.

Лет сто назад английский путешественник и археолог Лофтус нашел в Варке стену, покрытую мозаикой. Это была часть строения, недавно целиком открытого немецкими археологами. Это настоящий дворец<sup>1</sup> с огромными колоннами из кирпича-сырца и стенами с панелями. Даже столь прозаический материал, как глина, был в нем совершенно преобразен наружной облицовкой. Колонны и стены, густо обмазанные илом, были сплошь утыканы такими же конусами из обожженной глины, какие мы на-

<sup>1</sup> Существование в Варке этого удивительного дворца может служить еще одним доказательством в пользу того, что период Джемдет Насра одновременен первой династии Урука из списка царей.

шли в Уре. Каждый конус был глубоко воткнут в штукатурку так, что снаружи торчал только его тупой конец. Все конусы соприкасались друг с другом и были подобраны по цвету таким образом, что создавался искусный узор из треугольников, зигзагов, ромбов и прочих фигур, сочетающихся в бесконечном разнообразии по всему зданию. Все это дает нам основание утверждать, что зиккурат в Уре уже существовал в эпоху Джемдет Насра. Он стоял на высокой искусственной платформе — мы нашли ее подпорную стену — и был изукрашен мозаикой из разноцветных конусов. Чтобы привести пример величественной архитектуры этого раннего периода, мы вынуждены сослаться на Варку. Зато в Уре сохранилось кладбище с массой домашней утвари.

Глубокие раскопки на царском кладбище обнаружили не только могилы периода Джемдет Насра. В слое мусора, в котором находятся захоронения раннединастического периода, мы обнаружили массу древнейших табличек с письменами и оттисками печатей.

Обычно мы сопоставляли печати с письменными документами. Для большинства исторических периодов такой метод естествен и правилен. Однако следует учесть, что печати как знак или клеймо определенного владельца появились на много столетий раньше письма. По сути дела такие печати существовали уже в каменном веке!

Оттиски печатей, найденные нами в слое мусора, находились на глине, которой запечатывали сосуды. Горлышко сосуда завязывали тряпкой, обмазывали глиной и сверху прикладывали к влажной глине печать. Некоторые печати имели простейшие геометрические контуры, на других были изображены фигурки людей или животных. Постепенно рисунок печатей становился все искуснее и сложнее. В нем появились явно условные символические знаки, которые повторяются в различных сочетаниях. Это уже начало письменности. Наши оттиски печатей графически воспроизводят подробности эволюции шумерийского письма.

Чтобы добыть как можно больше столь важных предметов, в раскопный сезон 1932—1933 гг., мы снова вернулись на то же место и почти сразу же нашли таблички и оттиски печатей. Но здесь слой был относительно тонкий, и под ним начиналась обычная мешанина древних отбросов и мусора, в которой трудно найти что-либо ин-

тересное. Мы надеялись только, что ниже окажутся другие могилы, а потому решили дойти до стерильного слоя. Одновременно такой разрез подтвердил бы результаты предшествующих раскопок и ранее выдвинутые предположения. Итак, мы продолжали раскопки вглубь.

На сто двадцать сантиметров ниже слоя с оттисками печатей мы натолкнулись на множество перевернутых вверх дном больших глиняных сосудов грубой ручной лепки, типичной для периода Джемдет Насра. Еще на шестьдесят сантиметров глубже оказались могилы того же периода, с которыми эти сосуды были связаны каким-то погребальным ритуалом. Могилы, по большей части довольно бедные, располагались тесно рядом и одна над другой. В самой нижней мы нашли глиняные вазы с черно-красным орнаментом по светло-желтому фону. Точно такие же вазы были обнаружены в самом Джемдет Насре.

Это открытие было настолько значительным, что встал вопрос о продолжении раскопок в широких масштабах. В следующий сезон я приблизительно определил центр кладбища и, отметив здесь участок площадью около тысячи квадратных метров, приступил к раскопкам. Могилы находились на глубине восемнадцати метров от поверхности. Таким образом, новая шахта вполне могла соперничать с нашим большим котлованом.

У самой поверхности здесь лежит стена теменоса<sup>2</sup>, воздвигнутая Навуходоносором<sup>3</sup>, а внутри нее — несколько строений той же эпохи. Ниже располагаются в два слоя развалины касситских домов<sup>4</sup>. Более древний слой можно датировать приблизительно первым тысячелетием до нашей эры. В этих развалинах выкопаны могилы с глиняными гробами персидского периода, и здесь же мы нашли несколько нововавилонских погребений, при которых труп укладывали в два больших глиняных кувшина, соединенных отверстиями. Под полом касситских домов, под кирпичными сводами или перевернутыми глиняными гробами лежали скелеты обитателей этих

<sup>2</sup> Теменос — святилище. — *Ред.*

<sup>3</sup> Навуходоносор II — царь Вавилона, правивший с 605 по 562 г. до н. э. — *Ред.*

<sup>4</sup> Касситы — народ, пришедший в XVIII в. до н. э. в южную Месопотамию с гор Загроса и завоевавший страну. Их владычество длилось шесть веков. — *Ред.*

домов, похороненных в своих жилищах. Слои располагались в полном соответствии с исторической последовательностью эпох. Но затем строения исчезли. На протяжении всего периода расцвета Ура это место оставалось незаселенным и служило только для свалки строительного мусора<sup>5</sup>.

Примерно на шесть метров ниже, в склоне холма из мусора располагались сотни могил времен Саргона Аккадского<sup>6</sup>. Это было продолжение большого кладбища, которое встречалось нам при раскопках в предыдущие сезоны. Под ним мы нашли также расположенные по склону гробницы царского кладбища и, наконец, ниже края уже знакомого нам слоя с печатями — кладбище периода Джемдет Насра, где могила громоздилась на могилу так, что в некоторых местах встречалось до восьми этажей, причем нижний был выкопан в илистых наносах потопа.

Так как кладбище было очень старым и могилы располагались одна над другой, большая их часть, пожалуй две трети, совершенно разрушилась. Натыкаясь на старое захоронение, могильщики похищали из него все, что представляло хоть малейшую ценность, и без всякой жалости уничтожали остальное. Тем не менее нам удалось обследовать в общей сложности триста пятьдесят могил.

В большинстве случаев тело покойного заворачивали в циновку. По сути дела, это было общим правилом. Правда, иногда мы отмечали «простые захоронения»: в них не оказывалось циновок. Но это, по-моему, объясняется тем, что непрочные ткани просто истлели и совершенно распались. Из всех могил только в одной скелет лежал в прямоугольном сплетенном из прутьев гробу.

Почти все могилы одинаково ориентированы приблизительно с северо-северо-востока на юго-юго-запад, но такое одинаковое расположение, по-видимому, объяснялось только необходимостью всемерно экономить ме-

---

<sup>5</sup> Это звучит неправдоподобно, однако в действительности такое явление весьма типично для Среднего Востока. Например, в самом центре Алеппо вплоть до 1920 г. напротив входа в крепость сохранялся огромный пустырь, окруженный прекрасными домами и служивший свалкой для городских нечистот.

<sup>6</sup> Саргон Аккадский — царь, правивший в XXVI в. до н. э. и объединивший под своей властью всю Месопотамию. — *Ред.*



сто на переполненном кладбище. В могилу же покойника клали головой в любую сторону.

Интересно отметить положение тела. Если в могилах Эль-Обейда умерших укладывали на спину, а в гробницах царского кладбища на бок, в позе спящего с чуть согнутыми в коленях ногами, здесь скелеты были буквально скрючены: голова свешивалась на грудь, ноги подогнуты так, что бедра образовывали с телом прямой угол, в отдельных случаях колени подтянуты прямо к лицу, а пятки касались крестца. В руках покойник, как правило, держал чашку или другой какой-нибудь маленький сосуд. Если не считать этой чашки, перед нами эмбриональное положение — «как вышел человек из чрева матери, так пусть и уходит в тот мир, из которого пришел». Такая поза покойного связана с торжественным ритуалом, продиктованным религией. Всякое изменение этой позы свидетельствует о смене религии. Таким образом разница между захоронениями периодов Джемдет Насра и Эль-Обейда, с одной стороны, и царским кладбищем — с другой, говорит о резкой смене исторических эпох и, возможно, даже о захвате страны чужеземцами.

Подобный вывод подтверждается и другими фактами.

Хотя могилы и располагались непосредственно одна над другой, их нельзя отнести к одному времени. Нижние могилы, разумеется, древнее. Внутри общего периода нам удалось установить последовательность наслоений этого кладбища. По погребальной утвари, различной в разных слоях, можно проследить значительное развитие культуры, потребовавшее немало времени. Многие сосуды, типичные для нижних могил, совершенно исчезают в верхних. Между ними находятся слои, в которых старые сосуды уже почти не встречаются, а новых тоже еще нет: в могилах этого промежуточного периода вместо глиняной посуды преобладает каменная. Наконец, в третьем слое появляются глиняные сосуды совершенно нового, доселе неизвестного типа.

Сначала нам все время попадались большие глиняные сосуды, на горловины которых были надеты опрокинутые простые серые чаши. По типу эти сосуды относятся либо к изготовленной в дымовых печах «копченой» посуде, либо к перекаленной красной. Вместе с ними встречались и простые чаши или пиалы из белого известняка.

В следующем слое каменная посуда гораздо многочисленнее и разнообразнее, а среди глиняной много сосудов «в рубашке». Такую посуду изготовляют следующим образом: готовое изделие погружают в жидкую глину другого сорта и цвета, а затем образовавшуюся «рубашку» процарапывают, чтобы сквозь узор просвечивала глина, из которой вылеплен сосуд. Такая «рубашка» образует на сосуде чуть заметный рельеф, отличающийся по фактуре и цвету от фона, и создает незатейливый, но довольно приятный декоративный эффект.

В верхних могилах глиняная посуда почти отсутствует, но зато в них поразительно много чаш, бокалов и ваз из стеатита, диорита или тяжелого диорита, гипса, известняка и алебаstra. Следует отметить, что все эти материалы импортные и зачастую их привозили издалека — из Мосула на севере, от Персидского залива и Персидских гор на востоке. Но изготовлялись эти сосуды в самом Уре. В отвалах мусора над могилами мы нашли образчики головок каменных сверл для высверливания ваз. Стеатитовую чашу можно начерно вырезать и металлическим узким долотом (стеатит — камень мягкий). Но для окончательной отделки даже стеатитовых сосудов приходилось пользоваться сверлом с диоритовой головкой. Такими сверлами обрабатывали более твердые породы, вращая их тетивой лука. Вазы изготовляли искусные мастера — это не вызывает сомнений. Многие их изделия поистине прекрасны, а формы ваз каждый раз изменяются в соответствии с материалом. Например, из полупрозрачного камня, такого, как алебастр, они изготовляли вазы с широким плоским венчиком вокруг горла, делая его тонким, как бумага, и в то же время из черного диорита они вытачивали большие тяжелые вазы, строгим линиям которых мог бы позавидовать любой афинский скульптор начала V в. до н. э.

Мастера были настолько искусны, что создавали свои шедевры, не прибегая к внешним украшениям. Поэтому большинство ваз гладкие или имеют рельефный шнуровой орнамент вокруг горла. Однако изредка попадаются вазы и с более сложной резьбой, в которой отражено пристрастие шумерийцев к изображениям животных. Любопытным образчиком такой утвари может служить алебастровый светильник в форме раковины — тридакны с пятью отростками — желобами для фитилей. Кстати, мы

находили в могилах немало настоящих раковин — тридакт, приспособленных под такие светильники. На сей раз мастер по какому-то капризу фантазии вырезал на круглом дне светильника рельефную голову летучей мыши. Если смотреть снизу, рогатые отростки «раковины» кажутся перепончатыми крыльями, и вся она напоминает парящую летучую мышь. Стоит еще упомянуть туалетную коробочку, основанием которой служит фигурка барана, и две известняковые чаши, опоясанные барельефными изображениями идущих друг за другом быков. К сожалению, ни один из этих предметов не блещет мастерством обработки. Следует напомнить, что в могилы обычно клали вещи, какими люди пользовались при жизни; эти же могилы принадлежали отнюдь не богачам.

Мои расчеты не оправдались, и наша шахта оказалась в стороне от центра кладбища. Более богатые погребения, по-видимому, располагаются где-то у юго-западного края раскопок, а самые пышные — еще дальше, вне пределов досягаемости. Поэтому мы и не надеялись обнаружить здесь шедевров искусства, какие, например, были найдены немецкой экспедицией в храмах и дворцах Урука.

И действительно, лучший из найденных нами образцов скульптуры Джемдет Насра был обнаружен не на кладбище, а среди развалин домов в большом котловане — это стеатитовая фигурка дикого кабана. Она служила подножием для какого-то предмета и в свою очередь укреплялась на специальной подставке. Глубокие борозды на боках кабана наводят на мысль, что он как бы лежит в зарослях тростника, возможно, из бронзы или золота. В таком виде образ зверя обрел подлинную пластичность. Вздернутая над клыками верхняя губа кабана придает ему черты жизненности, но это единственная реалистическая деталь, все остальные подробности сглажены и сознательно принесены в жертву абстрактному равновесию масс. В целом это действительно удачная композиция!

Чаши с быками, как я уже говорил, просты и грубы. Это был дешевый «рыночный товар», который и не претендовал на искусство. Гончар лишь приблизительно воспроизводил формы какого-то прекрасного образца. Найденная в развалинах дома персидского периода велико-

лепная стеатитовая чаша дает представление о том, на что он мог ориентироваться. Однако эта чаша явно принадлежит другой эпохе, весьма близкой к периоду Джемдет Насра, пожалуй, чуть помоложе. Во всяком случае она создана в традиционном стиле Джемдет Насра или, может быть, даже является копией с подлинного образца того периода.

В поздних могилах верхнего слоя мы нашли множество орнаментированных каменных ваз. Например, в одной могиле мы насчитали тридцать два каменных сосуда! Тем не менее, поскольку и здесь встречаются трехцветные глиняные вазы, столь характерные для периода Джемдет Насра, все эти могилы, как древние, так и более поздние, отражают лишь различные стадии развития одной и той же культуры. Их объединяет одна особенность. Почти в каждой могиле мы находили бусины из сердолика, раковин, лазурита, гематита, стекловидного сплава и золота. Из таких бусин некогда были собраны браслеты для предплечий или запястья, ожерелья или поясные украшения — вещи сугубо личные. Но ни в одной могиле мы не нашли ни оружия, ни инструментов, столь обычных для погребений других эпох.

В этот период металл был уже хорошо известен. Мы откопали множество медных горшков, причем больше всего их оказалось в нижних слоях. Следовательно, медное оружие тоже должно было бы быть достаточно распространенным. И тем не менее его не оказалось ни в одной могиле. Это можно объяснить лишь религиозными верованиями, о которых мы ничего не знаем.

Кое-какие, хоть и не очень значительные, сведения о религии периода Джемдет Насра могут дать оттиски печатей из слоя мусора, расположенного непосредственно над могилами<sup>7</sup>. Здесь попадаются куски глины, которыми замазывали горла сосудов и запечатывали печаткой, принадлежавшей их владельцу. На некоторых оттисках сохранились пиктографические знаки — схематизированные изображения, свидетельствующие о зарождении искусства письма. Но большинство печатей декоративно, т. е. имеет либо более или менее геометрический узор, достаточно оригинальный, чтобы по нему можно было

---

<sup>7</sup> Оттиски опубликованы в кн. L. Legram, *Ur excavations*, vol. III, Oxford, 1937.

определить хозяина, либо какой-нибудь рисунок. Оттиски с рисунками особенно интересны. Помимо птиц, животных и бытовых сценок, мы встречаем здесь примитивные изображения религиозных обрядов, воскрешенных искусством более поздней эпохи или продолжающихся по традиции. Вот перед нами ритуальный пир: два человека сидят друг против друга и что-то пьют через трубки. Вот сцена поклонения: обнаженный жрец приближается к алтарю божества с традиционным жертвенным козлом и кувшином для возлияний, а за ним следуют одетые верующие со своими жертвоприношениями. Вот божество, восседающее в лодке. Вот сценка доения возле хлева, такая же, как встретившаяся нам в храме Нинхарсаг в Эль-Обейде. Вот ритуальный танец. Все это говорит о том, что корни религии классического Шумера уходят по меньшей мере в век Джемдет Насра. То же самое можно сказать о всей шумерийской культуре в целом.

Одновременно с оттисками печатей мы нашли в том же слое мусора глиняные таблички с надписями<sup>8</sup>. Последовательность слоев показывает, что они относятся к концу периода Джемдет Насра. Это же подтверждает и характер надписей; их начертания не столь архаичны, как на табличках, обнаруженных в самом Джемдет Насре и датированных предположительно серединой периода, однако они еще гораздо примитивнее табличек из Фара, которые до наших раскопок считались следующей ступенью развития письменности в Месопотамии. Здесь письмо не клинописное, а еще линейное, даже с некоторыми закругленными начертаниями. Однако оно далеко не так архаично, как на печатях того же времени, на которых резчик, для красоты, придерживался более изящных старых форм. Писец, для которого важнее была легкость и быстрота, не был столь консервативен. Эти таблички восходят к самому началу истории письменности, а потому их содержание крайне ограничено и однообразно. Человек учился писать вовсе не для того, чтобы увековечить свои мысли и деяния. К тому же это было бы довольно трудно сделать. Простейшее письмо — ликтографическое. Каждый его знак изображает непосредственно или условно единственный и совершенно конкретный предмет: бы-

---

<sup>8</sup> Надписи опубликованы в кн. F. E. Burrow, *Ur excavations, Texts, vol. II (Archaic texts)*.

ка, дом, человека, колос, слиток металла и тому подобное. Нельзя изобразить отвлеченную мысль, отношение к чему-либо или действие. Поэтому древнейшие таблички сохранили нам только списки предметов и их подсчет. В них нет ни одной связанной мысли или высказывания, ибо грамматических конструкций еще не существовало.

Примерно из четырехсот табличек, найденных нами в Уре, большая часть — списки хранившихся хлебных злаков и изделий из них: муки, печеного хлеба, пива, а также живого инвентаря. Семьдесят табличек относятся к земельным владениям, четыре содержат списки имен, около двадцати — школьные упражнения, среди которых попадаются перечисления имен богов и названий многочисленных храмов. Все это не очень интересно, а для неспециалиста и подалвно. Но одну любопытную деталь отметить необходимо. Из всех названий храмов, перечисленных в табличках, ни одно не упоминается в Уре династической эпохи, а из имен богов — лишь немногие. Простой эволюцией этого не объяснишь. И тем не менее, несмотря на то что древние боги Джемдет Насра получили впоследствии другие имена, я уверен, что оттиски печатей отражают преемственность религиозных обрядов.

В ходе раскопок Ура мы обнаружили гораздо больше материала, относящегося к периоду Джемдет Насра, чем к предшествующему урукскому периоду, однако особого значения это не имеет. Что дали нам слои с черепками большого котлована, развалины домов над печами для обжига, остатки религиозных сооружений вокруг зиккурата и, наконец, раскопки кладбища? Какое значение все это имеет для истории?

Прежде всего глиняная посуда — наиболее достоверный свидетель — рассказала нам о приходе нового народа. Своеобразные трехцветные гончарные изделия не могли появиться в результате простой эволюции ремесла в долине. Гораздо вероятнее, что они были занесены сюда с востока, т. е. из той части, которая сейчас известна как Персия, или Иран. При этом совершенно необязательно предполагать нашествие и завоевание. Наоборот, факты говорят о постоянном проникновении. Например, гончарная мастерская, продолжая вырабатывать посуду старого типа, одновременно начала выпускать изделия новых образцов. Судя по смеси различных черепков, старое производство некоторое время уживалось с новым.

Таким образом, пришельцы, которые принесли с собой свое искусство и ремесло, сами очень многое переняли у древних обитателей долины. Влияние народа эль-обейдского периода можно проследить не только в материальной культуре классического Шумера, но, по-видимому, и в языке.

Однако каким бы мирным ни было переселение народа Джемдет Насра, пришельцы со временем подчинили себе коренных жителей. Государственные храмы воздвигались только по воле правителей. Зиккурат, центр поклонения богу-покровителю города, был перестроен в новом, пышном стиле, о котором мы можем судить по сохранившимся деталям мозаичного дворца в Уруке. Отсюда естественный вывод: власть над городом перешла в руки представителя народа Джемдет Насра. Последующие события служат тому подтверждением.

Период Джемдет Насра обрывается внезапно. Завоеватели переняли многое из культуры побежденных, поэтому владычество народа Джемдет Насра не вызвало больших изменений, если не считать некоторых нововведений, слишком ценных, чтобы от них отказаться, — например, если они не изобрели, то во всяком случае усовершенствовали искусство письма, и письменность привилась. И, наоборот, искусство, благодаря которому мы сегодня безошибочно определим период Джемдет Насра, исчезло сразу. Трехцветная глиняная посуда встречается только в ранних и поздних могилах. В напластованиях раннединастического периода уже невозможно найти ни черепка. Даже типичные для периода Джемдет Насра формы сосудов исчезают бесследно.

Все здания эпохи Джемдет Насра были, как видно, беспощадно разрушены, а на их месте появляются совершенно не похожие по типу строения. Некоторые перемены поразительны и даже непонятны. Так, например, строители Джемдет Насра и всех предшествующих периодов пользовались плоскими прямоугольными кирпичами, весьма сходными с современными. Это самая естественная и практичная форма. Однако с начала раннединастического периода буквально везде и всюду появляется кирпич с выпуклой, как у каравая хлеба, верхней частью. На нашем археологическом жаргоне мы называем его «плоско-выпуклый» кирпич. Со строительной точки зрения такой кирпич никуда не годится.

Чтобы объяснить его появление у народа, располагавшего достаточным опытом и знакомого с более совершенной формой, было выдвинуто немало предположений. Например, говорили, что этот народ привык строить дома из булыжников или округленных каменных глыб, скрепленных илом, и что такой кирпич является слепым подражанием. Однако люди раннединастического периода были не чужеземцами, а коренными обитателями долины и, следовательно, не имели никакого опыта в строительстве из камня. К тому же в каменных сооружениях строители тоже всегда отдавали естественное предпочтение плоским камням и уже наверное не стали бы мучиться с их заменителями, вылепленными из ила по столь неудобной форме. Наконец, если это и было какое-то нелепое подражание, одним подражанием нельзя объяснить факт, что буквально все строители страны в течение столетий пользовались исключительно плоско-выпуклыми кирпичами. Для этого должны были существовать гораздо более веские причины.

Мне кажется, что находки, сделанные нами во время раскопок на территории зиккурата, могут объяснить загадку. В период Джемдет Насра на этом месте уже стоял зиккурат, опоясанный ступенчатыми террасами. Мы обнаружили только фрагмент стены одной из террас, но и этого вполне достаточно, чтобы убедиться в его существовании. Затем он был стерт с лица земли, мозаичные украшения осыпались, а на этом месте возвели новый храм совершенно иного плана и по-другому сориентированный. Фундамент стен нового зиккурата сложен из плоских кирпичей периода Джемдет Насра попеременно с плоско-выпуклыми, характерными для раннединастического периода. По мере того как стена росла, количество плоских кирпичей быстро убывало, а когда она поднялась над поверхностью вся, кладка велась уже одними плоско-выпуклыми кирпичами. У строителей явно оставался еще запас плоских кирпичей, и они не хотели, чтобы он пропал. Но использовать этот кирпич они могли только в фундаменте, потому что все наружные части здания можно было возводить лишь из кирпичей с округленным верхом. По-видимому, это было обязательным правилом.

Другой характерной особенностью нового храма является странный раствор, которым пользовались при укладке кирпичей. Во всех других зданиях Ура раствор



довольно чист и мягок; таким он и должен быть. Но здесь к нему примешано большое количество мелких черепков посуды эль-обейдского периода, — их почти столько же, сколько ила. И это не естественная смесь, извлеченная из слоев со следами эль-обейдской культуры, а искусственно и совершенно сознательно приготовленная.

Я полагаю, что коренные обитатели долины ненавидели людей Джемдет Насра, этих чужеземцев, завладевших страной. В конечном счете ненависть вылилась в восстание, которое свергло власть пришельцев. Большие здания, дворцы и храмы, воздвигнутые тиранами и символизировавшие их господство, разумеется, были разрушены, а потом отстроены заново. Но эти новые здания не должны были ничем напоминать старые. Даже плоские кирпичи были отвергнуты и заменены другими, пусть нелепыми и неудобными, но зато отличными от традиционных кирпичей Джемдет Насра. Так повсюду была введена плоско-выпуклая форма кирпичей. Но этого мало. При постройке первого нового храма, главного храма бога-ства города, жители Ура смешали с раствором древнюю разбитую посуду времен Эль-Обейда. Подобным взрывом национального негодования они связали себя с первыми основателями государства, начисто отменяя промежуточный период Джемдет Насра. Но в истории Месопотамии этот промежуточный период сыграл первостепенную роль: с его завершением связано окончательное формирование шумерийской культуры. Подобное утверждение снова поднимает старый вопрос, который уже не раз обсуждался: кто же такие шумерийцы?

Слово «шумериец» образовано современными учеными от имени собственного «Шумер». Начиная примерно с III тысячелетия до нашей эры так называли Южную Месопотамию, противопоставляя ее северной части долины — Аккаду. Однако обитатели Южной Месопотамии называли себя не «шумерийцами», а просто «народом Шумера». Современному историку очень удобно пользоваться терминами «шумериец», «шумерийский» для обозначения определенного языка, определенного народа и определенной культуры. Язык «шумерийских» табличек резко отличается от языков всех других народов, когда-либо населявших Месопотамию, и до сих пор не удалось даже определить, к какой языковой группе он относится. Что представляет собой «шумерийская цивилизация», мы

знаем достаточно хорошо благодаря плодотворным раскопкам. Но вопрос «кто такие шумерийцы?» остается неразрешенным.

Можно ли употреблять этот термин по отношению к древним племенам Эль-Обейда? Несомненно, в развитии культуры, которую мы называем шумерийской, они сыграли значительную роль, однако полного развития эта культура достигла уже после их гибели во время потопа.

А народ Урука? Он принес с собой металл и этим способствовал дальнейшему прогрессу, но больше о нем мы почти ничего не знаем.

В равной степени этот вопрос относится и к людям Джемдет Насра. Весьма соблазнительно провести аналогию между ними и героями шумерийской легенды, повествующей о расе чудовищ, полурыб, полулюдей. Под предводительством некоего Оанна они вышли из волн Персидского залива, поселились в городах Шумера, научили людей писать, возделывать поля и обрабатывать металлы. «И с того времени никто не придумал уже ничего нового». Однако вряд ли можно приписать все это только им.

Несомненно, что шумерийская цивилизация возникла из элементов трех культур: Эль-Обейда, Урука и Джемдет Насра, и окончательно оформилась только после их слияния. Лишь начиная с этого момента, жителей Нижней Месопотамии можно называть шумерийцами. Поэтому я полагаю, что под именем «шумерийцы» мы должны подразумевать народ, предки которого, каждый по-своему, разрозненными усилиями создавали Шумер, но к началу династического периода индивидуальные черты слились в одну цивилизацию.

### ГЛАВА III

#### ЦАРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Когда в 1922 г. мы только приступили к раскопкам в Уре, я прежде всего решил проложить пробные траншеи, чтобы хоть приблизительно представить себе расположение древнего города. Главная задача заключалась в том, чтобы определить контуры стены, возведенной Навуходносором вокруг теменоса, или священного квартала Ура. Доктор Холл в 1919 г. откопал небольшой участок этой

стены, но, поскольку внутри теменоса должны были находиться крупнейшие городские храмы, нужно было установить его точные границы, и чем скорее, тем лучше. От этого зависела вся наша дальнейшая работа.

Первую траншею, которая должна была бы обнажить юго-восточную часть стены Навуходоносора, мы рыли наугад: на совершенно голой почве не осталось никаких внешних ориентиров и ничто не подсказывало нам истинного направления. Поэтому наша траншея в основном пролегла внутри теменоса, и мы не нашли даже следов строений. Лишь в его юго-западном конце мы вскрыли два или три пласта кирпичных фундаментов стены, наземная часть которой была уничтожена бесследно.

Однако исчезновение позднеавилонских сооружений еще не означало, что здесь нечего искать. Я приказал углубить траншею, и тотчас нам начали попадаться различные предметы. Они встречались группами и поодиночке. Это были почти все разбитые глиняные вазы, сосуды из известняка, мелкие бронзовые изделия и множество бусин каменных или из глазированного фаянса. Найденные бусины принимал старший десятник; он же или кто-либо другой из членов экспедиции наблюдал за раскопками. Здесь должны были попадаться, и золотые бусины, однако наши землекопы почему-то не находили ни одной.

Украденное удалось вернуть сравнительно просто. Землекопы работали группами по пять человек под руководством десятников. У каждой группы был свой участок. В день полочки я объявил, что за каждую золотую бусину, найденную старшим десятником Хамуди или кем-либо из землекопов, все рабочие данного участка будут получать «бакшиш». А «бакшиш» я назначил в три раза больше того, что заплатил бы за бусину любой местный ювелир. Мои слова были встречены с удивлением и вызвали у многих самое искреннее раскаяние. Это произошло в субботу. А в понедельник землекопы обнаружили в траншее поразительное количество золотых бусин — все, что сумели выкупить у ювелиров за воскресенье. С этим дело обстояло хорошо; подлинные трудности оказались иными. Траншея явно пересекала кладбище и, судя по нашим находкам, должна была быть очень богатой. Но раскопку могил, если хочешь получить какие-то научные данные, необходимо вести особенно тщательно и осторожно. Мы вскрывали могилу за могилой, однако

лишь в редчайших случаях нам удавалось извлечь всю погребальную утварь. Большинство предметов выбрасывалось на поверхность без какого-либо научного описания, и, по существу, мы не описали как следует ни одной могилы. Наши землекопы принадлежали к наиболее отсталому племени, и многие впервые в жизни держали инструменты в руках. Они не имели ни малейшего представления о том, что такое работа археолога, были неопытны и недостаточно внимательны. Кроме того, сами мы были невеждами: археология в Месопотамии еще не вышла из пеленок. Не было возможности определить возраст небольших предметов, извлеченных из могил. Об уровне тогдашних знаний красноречиво свидетельствует один случай. Я как-то спросил специалиста о датировке некоторых вещей. Он мне ответил, что, поскольку предметы найдены почти у самой поверхности, они должны относиться к позднеавилонскому периоду (700 лет до н. э.). В действительности же эти находки относились к эпохе Саргонидов и датировались XXIII в. до н. э.

Нашей целью было изучение истории, а не просто пополнение музейных витрин всевозможными редкостями. Но для этого нужно было как следует подготовиться и нам самим и нашим рабочим. Поэтому я приостановил раскопки в «золотоносной траншее» и, несмотря на ежегодные напоминания рабочих, не возвращался к ней четыре сезона. Мы накапливали опыт, необходимый для таких раскопок. Эта отсрочка пошла на пользу. Раскопки в районе «золотоносной траншеи», рассчитанные на несколько сезонов, имели огромное значение и оказались невероятно сложными. Но теперь все обстоятельства складывались для нас удачно. Мы уже составили по крайней мере общее представление об археологии Шумера, добрались до первой династии Ура и даже глубже — до эль-обейдского периода, правда, еще не определив его подлинного значения. У нас уже были достаточно опытные рабочие, честные и дисциплинированные. Два сына Хамуди — Ибрагим и Яхья — к тому времени полностью овладели техникой раскопок и в роли десятников оказывали нам неоценимую помощь.

Итак, с начала 1927 г. мы приступили к раскопкам кладбища. Вскоре выяснилось, что в действительности здесь одно под другим лежат два кладбища разных периодов. Верхнее кладбище, судя по надписям на цилинд-

дрических печатях, относилось ко временам правления Саргона Аккадского (к нему мы вернемся позднее). Под ним в отвалах мусора, скопившегося у стен священного квартала, оказались могилы второго кладбища, которое мы называем «Царским кладбищем». Как я уже говорил, мы начали раскопки внутри теменоса Навуходоносора, и вскоре нам стало ясно, что он крупнее теменоса более древнего города. Зиккурат и многие храмы той эпохи стояли на высокой, подпертой стенами террасе. Середина террасы образовалась из наслоения развалин зданий, древнейшие из которых восходят к первому поселению в Уре людей эль-обейдского периода. Южнее террасы оставался незастроенный пустырь. Здесь жители Ура сваливали отбросы и мусор. Постепенно на пустыре выросла слегка покатая насыпь, опиравшаяся более высокой стороной на стену теменоса. Хотя это была свалка, тем не менее она примыкала вплотную к священному кварталу, и на ней не было строений. Естественно, жители города начали со временем хоронить здесь своих умерших.

Здесь были погребения двух типов: могилы простых горожан и гробницы царей. Мы раскопали около двух тысяч могил и шестнадцать более или менее сохранившихся гробниц.

Обычная могила представляла собой прямоугольную яму глубиной от одного метра двадцати сантиметров до четырех метров. В нее клали покойника, завернув его в циновки, или же в гробу, плетеном, деревянном или глиняном. Никаких особых правил не существовало, и труп мог лежать головой к любой части света. Зато поза была неизменной: все скелеты лежат на боку, спина прямая или чуть сгорбленная, ноги слегка подогнуты, а руки сложены ладонями вместе перед грудью, почти на уровне рта. Это поза спящего. Она совершенно не походит ни на вытянутое положение скелетов эль-обейдского периода, ни на «эмбриональную» позу, типичную для могил Джемдет Насра. Все остальные детали погребений кажутся случайными и произвольными, но поза спящего всегда одинакова. Очевидно, она отражает определенные религиозные представления.

Вместе с покойным клали его личные вещи: ожерелья, серьги, нож или кинжал, булавку, которой закалывали одеяние или саван, а также, по-видимому, цилиндриче-

скую печать, оттиск которой на глиняной табличке был равнозначен подписи владельца. Рядом с трупом, завернутым в циновки, или рядом с гробом оставляли жертвоприношения духу покойного: пищу и питье в глиняных, каменных или медных сосудах, оружие, инструменты. Обычно дно могилы устилали циновками и такими же циновками накрывали жертвоприношения сверху, чтобы предохранить их от непосредственного соприкосновения с землей, которой засыпали яму. Эта забота об умершем говорит о том, что шумерийцы верили в загробную жизнь, но ничего определенного об их верованиях мы не знаем. Мы не нашли в могилах ни одной статуэтки, изображающей божество, ни одного символа или хотя бы орнамента, имеющего религиозное значение. Покойный просто брал с собой предметы, которые могли ему понадобиться на пути в загробный мир или в самом загробном мире, но каким он представлял себе этот мир, куда он направлялся, неизвестно. Погребальная утварь должна была служить для удовлетворения сугубо материальных потребностей и довольно точно отражала социальное положение покойного и его семьи.

Все погребения предельно просты. Над ними нет ничего похожего на надгробные памятники или плиты. Обычно первым признаком могилы в смешанной почве этого кладбища служит волнистая полоска белой пыли не толще листа бумаги, обрывок тростниковой циновки, некогда покрывавшей погребения, или несколько маленьких, расположенных в ряд и уходящих вертикально вниз отверстий, — следы истлевших кольев, которыми укрепляли по бокам деревянный или плетеный из прутьев гроб. Просто удивительно, как бесследно исчезают в этой почве непрочные материалы, — такие, как дерево или циновки! Правда, глина сохраняет их отпечатки, необычайно отчетливые, передающие даже структуру вещей. Иногда отпечатки настолько хороши, что на фотографии они кажутся реальными предметами, хотя в действительности это лишь их тени, исчезающие от одного прикосновения пальцев или слабого дуновения. Подобные отпечатки нежнее пыльцы на крыльях бабочки. С одним таким отпечатком произошел трагический случай.

Мы разбили кладбище на квадраты и расставили рейки, служившие нам ориентирами для измерений при определении положения могил. В тех местах, где раскоп-

ки шли уже на большой глубине, эти рейки оставались на высоких земляных столбах. Чтобы измерения были точными, рейки приходилось время от времени переставлять пониже. Именно так обстояло дело и на сей раз. Я попросил рабочего снять рейку, а он, шутки ради, взял и толкнул посильнее весь земляной столб. Как и следовало ожидать, верхушка столба вместе с рейкой, полетела вниз, отколовшись точно по диагонали. В следующее мгновение рабочий закричал, подзывая меня поближе. На срезанной наискосок верхушке земляной колонны виднелось нечто весьма напоминавшее деревянную панель, покрытую тонкой резьбой. Рельеф изображал людей. Я тотчас послал за фотоаппаратом, а сам немедленно начал измерять и срисовывать фигурки. И тут внезапно начался один из столь редких в Южном Ираке ливней. Рабочие превзошли самих себя, пытаясь хоть как-то прикрыть драгоценный обломок своими одеждами, но скоро «панель» расползлась и превратилась в жидкую грязь. Я едва успел набросать контуры двух-трех фигурок.

Тем не менее подобные отпечатки деревянных предметов и обрывки циновок сослужили нам огромную службу при раскопках кладбища. Они вовремя предупреждали рабочих о том, что внизу что-то есть, и находки не заставляли нас врасплох. Работая мотыгой вслепую, землекоп мог уничтожить какое-нибудь хрупкое сокровище, а так он вовремя менял мотыгу на археологический скальпель и щетку. Окончательной расчисткой и описанием могил занимались члены экспедиции, всегда дежурившие на раскопках.

Должен признаться, что научная обработка двух тысяч могил из-за ее однообразия наскучила нам до крайности. Почти все могилы были одинаковыми, и, как правило, в них не оказывалось ничего особенно интересного. Это были погребения либо первоначально бедные, либо разграбленные впоследствии. По крайней мере две трети их оказались ограбленными и разрушенными почти полностью.

Пока на кладбище продолжали хоронить умерших, те, кто рыл здесь могилу, зачастую натыкались на старые захоронения: на тесном кладбище это было почти неизбежно. И, разумеется, могильщикам трудно было удержаться от искушения: они растащили все, что представ-

лялю хоть какую-то ценность. Позднее люди, соблазненные сначала случайными находками, начали приходить сюда уже умышленно для ограбления могил. Они должны были знать, возможно благодаря остаткам надгробных памятников, о приблизительном местоположении древних царских гробниц, но открыто грабить их опасались. Мы нашли в стороне от гробниц круглые колодцы, спускавшиеся вертикально на глубину погребения, а затем переходившие в горизонтальный лаз, который вел к гробнице, намеченной грабителями. Судя по найденным в одном из колодцев черепкам он был прорыт во времена Саргона Аккадского. Обычно вора́м удавалось добраться до погребения, и лишь в нескольких случаях они просчитались и отступили, должно быть не без сожалений. В Уре, как и в Египте, ограбление могил было одной из древнейших профессий, и те, кто ею занимался, никогда не действовали наугад: они точно знали, где что лежит, и стремились прибрать к рукам что подороже. Мы нашли сотни уцелевших частных могил, представляющих большую научную ценность для археолога, но совершенно неинтересных для кладоискателей. И, наоборот, обнаружить богатое и неразграбленное погребение мы могли только случайно, при стечении самых счастливых обстоятельств. Одним из таких интереснейших погребений была могила Мес-калам-дуга, найденная нами в рабочий сезон 1927/28 г. Она была вырыта в шахте самой большой царской гробницы, но сама по себе ничем не отличалась от бесчисленного множества обычных частных могил, разве только своим богатством. Нашли ее следующим образом. Сначала заметили торчащий из земли медный наконечник копья. Оказалось, что он насажен на золотую оправу древка. Под оправой было отверстие, оставшееся от истлевшего древка. Это отверстие и привело нас к углу могилы. Могила, чуть покрупнее обычной, но такого же типа, представляла собой простую яму в земле, вырытую по размерам гроба с таким расчетом, чтобы с трех сторон от него осталось немного места для жертвенных приношений. В изголовье гроба стоял ряд копий, воткнутых остриями в землю, а между ними — алебастровые и глиняные вазы. Рядом с гробом на остатках, по-видимому, выпуклого щита лежали два отделанных золотом кинжала, медные кинжалы, резцы и другие инструменты. Тут же — около пятидесяти медных сосудов, среди кото-



рых много рифленых, серебряные чаши, медные кувшины, блюда и разнообразная посуда из камня и глины. В ногах гроба тоже стояли копья и лежал набор стрел с долообразными наконечниками из кремневых осколков.

Но мы были по-настоящему поражены, когда очистили от земли гроб. Тело лежало в обычной позе спящего на правом боку. Широкий серебряный пояс распался; к нему был подвешен золотой кинжал и оселок из лазурита на золотом кольце. На уровне живота лежала целая куча золотых и лазуритовых бусин — их было несколько сотен. Между руками покойного мы нашли тяжелую золотую чашу, а рядом — еще одну, овальную, тоже золотую, но крупнее. Около локтя стоял золотой светильник в форме раковины, а за головой — третья золотая чаша. К правому плечу был прислонен двусторонний топор из электрона<sup>1</sup>, а к левому — обыкновенный топор из того же металла. Позади тела в одной куче перепутались золотые головные украшения, браслеты, бусины, амулеты, серьги в форме полумесяца и спиральные кольца из золотой проволоки. Кости настолько разрушились, что от скелета осталась лишь коричневая пыль, по которой можно было определить положение тела. На этом фоне еще ярче сверкало золото, такое чистое, словно его сюда только что положили. Но ярче всего горел золотой шлем, который все еще покрывал истлевший череп. Шлем был выкован из золота в форме парика, который глубоко на двигался на голову и хорошо прикрывал лицо щечными пластинами. Завитки волос на нем вычеканены рельефом, а отдельные волоски изображены тонкими линиями. От середины шлема волосы спускаются вниз плоскими завитками, перехваченными плетеной тесьмой. На затылке они завязаны в небольшой пучок. Ниже тесьмы волосы ниспадают стилизованными локонами вокруг ушей, вычеканенных горельефом, с отверстиями, чтобы шлем не мешал слышать. Локоны на щечных пластинах изображают бакенбарды. По краю нижней оторочки шлема в золоте проделаны маленькие отверстия для бечевок, которыми закреплялся стеганный капюшон — прокладка. От него сохранилось несколько обрывков.

Из вещей, найденных нами на кладбище, этот шлем самый прекрасный образец работы золотых дел масте-

<sup>1</sup> Электрон — сплав золота и серебра.—*Ред.*



Каменная статуя  
раннешумерийского периода



Золотой шлем и сосуд из могилы  
Мес-калам-дуга

ров. Он превосходит по красоте золотые кинжалы, головы быков и т. п. Если бы даже от шумерийского искусства ничего больше не осталось, достаточно одного этого шлема, чтобы отнести искусству древнего Шумера почетное место среди цивилизованных народов.

На двух золотых сосудах и на светильнике повторяется надпись «Мес-калам-дуг. Герой Благодатной страны». То же имя обнаружено на цилиндрической печати, которая вместе с двумя золотыми кинжалами была найдена под каменным сводом погребения царицы, но там владелец печати называется «царем», здесь же никаких официальных титулов нет. Исключительное богатство погребения и почетное звание «Герой Благодатной страны» наводят на мысль, что Мес-калам-дуг был принцем царского рода, но в то же время отсутствие символов царской власти указывает, что он никогда не занимал трона. Это похоже на правду. Если только мы не ошиблись в наших предположениях, то это погребение относится к обычному типу частных могил. Однако, если бы мы не видели царских гробниц, то, наверное, решили бы, что здесь похоронен царь. Теперь же для нас ясно, что это частная могила, отличающаяся лишь своим богатством.

Всего на кладбище было шестнадцать царских гробниц, и, хотя ни одна из них не походила на другую, некоторые характерные особенности резко отличали их от обычных могил. Царей хоронили не просто в гробах, а в гробницах из камня или из камня и обожженного кирпича. Такая гробница могла состоять из одного помещения или из анфилады тщательно отделанных комнат — настоящего подземного дворца. Погребальный ритуал царей сопровождался человеческими жертвоприношениями. Число жертв колебалось от пяти-шести до семидесяти-восьмидесяти человек, но какое-то определенное количество слуг должно было обязательно остаться у гроба владыки, и гробницу не просто засыпали землей, а выполняли при этом сложную и длительную церемонию погребального обряда.

Грабители, а в какой-то степени и могильщики, копавшие более поздние могилы, разрушили почти все царские гробницы. Из них уцелели только две. Поэтому мы не всегда можем восстановить все подробности погребального ритуала. Детали его приходится восстанавливать по следам, оставшимся в различных гробницах, ис-

ходя из не всегда доказуемого предположения, что для всех царских погребений этот ритуал был одинаковым. Поэтому я даю лишь общее описание церемонии, частности которой, впрочем, подтверждаются исследованием отдельных гробниц.

Первая вскрытая нами царская гробница, по сути дела, рассказала нам очень мало, во-первых, потому, что она была безнадежно разрушена грабителями, а во-вторых, потому, что в последние дни сезона 1926/27 г. мы только приступили к раскопкам такого рода и сами еще не знали, что нужно искать. Здесь среди массы бронзового оружия, которое для нас в то время вообще не ассоциировалось ни с каким погребением, мы нашли знаменитый золотой кинжал Ура. У него золотое лезвие, рукоятка из лазурита с золотыми заклепками и великолепные золотые ножны с тонким рисунком, воспроизводящим травяную плетенку, которая иногда употреблялась простыми людьми как ножны для кинжалов. Здесь же мы нашли еще один не менее ценный предмет — золотой конусообразный стакан, украшенный спиральным орнаментом. В нем оказался набор миниатюрных туалетных принадлежностей, изготовленных также из золота (пинцет, ланцет и др.).

До сих пор в Месопотамии не находили ничего даже отдаленно похожего на эти предметы, поэтому они были так необычны, что один из лучших экспертов заявил, что это вещи арабской работы XIII в. н. э. И порицать его за такую ошибку нельзя. Ведь никто не подозревал, что столь высокое искусство могло существовать в III тысячелетии до нашей эры! В начале следующего сезона мы обнаружили ряд новых доказательств происхождения этого кинжала, однако окончательно определить время его изготовления удалось лишь в результате дальнейших более полных исследований.

В раскопный сезон 1927/28 г. мы натолкнулись в другом месте кладбища на пять скелетов, уложенных бок о бок на дне наклонной траншеи. У пояса каждого был медный кинжал, тут же стояли одна или две маленькие глиняные чашки. Отсутствие привычной погребальной утвари и самый факт массового захоронения показали нам необычными.

Ниже по траншее мы обнаружили слой циновок, который привел нас ко второй группе: десять женщин были

заботливо уложены двумя ровными рядами. На всех были головные украшения из золота, лазурита и сердолика, изящные ожерелья из бусин, но обычной погребальной утвари здесь тоже не оказалось. В конце крайнего ряда лежали остатки чудесной арфы: ее деревянные части истлели, однако украшения сохранились полностью, и по ним можно восстановить весь инструмент: это вопрос только времени и терпения. Верхний деревянный брус арфы был обшит золотом, в котором держались золотые гвозди, — на них натягивали струны. Резонатор украшала мозаика из красного камня, лазурита и перламутра, а впереди выступала великолепная золотая голова быка с глазами и бородой из лазурита. Поперек остатков арфы покоился скелет арфиста в золотой короне.

К тому времени мы определили границы шахты, в которой лежали женские скелеты. Оказалось, что тела пятерых мужчин похоронены на уступе, который ведет к этой же могиле. Следуя дальше по траншее, мы натолкнулись на остатки костей, которые сначала нас удивили, — это не были человеческие кости, — но вскоре все разъяснилось. Неподалеку от входа в подземный покой стояли тяжелые деревянные сани, рама которых была отделана красно-бело-синей мозаикой, а боковые панели — раковинами и золотыми львиными головами с гривами из лазурита на углах. Верхний брус (перекладину) украшали золотые львиные и бычьи головы меньшего размера, спереди были укреплены серебряные головы львиц. Ряд бело-синей инкрустации и две маленькие серебряные головки львиц отмечали положение истлевшего яремного дышла. Перед санями распростерлись раздробленные скелеты двух ослов, а в их головах — скелеты конюхов. Сверху этой груды костей лежало некогда прикрепленное к дышлу двойное серебряное кольцо, сквозь которое проходили вожжи, а на нем — золотой амулет, — превосходно сделанная реалистическая фигурка ослика.

Рядом с повозкой мы нашли игорную доску. Тут же была целая коллекция оружия и инструментов, например набор долот и золотая пила, а кроме того, большие серые горшки из мыльного камня, медная посуда и золотая питьевая трубка с лазуритовой отделкой. Через такие трубки шумерийцы пили из сосудов разные напитки.

Дальше — снова человеческие костяки, а за ними — остатки большого деревянного сундука, украшенного мо-

заичным узором из перламутра и лазурита. Сундук был пуст. Наверное, в нем хранились такие недолговечные вещи, как одежда, истлевшая без следа.

За сундуком стояли прочие жертвенные приношения: множество медных, серебряных, золотых и каменных сосудов, причем среди последних оказались великолепные образчики, выточенные из лазурита, обсидиана, мрамора и алебаstra. Один серебряный набор, по-видимому, служил для обрядовой трапезы. В него входит узкий поднос или блюдо, кувшин с высоким горлышком и длинным носиком, точно такой же, как на каменных рельефах, изображающих религиозные обряды, и, наконец, несколько высоких стройных серебряных кубков, вставленных один в другой. Среди сокровищ, обнаруженных нами в этой донельзя загроможденной могиле, оказались еще один кубок, но не серебряный, а золотой, с насечкой по верху и низу и коваными вертикальными желобами — рифлями, так же отделанный сосуд для воды, чаша, гладкий золотой сосуд и две великолепные серебряные головы львов, по-видимому, некогда украшавшие царский трон.

Нас смущало одно обстоятельство. Предметов было много, костей тоже, но среди них мы не находили главного — остатков того, кому принадлежала эта гробница. Таким образом, наше открытие, несмотря на все его значение, оставалось неполным. Когда все предметы были извлечены на поверхность, мы приступили к разборке остатков деревянного сундука, ящика длиной метр восемьдесят сантиметров и шириной девяносто сантиметров. Под ним вдруг показались обожженные кирпичи. Кладка была разрушена, и лишь в одном месте остался фрагмент крутого свода над каменным покоем. Сначала мы думали, что нашли гробницу того, кому принадлежат все жертвенные дары. Дальнейшие исследования показали, однако, что эта гробница ограблена и свод над нею не обрушился, а был пробит намеренно. Затем над проломом поставили деревянный сундук, словно пытаясь скрыть ограбление. Мы расширили площадь раскопок и сразу же натолкнулись еще на одну шахту, отделенную от первой лишь стеной и расположенную всего на метр восемьдесят сантиметров ниже.

На площадке у входа в эту вторую гробницу лежали в две шеренги шестеро солдат в совершенно расплюснутых вместе с черепами медных шлемах. Рядом с каждым

было копье с медным наконечником. Ниже по склону (площадка к гробнице понижалась) стояли две деревянные четырехосные повозки, запряженные каждая тремя быками. Один из них настолько сохранился, что нам удалось извлечь весь его скелет. Сами повозки не были орнаментированы, и только упряжь украшали продолговатые серебряные и лазуритовые бусины. Вожжи проходили сквозь серебряные кольца с амулетами, изображающими быков. Перед бычьей упряжкой лежали скелеты конюхов, а на повозках — останки возниц. От самих повозок ничего не сохранилось, но отпечатки истлевшего дерева настолько ясны, что на фотоснимках можно различить даже структуру дерева массивных колес и серовато-белый круг, оставшийся от кожаного обода или шины.

У стены каменной гробницы лежали тела девяти женщин. На них были парадные головные уборы из лазуритовых и сердоликовых бус с золотыми подвесками в форме буквых листьев, большие золотые серьги полумесяцем, серебряные «гребни» в виде кисти руки с тремя «пальцами», оканчивающимися цветами, лепестки которых инкрустированы лазуритом, золотом и перламутром, а также — ожерелья из золота и лазурита. Каменная кладка служила покойницам как бы изголовьем, ногами они были обращены к повозкам, а все пространство между ними и повозками заполняли нагроможденные друг на друга останки других мужчин и женщин. Лишь в середине оставался узкий проход к сводчатому входу в гробницу: по бокам, словно охраняя его, лежали солдаты с кинжалами и женщины.

Солдаты, лежавшие посредине могильного рва, были вооружены: один — связкой из четырех дротиков с золотыми наконечниками, двое других — набором из четырех дротиков с серебряными наконечниками; возле четвертого оказался поразительный медный рельеф — два льва, терзающие двух поверженных людей. По-видимому, это было украшение щита.

На тела «придворных дам» была поставлена прислоненная к стене гробницы деревянная арфа. От нее сохранилась только медная бычья голова да перламутровые пластинки, украшавшие резонатор. У боковой стены траншеи, также поверх скелетов, лежала вторая арфа с чудесной головой быка. Она сделана из золота, а глаза, кончики рогов и борода — из лазурита. Тут же оказался





Перламутровая пластинка с резьбой

не менее восхитительный набор перламутровых пластинок с искусной резьбой. На четырех из них изображены шуточные сценки, в которых роль людей играют животные. Самое поразительное в них — это чувство юмора, столь редкое для древнего искусства. И одновременно благодаря изяществу и гармоничности рисунка, а равно тонкости резьбы они представляют один из самых убедительных образчиков, по которым мы можем судить об искусстве Шумера той ранней эпохи.

В самой гробнице воры оставили вполне достаточно вещей, для того чтобы определить, кто здесь погребен. Помимо скелетов слуг, здесь же покоился и прах владельца гробницы, имя которого, если верить надписи на цилиндрической печати, было Абарги.

Мы нашли здесь не замеченные грабителями две приклоненные к стене модели лодок: одну — медную, совершенно разрушенную временем, а вторую — серебряную, прекрасной сохранности, длиной около шестидесяти сантиметров. У нее высокие нос и корма, пять сидений и в середине арка, поддерживавшая тент над пассажирами. В уключинах уцелели даже весла с листообразными лопастями. Лодками точно такого же типа пользуются и по сей день в заболоченных низовьях Евфрата, километрах в восьмидесяти от Ура.

Усыпальница царя расположена в самом дальнем конце открытой могильной шахты. За нею оказалась вторая каменная комната, пристроенная к стене царской усыпальницы примерно в то же время или, возможно, немного позже.

Вторую комнату, так же как усыпальницу царя, закрывал сверху свод из обожженного кирпича. Она оказалась гробницей царицы. К ней-то и вела верхняя траншея, где мы отрыли повозку, запряженную ослами, и прочие приношения. В заваленной шахте над самым сводом усыпальницы мы нашли прелестную цилиндрическую печать из лазурита с именем этой царицы — Шубад. Очевидно, печать бросили сюда вместе с первыми горстями земли, когда засыпали гробницу. Свод усыпальницы Шубад тоже провалился, но, к счастью, причиной тому была не алчность грабителей, а просто тяжесть земли; погребение оказалось нетронутым.

В одном углу усыпальницы на остатках деревянных погребальных носилок лежало тело царицы. Возле ее ру-

ки был золотой кубок, а верхняя часть тела совершенно скрывалась под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых и халцедоновых бус. Ниспадающая длинными нитями от широкого ожерелья воротника, они образовали своего рода накидку, доходящую до самого пояса. По низу их связывала кайма цилиндрических бусин из лазурита, сердолика и золота. На правом предплечье лежали три длинные золотые булавки с лазуритовыми головками и амулеты: один лазуритовый и два золотых в форме рыбок, а четвертый — тоже золотой в виде двух сидящих газелей.

Головной убор, остатки которого покрывали раздавленный череп царицы, похож на те, что носили «придворные дамы», но только гораздо сложнее. Основой его служит широкая золотая лента. Ее можно было носить только на парике, причем огромного, почти карикатурного размера. Наверху лежали три венка. Первый, свисавший прямо на лоб, состоял из гладких золотых колец, второй — из золотых буковых листьев, а третий — из длинных золотых листьев, собранных пучками по три, с золотыми цветами, лепестки которых отделаны синей и белой инкрустацией. И все это перевязано тройной нитью сердоликовых и лазуритовых бусин. На затылке царицы был укреплен золотой «испанский гребень» с пятью зубцами, украшенными сверху золотыми цветками с лазуритовой сердцевинкой. С боков парика спускались спиралями тяжелые кольца золотой проволоки, огромные золотые серьги в форме полумесяца свешивались до самых плеч, и, очевидно, к низу того же парика были прикреплены нити больших прямоугольных каменных бусин. На конце каждой такой нити висели лазуритовые амулеты, один с изображением сидящего быка, второй — теленка. Несмотря на всю сложность этого головного убора, отдельные части лежали в такой четкой последовательности, что нам удалось его полностью восстановить и подготовить для выставки некое подобие головы царицы со всеми ее украшениями.

Для этой цели мы сначала сделали гипсовый слепок с одного из наиболее сохранившихся женских черепов того же периода (череп царицы нельзя было использовать, так как он оказался совершенно разрушенным).<sup>1</sup> Затем моя жена вылепила прямо на слепке восковое лицо, стараясь при этом как можно лучше выявить характерные особен-

ности костяка. Артур Кейт, специально занимавшийся изучением черепов Ура и Эль-Обейда, признал, что восковой портрет верно воспроизводит тип шумерийки раннего периода. На восковую голову мы надели парик соответствующих размеров и сделали такую же прическу, как на терракотовых статуэтках, которые хотя и относятся к более позднему периоду, но, по-видимому, отражают старую моду. Затем мы осторожно извлекли из гробницы золотой обруч. Чтобы не нарушить расположения подвесок, весь головной убор мы укрепили изнутри и снаружи полосками клейкой бумаги и проволочными скрепками. Опустив его на парик, мы разрезали бумажные полоски и проволоку. Обруч естественно лег на свое место, и никаких дополнительных поправок не потребовалось. Венки были восстановлены и прикреплены к нему в прежней последовательности, установленной еще во время раскопок. Хотя это и не портрет царицы, но, по крайней мере, он показывает тип женщины, на которую она должна была походить. Реконструкция головы в целом со всеми возможными подробностями помогает нам представить, как выглядела при жизни царица Ура.

Рядом с телом царицы лежал головной убор иного типа. Он представлял собой диадему, сшитую, по-видимому, из полоски мягкой белой кожи. Диадема была сплошь расшита тысячами крохотных лазуритовых бусинок, а по этому густо-синему фону шел ряд изящных золотых фигурок животных: оленей, газелей, быков и коз. Между фигурками были размещены гроздья гранатов по три плода, укрытых листьями, и веточки какого-то другого дерева с золотыми стебельками и плодами или стручками из золота и сердолика. В промежутках были нашиты золотые розетки, а внизу свешивались подвески в форме пальметок из крученой золотой проволоки.

У погребальных носилок согнувшись лежали две служанки — одна в головах, другая в ногах. По всей усыпальнице были расставлены всевозможные приношения: золотая чаша, серебряная и медная посуда, каменные сосуды, глиняные вазы для пицци, посеребренная голова коровы, два серебряных алтаря для жертвоприношений, серебряные светильники и множество раковин с зеленой краской. Подобные раковины попадаются почти во всех женских погребениях. В них бывает белая, красная или черная краска, которая употреблялась как косметическое



Головной убор царицы Шубад

средство, однако, по-видимому, наиболее обычной краской была зеленая. Раковины царицы Шубад необычайно велики. Среди них есть две искусственные, одна золотая, другая серебряная, тоже с зеленой краской. Теперь находка внесла ясность, и все наши прежние затруднения рассеялись. Гробницы царя Абарги и царицы Шубад были совершенно одинаковы. Однако, если в первом случае все помещения располагались на одном уровне, то во втором — усыпальница царицы была вырыта ниже уровня шахты. Возможно, что они были мужем и женой, царь умер первым и был погребен здесь, а царица пожелала, чтобы ее похоронили как можно ближе к усыпальнице супруга. Чтобы выполнить ее волю, могильщики вновь раскопали шахту над усыпальницей царя, дошли до кирпичного свода, потом взяли чуть в сторону и вырыли колодец, где и была сооружена усыпальница царицы. Однако сокровища, погребенные вместе с телом царя, были для рабочих слишком большим соблазном. Входная галерея его гробницы, где лежали «придворные дамы», была защищена почти двухметровым слоем земли, раскапывать который они не решились, боясь, что их заметят, зато основные богатства царской усыпальницы находились у них прямо под ногами. Рабочие взломали кирпичный свод, вытащили из усыпальницы свою добычу, а над проломом, чтобы скрыть совершенное святотатство, поставили большой сундук с одеяниями царицы. Пожалуй, только так и можно объяснить тот факт, что усыпальница царя, расположенная непосредственно под нетронутой гробницей царицы, оказалась ограбленной.

Итак, мы исследовали две почти одинаковые царские гробницы. Единственная разница между ними заключалась в том, что усыпальница царицы была расположена ниже помещений, где лежали остальные жертвы, но и это различие можно объяснить причинами сентиментального порядка. Того, что рассказали нам оба погребения, вполне достаточно, чтобы ясно представить себе, как они происходили.

Сначала в смешанной почве мусорного отвала выкапывали грубо прямоугольную яму глубиной до десяти метров и площадью примерно пятнадцать метров на десять по верхнему краю. Ее земляные стены старались сделать по возможности вертикальными, но обычно во избежание обвала они все равно имели какой-то наклон,

Сверху в стене прорезали вход в эту гигантскую могилу. Спуск был просто пологий или со ступеньками. На дне, в углу ямы, строили затем усыпальницу — каменный склеп под кирпичным сводом, с дверью в одной из более длинных стен. Она занимала немного места. Тело царя сносили вниз по наклонному спуску и укладывали в усыпальнице. Иногда, а вернее как правило, царей хоронили в деревянных гробах. Лишь царица Шубад лежала на открытых погребальных носилках да еще одна царица из второй и последней неразграбленной гробницы была положена просто на пол усыпальницы. Вместе с телом покойного в усыпальнице оставалось трое или четверо его приближенных. В усыпальнице Шубад две прислужницы лежали у ее погребальных носилок, а третья — чуть поодаль. В усыпальнице другой, безымянной, царицы мы нашли тела четырех служанок. В ограбленных усыпальницах царей разбросанные кости также указывают, что здесь лежало несколько тел. Этим приближенным, очевидно, убивали или отравляли каким-нибудь сильным ядом, перед тем как замуровать вход в усыпальницу.

Тело владыки хоронили со всеми украшениями и знаками его царственного достоинства. Рядом с ним ставили обычную погребальную утварь, только здесь она была гораздо многочисленнее и богаче. Вместо глиняной посуды для пищи и питья царю оставляли множество сосудов из серебра и золота. Зато его приближенных, облаченных в «придворные» одеяния, даже не укладывали в позу умерших. Они и после смерти как бы продолжали служить своему повелителю. Им не давали никакой погребальной посуды, потому что они сами были только частью погребальной утвари царя. После того как вход в усыпальницу замуровывали кирпичом и заштукатуривали, завершалась первая часть погребального ритуала и начиналась вторая, самая драматическая часть церемонии. Ясное представление о ней дают гробницы царицы Шубад и ее супруга.

В огромную, пустую открытую сверху могилу, стены и пол которой устланы циновками, спускалась погребальная процессия: жрецы, руководившие выполнением обрядов, воины, слуги, женщины в разноцветных сверкающих одеяниях и пышных головных уборах из сердолика и лазурита, золота и серебра, военачальники со всеми знаками отличия и музыканты с лирами или арфами. За

ними въезжали или спускались пятасть повозки, запряженные быками или ослами. На повозках сидели возницы, ездовые вели упряжки под уздцы. Все занимали заранее отведенные им места на дне могильного рва, и четверо воинов, замыкая процессию, становились на страже у выхода. У всех мужчин и женщин были с собой небольшие чаши из глины, камня или металла — единственный предмет, необходимый для завершения обряда.

Затем, по-видимому, начиналась какая-то церемония. Во всяком случае она наверняка сопровождалась до самого конца музыкой арфистов. И наконец, все выпивали из своих чаш смертоносное зелье, которое либо приносили с собой, либо находили на дне могилы. В одной из гробниц мы нашли посередине рва большой медный горшок, из которого обреченные люди могли черпать отраву. После этого каждый укладывался на свое место в ожидании смерти. Кто-то еще должен был спуститься в могилу и убить животных. Мы обнаружили, что их кости лежат поверх скелетов ездовых, следовательно, животные умирали последними. Эти же люди, по-видимому, проверяли, все ли в могиле в должном порядке. Так, в гробнице царя они положили лиры на тела музыкантов, забывшихся последним сном у стены усыпальницы. Потом на тела погруженных в небытие людей обрушивали сверху землю, и захоронение начиналось.

Подробности этой церемонии мы восстановили по описанному выше гробницам Шубад и Абарги. Как я уже говорил, царские гробницы сильно отличаются одна от другой, однако погребальные церемонии происходили в них примерно одинаково. Единичная усыпальница превращалась в целое сооружение с рядом покоев, занимающих всю площадь могилы. Но один лишь покой служил в нем усыпальницей для царя, а все остальные предназначались для его погребальной свиты и играли роль «открытой могилы» в захоронениях с одной каменной усыпальницей. В одном случае человеческие жертвоприношения во славу царственного мертвеца были совершены еще до постройки его усыпальницы, ее возвели уже на слое земли, под которым лежали на циновках на дне могилы тела жертв. Но, как правило, погребальная церемония происходила так, как описано выше.

Самым ярким примером «жертвенной могилы» может служить одна из исследованных нами царских гробниц.



Грабители беспощадно разрушили усыпальницу, от нее осталась лишь часть одной стены да груда известняковых блоков, зато «жертвенная могила» сохранилась полностью. Это и понятно! Прорыть узкий лаз и проникнуть в каменную усыпальницу было сравнительно несложно, но вскрыть всю могилу и извлечь из-под земли каждую жертву погребения можно только путем широких раскопок. Несомненно, что древние грабители не осмеливались действовать так открыто.

Могила с обычным пологим спуском и наклонными стенами, обмазанными глиной и завешанными циновками, по дну занимала площадь девять на восемь метров. Вдоль стены у входа лежали в ряд шесть стражей с ножами или топорами. Перед ними стоял большой медный сосуд, а вокруг него простерлись четыре арфистки. Руки одной из них так и окоченели на струнах инструмента. Все остальное пространство было занято телами шестидесяти четырех «придворных дам», уложенных в несколько ровных рядов. Все они были облачены в своеобразные ритуальные одеяния. Несколько нитей и лоскутов, сохранившихся под металлическими или каменными предметами, говорят о том, что эти одеяния состояли из короткой алой туники с рукавами, расшитыми по обшлугу золотым, лазуритовым и сердоликовым бисером. Иногда тунику перехватывал пояс из белых перламутровых колец. Спереди ее, по-видимому, закалывали длинной серебряной или медной булавкой.

На женщинах были ожерелья типа «ошейника» из золота и лазурита, а помимо того, — другие, более свободные ожерелья из золотых, серебряных, лазуритовых и сердоликовых бусин. В ушах они носили огромные золотые или серебряные серьги в форме полумесяца. Спираль из крученой золотой или серебряной проволоки поддерживала локоны над ушами. Головные уборы женщин весьма походили на убор царицы Шубад. Длинная золотая или серебряная лента многочисленными кольцами охватывала прическу. У женщин более высокого ранга внизу к ленте были прикреплены тройные нити золотых, лазуритовых и сердоликовых бусин с золотыми свисающими на лоб подвесками в форме буковых листьев. У двадцати восьми «придворных дам» были в прическах золотые ленты; у остальных — серебряные. К сожалению, такой металл, как серебро, подвержен разрушительному

действию содержащихся в почве кислот, и от него остаются лишь тонкие полоски. В данном случае серебро головных уборов, непосредственно соприкасавшихся с разлагающимися тканями тела, вообще исчезло. В лучшем случае на костях черепа удается обнаружить красноватый налет — остатки порошкообразного хлористого серебра. Поэтому, хотя мы и знали наверняка, что женщины носили серебряные ленты, у нас не было ни одного вещественного доказательства. Наконец, в одном случае нам повезло. Золотые серьги были на месте, однако на черепе не оказалось даже следов красноватого налета, который должны были бы оставить серебряные детали головного убора. Эта особенность была нами тотчас замечена. Затем, когда все тело было полностью откопано, мы нашли рядом с ним, примерно на уровне пояса, небольшой плоский диск из серого металла, несомненно серебра. Диск диаметром чуть больше восьми сантиметров казался маленькой круглой коробочкой. И только вечером, уже дома, когда я очистил свою находку, чтобы описать ее подробнее, мне стало понятно ее истинное назначение. Это была свернутая серебряная лента для прически, которой ни разу не воспользовались. Вероятно, девушка хранила ее в кармане. Впечатление было такое, словно она принесла ленту из дома, свернув ее в тугую спираль и перевязав, чтобы спираль не разворачивалась. Получилась довольно плотная масса металла, к тому же хорошо защищенная одеяниями. Благодаря такому стечению обстоятельств лента прекрасно сохранилась: можно без труда различить все ее тончайшие изгибы. Мы не знаем, почему эта женщина не смогла украсить свою прическу серебряным убором. Возможно, она опоздала к началу церемонии, а потом у нее уже не хватило времени. Во всяком случае благодаря ее рассеянности мы получили единственный экземпляр серебряной ленты для волос, который нам удалось сохранить.

Очень плохо сохраняются в земле ткани. Лишь изредка под каким-нибудь перевернутым каменным сосудом мы находили остатки материи, хотя и похожие на тончайшую пыль, но сохранившие фактуру ткани. Отдельные медные сосуды окислившись также сохранили нам несколько клочков одеяний, с которыми они соприкасались. По таким остаткам мы узнали, что женщины в жертвенной могиле были облачены в одежды из ярко-

красной шерстяной ткани. Судя по тому, что у многих женщин на запястьях сохранились по одной или по две нити бисерного шитья с обшлагов, эти одежды имели рукава и вряд ли походили на накидки.

Очевидно, царские похороны были живописнейшим зрелищем. Ярко разряженная процессия торжественно спускалась в увешанную циновками яму. Золото и серебро сверкали на фоне алых туник. Здесь были не несчастные рабы, которых убивали, как быков, а знатные люди в своих лучших, парадных одеяниях. И шли они на жертву, по-видимому, добровольно. По их представлениям, этот страшный ритуал был просто переходом из одного мира в другой. Они уходили вслед за своим повелителем, чтобы служить ему в ином мире точно так же, как они это делали на земле.

Само собой разумеется, что такую до предела загроможденную могилу можно было раскапывать лишь постепенно. Сначала мы убирали землю, так что все тела почти выступали на поверхность, покрытые лишь тонким слоем битого кирпича. При погребении на мертвых сбрасывали сначала этот кирпич и лишь потом засыпали могилу землей. Теперь стоило копнуть поглубже, как из-под земли появлялась то золотая лента, то золотой буквый лист, говорящие о том, что здесь повсюду лежали тела в богатых уборах. Все это мы тотчас присыпали землей, чтобы каждое украшение оставалось на своем месте, пока мы до него не дойдем в процессе методического исследования.

Мы разбили всю площадь могилы на квадраты, в каждом из которых лежало по пять-шесть тел, и, начиная с угла, приступили к работе. Каждый квадрат нужно было расчистить, зарисовать, описать, собрать и извлечь все обнаруженные в нем предметы, и лишь после этого перейти к следующему.

Дело оказалось кропотливым, особенно когда мы хотели извлечь целый череп со всеми сохранившимися на нем украшениями, не сдвигая их с места. Венки, цепи и ожерелья после реставрации выглядят неплохо и под стеклом витрины, но гораздо интереснее сохранить их для музея в том виде, в каком они были найдены. Поэтому мы тщательнейшим образом очищали скальпелями и щетками черепа, на которых лучше всего сохранилось расположение бусин и золотых украшений, снимали

с них грязь, ничего не трогая с места, — задача не из легких, так как они могли легко сдвинуться, — а затем обливали кипящим парафином, скрепляя все в единую массу. После этого мы укрепляли весь ком из парафина, золота, костей и земли, осторожно обертывая его в провощенные ткани. Только в таком виде его можно было, наконец, поднять и вынести на поверхность. Впоследствии мы заливали эти черепа гипсом, предварительно снимая с них лишние наслоения парафина. В таком виде они были не только интересными экспонатами, но и служили нам образцами, по которым мы проверяли правильность восстановления других черепов.

Обязательной принадлежностью царских гробниц является арфа или лира. В этой большой могиле было по крайней мере четыре лиры, и среди них — самая прекрасная из всех найденных нами. Ее резонатор украшал широкий мозаичный узор, в котором чередовались красный, белый и синий цвета. Две ее вертикальные стойки были инкрустированы перламутром, лазуритом и красным камнем, причем пояса инкрустации перемежались широкими золотыми ободками. Верхняя переключина из гладкого дерева была с одной стороны до половины окована серебром. Переднюю сторону резонатора украшали перламутровые пластинки с вырезанными на них фигурками животных, а над ними выступала кованная из массивного золота великолепная голова бородатого быка.

Вторая лира была из серебра, с головой коровы на передней части резонатора, украшенного узкой каймой бело-синей инкрустации и перламутровыми пластинками.

Третья лира, тоже серебряная, имела форму лодки с высоко задраным носом. В лодке стояла фигура оленя.

Четвертая, деревянная, с двумя медными фигурками оленей, истлела и разрушилась до такой степени, что сейчас трудно даже сказать, действительно ли это была лира. Зато три других инструмента хорошо сохранились и по праву могут считаться украшением нашей коллекции, собранной на этом кладбище.

Самым обычным украшением арф или лир были головы животных. Мы, например, нашли голову быка, коровы, а на одном из инструментов иной формы — оленя. Впрочем, в данном случае это была не одна голова, а вся фигурка животного. Однако особой разницы здесь по



Остатки арфы



Реставрированная арфа с головой  
быка

существо нет; в других случаях весь резонатор представляет собой как бы тело животного, изображенного условно, чуть ли не в манере кубистов, одними прямыми линиями, но все же достаточно ясно, чтобы понять, что это за зверь.

Сохранилась одна надпись времен правителя Гудеа, в которой он описывает арфу, подаренную им храму. Правда, Гудеа жил на тысячу лет позднее, но ведь традиции тоже живут тысячелетиями! Так вот, арфа Гудеа была украшена головой быка, и звук ее сравнивается с бычьим мычанием. Если между животным, украшающим арфу, и ее звучанием действительно существовала какая-то связь, можно предположить, что из наших трех инструментов лира с бычьей головой играла роль баса, с коровьей головой — тенора, а с оленем — по-видимому, альты. Во всяком случае находка четырех лир в одной гробнице свидетельствует о том, что уже в те отдаленные времена люди имели представление о гармонии. Этот факт очень важен для истории музыки.

В углу той же могилы лежали две статуи из золота, лазурита и белого перламутра. Несмотря на небольшое различие в размерах, они явно составляли пару. Да и изображают они одно и то же. На маленькой продолговатой подставке, украшенной серебряными пластинками и красно-розовой мозаикой, стоит на задних ногах козел-возжак, опираясь передними копытами на деревцо или куст, к которому его передние ноги прикованы серебряными цепями. Деревцо высоко поднимает свои золотые цветы и листья, так что золотая голова козла с лазуритовыми рогами и бородой как бы высовывается между ветвей. Невольно нам на память пришла библейская притча о «козле-возжаке», застрявшем в лесной чаще. Однако эта статуя была создана за полторы тысячи лет до рождения Авраама, и подобную параллель трудно объяснить. Это произведение шумерийского скульптора, несомненно, имело религиозное значение. Подобные изображения обычны для искусства раннего периода. По-видимому, они иллюстрируют какую-то всем известную в те времена легенду, и у нас нет никаких оснований предполагать, что эта легенда и ее образы не пережили на много веков своих создателей. Автор книги Бытия вполне мог воспользоваться знакомым образом для подтверждения своих собственных взглядов. Во всяком случае здесь

мы нашли поразительно точную иллюстрацию к библейской фразе.

Бесспорно, погребальная церемония не оканчивалась тем, что могилу зарывали и царская усыпальница вместе со всеми окружавшими ее мертвецами скрывалась под слоем земли. Однако мы долго не могли найти никаких свидетельств о завершающей стадии этого обряда: верхние слои кладбища были слишком уж изрыты более поздними захоронениями и грабителями могил. Лишь в сезон 1928/29 г. нам наконец улыбнулось счастье. Мы вели раскопки на участке, где могилы простых людей располагались у самой поверхности необычайно тесно. К нашему удивлению, такая могила с глиняным гробом оказалась вырубленной в толще массивной стены из кирпича-сырца.

Добравшись до фасада этой стены, мы обнаружили здесь множество глиняных кувшинов, алебастровую вазу и едва заметные серые линии, очерчивающие прямоугольный след, который оставил деревянный ящик. Снимая землю слой за слоем, мы нашли в ящике два кинжалка с золотыми лезвиями и золотыми заклепками на рукоятках, а между ними цилиндрическую печать из белого перламутра с надписью: «Царь Мес-калам-дуг». Рядом с ящиком стоял деревянный гроб с телом мужчины, однако найденные в нем предметы ничем не напоминали убранства царственной особы. Стена не только уходила дальше в глубь почвы, но и продолжалась в стороны. Когда мы обнажили ее верхний контур, выяснилось, что стеной обнесен огромный квадрат, в котором деревянный гроб занимает весьма скромное место в углу. Нам стало ясно, что до царской усыпальницы мы еще не дошли. Под глинобитным полом, на котором стоял гроб, оказался новый довольно толстый слой с глиняной посудой. По-видимому, он занимал всю огороженную стеною площадь. В этом же слое, но в противоположном от гроба углу, мы нашли еще одно погребение мужчины с оружием и каменными и медными вазами. Сняв глинобитный пол, мы обнажили новый слой посуды и погребение. Под ними было еще несколько слоев жертвоприношений, чередующихся с прослойками глины. Ниже и до самого основания стены шла чистая земля, которой засыпали могилу. В этом слое мы нашли только большой глиняный сосуд, перевернутый вверх дном, а под ним —



две-три маленькие чашечки для еды, расставленные на цинковке, — остатки жертвенной трапезы властелина подземного царства.

Мы начали копать дальше вглубь. Внезапно перед нами появились известняковые блоки, скрепленные зеленой глиной. Они образовывали свод. Так как камни быстро оседали, мы сначала испугались, что свод проломлен грабителями, но еще через полчаса работы с облегчением увидели: каменная кладка не тронута. Перед нашими глазами предстал совершенно целый маленький купол. Это был волнующий момент. Купол опирался на венец из толстых деревянных балок, концы которых выступали наружу. Балки истлели, и в каменной кладке кровли осталось с полдюжины отверстий. Сквозь них можно было заглянуть внутрь усыпальницы: лучи электрических фонариков достигали пола, выхватывая из темноты позеленевшие медные сосуды, среди которых то тут, то там искрами вспыхивало золото. Продолжая раскопки, мы добрались до верхнего края стен усыпальницы. Здесь по углам на вязкой глине, заполнявшей пространство между усыпальницей и стенами шахты, мы нашли золу, остатки костров, разбитые глиняные сосуды и кости животных. Перед входом в усыпальницу лежали скелеты трех овец.

Каменная кладка, закрывавшая вход, была разобрана. В усыпальнице под обвалившимися деревянными балками лежало пять скелетов. Четверо мужчин, судя по их бедным украшениям, были слугами. Пятый скелет оказался женским. На этой женщине был золотой головной убор, какой носили только самые знатные особы. Длинная изогнутая булавка неизвестной нам еще формы, скрепляла ее накидку. В руках она держала рифленый золотой кубок, украшенный резьбой. Рядом с нею лежала цилиндрическая золотая печать, единственная из когда-либо найденных нами золотых печатей. Несомненно, здесь покоилась царица.

Теперь весь обряд погребения стал нам понятен. Тело царя вместе со слугами, число которых могло быть различно, помещали в усыпальницу, запечатывали дверь, и на маленькой площадке перед входом совершали жертвоприношение. Затем могилу начинали засыпать. Когда над поверхностью оставался только купол усыпальницы, вокруг него зажигали костры и справляли тризну. В гли-

няную трубу, уходившую вниз к подножью усыпальницы, совершали возлияния в честь умершего. Затем в могилу ссыпали новый слой земли. В нем оставляли приношение подземному богу, прикрыв его перевернутым глиняным горшком, чтобы в пищу не попала земля. А сверху, в наполовину засыпанной могиле, возводили из кирпича-сырца подземный покой, который постепенно заполнялся. Сначала в него приносили глину и утаптывали ее, чтобы на твердом полу расставить дары и положить принесенного в жертву человека. Все это засыпали землей, делали новый глинобитный пол, приносили новые дары и еще одну жертву во славу покоящегося внизу мертвеца. Так продолжалось до тех пор, пока могила не оказывалась заполненной почти до самого верха. Тогда половину могилы перекрывали сводом из кирпича-сырца и в эту верхнюю могилу ставили гроб с телом человека, который был, по-видимому, главной жертвой. Здесь же царь Мес-калам-дуг оставил в дар безымянной царице свои золотые кинжалы и печать со своим именем. Верхнее погребение в свою очередь засыпали землей, заполняли всю могилу доверху, а над нею, возможно, возводили нечто вроде погребального храма, дабы место это было свято и неприкосновенно.

Каждый этап этой тщательно разработанной церемонии, по-видимому, сопровождался религиозными обрядами, и все погребение должно было продолжаться довольно долго. Погребальные обряды в деталях, возможно, менялись, однако находка второй, к сожалению ограбленной, царской гробницы с точно такими же слоями жертвоприношений над усыпальницей доказывает, что первая гробница была не случайным явлением. Она достоверно иллюстрирует обычный погребальный обряд царей.

В Месопотамии никто до нас не находил подобных гробниц, и нам не с чем было их сопоставить. Археология не знала тогда ничего похожего. Царские погребения были уникальны по времени, по богатству, по архитектуре и тем более по сложности связанного с ними ритуала. К тому же в шумерийской литературе нет даже намека на человеческие жертвоприношения во время царских похорон. Этот обычай, насколько нам известно, противоречит всем традициям шумерийцев.

Раскопки кладбища навели меня на мысль, что погребения, столь значительно отличающиеся от обычных

могил, могли быть только царскими гробницами. В отчете о предварительных результатах наших исследований я без колебаний выдвинул эту точку зрения, даже не предполагая, что она может вызвать возражения. Но в действительности так оно и случилось. Немедленно появилась другая теория, и до сих пор ученые не могут прийти к соглашению.

Эта теория гласит, что найденные нами массовые погребения представляют собой могилы жертв праздника Плодородия. Действительно, в Шумере исторической эпохи одним из главных религиозных обрядов была ежегодная церемония моления о плодородии полей, стад и рода человеческого. Во время этого обряда великого бога — покровителя города — выносили из его храма и праздновали его свадьбу с богиней. Предполагается, что роль бога играл сам царь.

В мифологии многих народов жатва связывается с представлением о боге, который умирает зимой и оживает весной. Таков, например, миф о Таммузе, или Адонисе. Следовательно, обряд праздника Плодородия предполагает гибель главного действующего лица. Если этим лицом был действительно царь, то вряд ли он пошел бы на добровольную жертву. Гораздо вероятнее, что при жертвоприношении в праздник Плодородия у него был заместитель, который, по-видимому, некоторое время пользовался титулом и правами царя, чтобы затем умереть вместо него.

Таким образом, согласно этой теории, гробницы Ура представляют собой погребения ритуальных «царей», принесенных в жертву ради блага страны вместе с их ритуальными «придворными». О том, что «цари» были не настоящими, якобы можно судить, во-первых, по отсутствию в шумерийских текстах каких-либо упоминаний о человеческих жертвоприношениях во славу земных владык, а во-вторых, по тому, что ни одно из имен, обнаруженных на цилиндрических печатях в гробницах, не встречается в списке шумерийских царей.

На мой взгляд, эта теория жертвоприношений в честь праздника Плодородия не выдерживает серьезной критики. Действительно, в шумерийских текстах не упоминается о человеческих жертвоприношениях на похоронах царей. Но ведь ни один из текстов и не описывает царских похорон! Следовательно, такое негативное сви-

детельство ничего не доказывает. Зато нам хорошо известны тексты с описанием ежегодного праздника Плодородия, в которых тоже нет ни единого слова о человеческих жертвоприношениях. В данном случае такое умолчание приобретает силу доказательства и позволяет сделать вывод: значит, никаких жертвоприношений во время праздника Плодородия и не было.

Далее. В соответствии с этой теорией в захоронениях погребали обоих участников «свадьбы богов». Значит, мы должны были находить в каждой гробнице прах «мужчины и женщины». Но ничего похожего мы не нашли. Во всех гробницах всегда был прах только одного владельца — либо мужчины, либо женщины.

Далее. В невесты богу явно выбирали девственниц, по-видимому самых красивых и уж наверняка молодых. Но Шубад была женщиной около сорока лет.

И, наконец, последнее. Праздник Плодородия, несомненно, был ежегодным обрядом. Наше кладбище с тысячами могил, зачастую расположенных в пять-шесть километров друг над другом, существовало на протяжении длительного времени. Однако мы обнаружили здесь только шестнадцать царских гробниц, о которых можно спорить. Неужели жители древнего Ура справляли этот важнейший обряд лишь время от времени, а большую часть лет не заботились о плодородии своих полей, полагаясь на волю случая? В это трудно поверить.

Из истории других стран можно привести немало примеров человеческих жертвоприношений над прахом владыки. Взять хотя бы погребения египетских фараонов первых династий. Кстати, по времени они относятся примерно к тому же периоду, что и гробницы Ура. Но гораздо существеннее то, что в Шумере нечто подобное человеческим жертвоприношениям существовало еще очень долго, вплоть до исторического периода третьей династии Ура! Огромные усыпальницы царей этой династии (описанные ниже) явно предназначались для массового захоронения. Так умалчивание литературных текстов опровергается свидетельством археологических данных.

Однако лишь новые находки, сделанные уже после возникновения гипотезы о жертвах праздника Плодородия, позволили подойти вплотную к разрешению этого вопроса. Грабители пощадили только две усыпальницы, где остались личные вещи царственных покойников. Во

всех остальных случаях эти предметы, которые могли бы многое нам рассказать, исчезли бесследно. Поэтому особую ценность приобретают цилиндрические печати с именами.

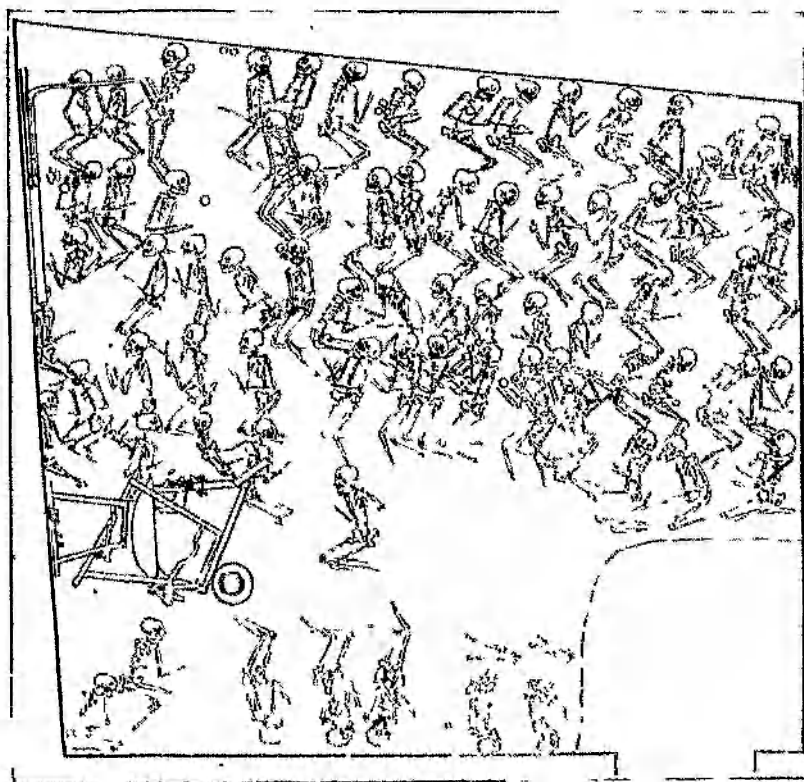
Мы исходили из предположения, что титул Шубад «нин», т. е. «благородная женщина», считался царским титулом и означал «царица». Но вот была обнаружена печать Мес-калам-дуга, не «князя», погребенного с великой пышностью в частной гробнице, а другого Мес-калам-дуга, который называет себя «лугалом», «царем». Наконец, в третьей царской гробнице, принадлежащей А-калам-дугу, мы нашли печать с более точным титулом: «царь Ура».

Право же, трудно предположить, что А-калам-дуг передал своему временному заместителю, предназначенному в жертву богам плодородия, столь важную и столь сугубо личную вещь, как царская печать!

Итак, мы узнали несколько царских имен. В списке царей Шумера их нет, но этого и следовало ожидать. Ведь в списке царей приводятся имена только тех правителей, чья власть, по преданию, распространялась на весь Шумер, таких, например, как цари первой династии Ура. А это огромное кладбище, судя по археологической стратиграфии, существовало задолго до начала эпохи первой династии. Погребенные здесь цари властвовали не над всем Шумером, а, как свидетельствует печать А-калам-дуга, лишь над Уром. Это были местные царьки, повелители городов, вассалы неведомого государства того времени, и, естественно, их имена не попали в династический список.

Была еще одна, и гораздо более серьезная причина, по которой ученые с неохотой признавали открытые нами царские гробницы за погребения царей вместе с придворными, умиравшими вслед за своим повелителем, чтобы служить ему в загробном царстве. Дело в том, что подобное решение неизбежно влечет за собой признание у шумерийцев веры в загробный мир. А это не подтверждается ни письменными источниками, ни свидетельствами более поздних погребений.

В отношении текстов ученые правы, и в отношении более поздних погребальных обрядов тоже. Но... с одним исключением, и весьма значительным: речь идет о царских гробницах третьей династии, о которых я уже упо-



Царская могила

минал. Могу еще прибавить, что бесчисленные частные могилы нашего кладбища в равной степени как будто свидетельствуют о правоте этих ученых. Царские гробницы составляют поразительное, редчайшее исключение из общего правила. Чем объяснить такое противоречие? Может быть, все дело в представлении шумерийцев о царской власти?

Мы знаем, что царей третьей династии Ура обожествляли после смерти и даже при жизни. Но мы не знаем наверняка, сколь древней была эта традиция.

В списке царей говорится, что «после потопа царская власть была снова ниспослана свыше». Отсюда можно заключить, что традиция эта восходит к глубокой древности и что по сути дела царская власть считалась божественной.

Но если такие правители, как А-калам-дуг и Мес-калам-дуг, одновременно были царями и богами, то это сразу разрешает все затруднения, связанные с их гробницами.

Бог не может умереть. «Смерть» бога-царя — всего лишь переход в иной мир. Там он продолжает жить и властвовать, а поэтому он берет с собой свою свиту, свои колесницы и своих воинов. В связи с этим слово «жертвоприношение» здесь, по-видимому, теряет смысл. Я уже отмечал, что эта церемония явно была добровольной: мужчины и женщины спускались в могильный ров и в усыпальницу без всякого принуждения, выпивали приготовленное для них зелье и спокойно погружались в сон. Характерно и то, что у них не было с собой никакой погребальной утвари, даже сосудов с питьем и пищей, обязательных для покойников в частных могилах. Участники этой церемонии не были жертвами грубого, зверского убийства и, вероятно, даже не думали о смерти. Они просто готовились служить своему царственному повелителю в условиях иного мира и, по-видимому, были уверены, что их ждет гораздо лучшая участь в потустороннем мире, чем шумерийцев, умирающих естественной смертью. В те отдаленные времена вера, считающая смерть преддверием настоящей жизни, была нередким явлением.

Мы часто склонны судить о неведомом прошлом по более известным и близким нам эпохам. Но иногда это бывает опасно. Например, тексты, излагающие представ-

ления шумерийцев о потустороннем мире, рисуют поистине ужасающую картину:

Их пища — земля, едят они глину,  
Над ними безмолвно крыла простирают,  
Как мыши летучие, мрачные духи.  
Там пыль вековая лежит на порогах.

Однако самый древний из этих текстов относится всего лишь ко II тысячелетию до н. э. А мы знаем, что в эпоху третьей династии Ура (2100 г. до н. э.) погребальный ритуал претерпел коренные изменения, и самым главным из них было сокращение до минимума погребальной утвари. По сравнению с могилами раннединастического периода погребения даже состоятельных людей той эпохи и следующего за ней периода Ларсы кажутся просто нищенскими.

Смена обычаев отражает перемену верований. Раньше каждый человек знал, что ему нужно взять с собою все необходимое для жизни или для развлечений в потустороннем мире. В частности, один из предметов погребальной утвари неопровержимо свидетельствует о верованиях древнейших времен, которые впоследствии исчезли бесследно. Я имею в виду модели лодок, обнаруженные в двух царских гробницах и во многих частных могилах раннединастического периода, а также на кладбище Саргонидов. Как правило, это были модели из битума, и лишь в гробнице Абарги мы нашли серебряную модель. В каждой из них лежали сосуды для пищи и питья.

Были высказаны два предположения: первое, что такие модели лодок с провизией предназначали в дар злему духу, чтобы он не тревожил умершего; и второе, что они должны были служить умершему: на этой лодке ему предстояло плыть к берегам потустороннего мира. Второе предположение, на мой взгляд, более вероятно. Независимо от его истолкования этот обычай исчез. Со II тысячелетия до н. э. и вплоть до последних дней существования Ура о нем не сохранилось никаких свидетельств ни в одной из многих тысяч исследованных нами могил.

Мы имели дело с эпохой, о которой до наших раскопок в Уре ничего не было известно. И судить о ней следует по результатам этих раскопок. Тогда мы придем



к заключению, что усыпальницы строились специально для царей и цариц, которые умерли и были похоронены так же, как хоронили их подданных. В самом деле, в частных могилах можно обнаружить почти все предметы, соответствующие погребальной утвари царей! Так, мы нашли в обыкновенной могиле женщину в точно таком же головном уборе, какой был на «придворных дамах» из царских гробниц, а рядом с ее гробом — точно такую же лиру. Одна маленькая девочка шести-семи лет от роду была погребена в головном уборе, который по сложности не уступает убору царицы Шубад. Только здесь все значительно меньше: тонкие золотые колечки свисают на лоб, маленькие буквые листья из золота прикреплены к нитям лазуритовых и сердоликовых бусин в ее прическе. Девочка сжимала в руке золотой кубок высотой не более пяти сантиметров, а рядом с нею лежали две серебряные чаши и граненый высокий серебряный бокал — миниатюрная копия бокала из царской гробницы.

Продолжая раскопки, мы дошли до границы кладбища и здесь обнаружили множество могил, которые располагались в стороне от остальных погребений. Тут были похоронены одни мужчины, и похоронены очень бедно: в могилах лежала только самая необходимая погребальная утварь. Зачастую это была лишь одна глиняная чаша или сосуд. Но почти всегда рядом с телом мы находили оружие — бронзовый кинжал или наконечник копья. Удивительное однообразие этих погребений навело нас на мысль, что здесь было воинское кладбище. Оно отличалось еще одной особенностью. В каждой могиле лежала цилиндрическая печать, но это были особенные печати: вырезанные из белых раковин, они по своим размерам, — до четырех сантиметров длиной и до трех сантиметров в диаметре, — почти вдвое превосходят нормальные цилиндрические печати! И на всех печатях с ничтожными вариациями повторяется одно и то же изображение: героический охотник со львом, терзающим барана.

Эти изображения бесспорно символизируют победу, и я полагаю, что подобные великолепные печати играли роль военных медалей, которыми награждали воинов, отличившихся на поле боя, и свидетельствовали об их заслугах. Мне кажется, что только так и можно объяснить единообразие необычных печатей, найденных нами в могилах простых солдат.

В одном из солдатских погребений с такой же простой утварью мы обнаружили нечто странное, сразу выделившее эту могилу среди всех прочих могил огромного кладбища: Рядом с прахом мужчины здесь лежала женская статуэтка из белого известняка. Это не изображение богини. Как я уже говорил, одной из любопытных особенностей кладбища является почти полное отсутствие в его погребениях религиозных символов. Перед нами обыкновенная женщина. Она стоит прямо, сложив руки молитвенным жестом. И нельзя сказать, чтобы она была очень красива, как бы высоко мы ни ценили это единственное обнаруженное нами в Уре скульптурное изображение человека той эпохи. Тем более трудно объяснить, почему один из многих тысяч мужчин, погребенных на кладбище, не захотел с ней расстаться даже в могиле. Скорее всего у него были на то сентиментальные причины. Это самое простое и, пожалуй, самое верное объяснение.

\* \* \*

Стараясь дать читателю общее представление о могилах и описывая некоторые обнаруженные в них сокровища, я почти не говорил о том, в каком состоянии мы находили различные предметы. Правда, для того чтобы представить все великолепие погребения Мес-калам-дуга, не требуется особого воображения, поскольку большинство предметов здесь было из золота, а золото нетленно. Золотой сосуд может быть сплюснен или помят, но все равно он сохраняет свой цвет и фактуру; все детали его украшений и особенности обработки так же свежи, как если бы он был только что изготовлен.

К сожалению, другие материалы не столь долговечны. Я уже говорил о том, как портится и даже совсем распадается серебро. Ведь здесь все предметы страдают одновременно от внутренних процессов распада и от страшной тяжести девяти-двенадцатиметрового слоя земли, под которым они пролежали пять тысяч лет. Часто очень трудно, не нанеся никаких повреждений, извлечь из земли какой-нибудь ценный предмет, который важно сохранить. Иногда мы просто становились в тупик, не понимая, что это за вещь и каково ее назначение. И почти все наши находки приходилось чинить и реставрировать.

вать, прежде чем выставить их для обозрения, а такая реставрация — дело необычайно сложное и кропотливое.

В виде примера приведу одну из двух статуй «козлов-вожаков» из большой ямы с принесенными в жертву людьми. Она была изготовлена следующим образом. Голова и ноги вырезаны из дерева, лазуритовые рога и вставные глаза прикреплены медными заклепками, пропущенными сквозь голову, а деревянная основа окована тонким, как лист, золотом, положенным на слой битума. Голова и ноги приделаны к грубо обтесанному деревянному чурбану, которому затем придали округленную форму тела с помощью гипса и толстого слоя битума. Живот козла прикрывает тонкий лист серебра, а спину и бока — отдельные пряди шерсти, вырезанные по одной из белых раковин и воткнутые в битум. На плечах укреплены такие же пряди из лазурита. Деревцо перед козлом — тоже деревянное, с тонкой золотой обшивкой. После того как ствол и ветки были закончены, на них укрепили цветы и листья из двойного золота.

Мы нашли обе статуи в самом плачевном состоянии. Дерево обратилось в ничто, битум — в сухой порошок, гипс раскрошился неправильными кусками. Одна из фигур упала на бок и была совершенно расплюсчена, так что раковины противоположных боков соприкасались между собой. Под тяжестью земли скульптура превратилась почти в силуэт! Вторая фигура, стоявшая прямо, сохранила некоторую объемность, но была приплюснута, ноги ее отвалились от тела и тоже были смяты и скручены. Детали из раковин и лазурита держались на месте только благодаря окружающей земле. Если бы мы ее сдвинули, мы потеряли бы возможность реставрировать фигуру. Поэтому мы укрепили ее большим количеством растопленного воска, наложили на выступающие части горячие провощенные полосы муслина и, только как следует запеленав козла, словно мумию, извлекли его на поверхность.

Теперь можно было приступить к реставрации. Для этого мы сначала слегка нагрели восковые пелены на боках, развели бока в стороны и вычистили изнутри всю грязь. Затем залили и залепили фигуру изнутри воском с тряпками, а потом сняли внешние пелены. Осторожно подогревая фигуру, мы придали ей первоначальную форму, не сдвинув с места ни одной инкрустирован-



Фигура «козла-вожака»

ной пряди козлиной шерсти, которая теперь плотно держалась на внутреннем слое воска. Нам очень помогло то, что серебряная обшивка на животе козла рассыпалась в прах, открыв сравнительно большое отверстие, обеспечившее свободный доступ внутрь тела.

Мы выпрямили ноги и постарались тонкими инструментами по возможности выправить изнутри все вмятины. Потом в золотые трубки ног вставили медную проволоку и для прочности залили полости кипящей смесью битума с воском.

Больше всего пришлось повозиться с головой. Тонкий золотой лист оказался разорванным на восемнадцать совершенно мягких и согнутых маленьких кусочков. Каждый из них нужно было расправить, вернуть ему первоначальный изгиб, укрепить изнутри, а затем найти соседние фрагменты и соединить разрозненные обрывки вместе, руководствуясь их рельефом. Это была настоящая головоломка в трех измерениях, но постепенно голова козла приобрела свойственную ей форму и характер. Внутри тела мы вставили мягкое дерево, прикрепив к нему проволокой ноги, покрасили живот козла серебряной краской, которая заменила распавшийся металл, и статуя была восстановлена.

Разумеется, такая реставрация не передает всех тонкостей оригинала: для этого пришлось бы разобрать всю фигуру по частям и воссоздать ее заново. Но тогда она безвозвратно утратила бы если не научную ценность, то во всяком случае тот налет времени, который столь дорог нашей душе. Восстановленный предмет будет совершенно новенькой копией древнего, но кто поручится за точность этой копии? Мы предпочитали все найденные в Уре сокровища реставрировать в минимальной степени. Конечно, восстановленный заново предмет выглядит лучше, но зато в нем неизбежно чувствуется рука нашего современника.

Приведу еще один, более наглядный пример. От самой большой из каменных царских усыпальниц, беспощадно разрушенной грабителями, уцелел только один угол последней комнаты. Мы уже не надеялись там ничего найти, как вдруг перед нами мелькнул кусочек перламутровой инкрустации, а когда рабочий щеточкой снял последний слой земли, из-под него показался угол мозаики из раковин и лазурита. Это был знаменитый

«штандарт» Ура, но тогда мы просто не могли понять, что это такое. Деревянная основа полностью истлела, и все мелкие частицы инкрустации осыпались, сохранив в земле лишь свое относительное расположение. Обрушенные сверху камни раскололи и продавили некогда плоскую панель. Когда дерево истлело, частицы инкрустации провалились в образовавшееся позади пространство. Из-за своей неодинаковой толщины они легли неровным шероховатым слоем. Чтобы не сдвигать их с места, приходилось действовать с предельной осторожностью. Очистив от грязи не более шести с половиной квадратных сантиметров мозаики, мы тотчас заливали это место горячим воском и только после этого принимались за следующий квадрат. Но к воску примешивалось столько грязи, что под ним исчез рисунок мозаики. Когда ее наконец извлекли на поверхность, я понял, что мы нашли какую-то прекрасную вещь, но едва ли мог сказать, что именно она собой представляет.

Теперь было бы проще простого разобрать мозаику и перенести ее, частицу за частицей, на новую панель. Современный мастер мог бы справиться с этим не хуже древнего, но тогда панель была бы уже современным изделием.

Поэтому мы сделали следующее. Поскольку мозаика была с обеих сторон панели, мы разделили два слоя и на внутреннюю сторону каждого наклеили провощенную ткань. Затем как следует очистили лицевые поверхности. После этого положили мозаику лицевой стороной на стекло, нагрели воск и пальцами уравнили отдельные частицы инкрустации, чтобы все они соприкасались со стеклом. Теперь панель стала плоской, но мозаичный рисунок был сильно искажен: частицы инкрустации сместились, между ними набилась земля и обратившиеся в пыль битум и воск, поэтому кое-где инкрустации налезали друг на друга, а кое-где лежали с широкими просветами. Мы нагрели и сняли ткань, оставив мозаику свободно лежать на стекле, удалили всю грязь и лишний воск, а затем, нажимая пальцами с боков, сдвинули инкрустации вплотную. После этого на внутреннюю сторону мозаики снова налили воск и укрепили ее тканями.

В результате получилась мозаичная панель, может быть не такая правильная и гладкая, какой она вышла из рук шумерийского мастера, но во всяком случае под-

линая, со всеми следами беспощадного времени, ибо никто не разобрал и не составлял заново рисунок, сложенный этим мастером из кусочков раковин и лазурита тысячелетия тому назад.

Мы изучали «штандарт» по мере его реставрации. На месте раскопок мы действовали по существу вслепую, и только после того как панели были очищены и начали приобретать какую-то форму, стало возможным оценить все значение нашей находки. Она состояла из двух главных прямоугольных панелей высотой 22 сантиметра и длиной 55 сантиметров и двух крайних треугольных панелей. Они были так скреплены, что большие панели были наклонены внутрь. Весь «штандарт» сидел на древке: очевидно его выносили во время процессий. Действительно, он лежал у плеча человека, который, по-видимому, был царским знаменосцем.

Мозаика складывается из белых фигурок на лазуритовом, а кое-где красном поле. Самые фигурки вырезаны силуэтами из раковин, мелкие детали на них выгравированы. На треугольных панелях изображены мифологические сценки с животными. Две большие панели посвящены одна — миру, другая — войне.

На первой из них представлен царь со своей семьей во время праздничного пира. Обнаженные до пояса, в своего рода старомодных коротких юбках из овчин, члены царского дома сидят в креслах. Около них — слуги. В углу музыкант играет на маленькой арфе, а позади певица, прижав руки к груди, поет под его аккомпанемент. Эта сценка занимает верхний ряд панели. Два нижних ряда изображают слуг царя: они несут захваченную у врага добычу и провизию для пиршества. Один гонит козла, другой тащит две рыбы, третий сгибается под тяжестью перевязанного веревками тюка и т. д. Многие фигурки повторяются.

На другой стороне «штандарта» в середине верхнего ряда стоит царь: его легко отличить благодаря высокому росту. Позади него — трое приближенных или родственников, а за ними похожий на карлика ездовой держит под уздцы двух ослов, впряженных в царскую колесницу. Сам колесничий, придерживая вожжи, идет за пустой повозкой. Перед царем воины проводят обнаженных пленников со связанными позади руками, и он решает их участь.

Во втором ряду слева направо тесным строем движется фаланга тяжеловооруженных воинов. На них точно такие же медные шлемы, какие мы находили в царских гробницах, и длинные плащи из плотного материала, очевидно войлочные, — пастухи Анатолии до сих пор ходят в подобных плащах, опираясь на длинные посохи. Перед воинами легковооруженные пехотинцы без плащей уже сражаются боевыми палицами или короткими копьями с голыми воинами противника, которые либо бегут, либо падают под их ударами.

В нижнем ряду мы видим боевые колесницы Шумера. В каждую впряжена пара ослов. На колесницах стоят по два человека: возница и воин, мечущий легкие дротики. Колчаны с четырьмя такими дротиками укреплены на передних щитах колесниц.

Художник изобразил колесницы в момент вступления в бой, придав сцене реалистическую динамичность. Ослы крайней слева колесницы идут шагом, следующие пары, по мере того как под их копыта попадают тела поверженных, начинают волноваться, постепенно ускоряют бег, и, наконец, последняя переходит в галоп, от которого едва не падают ездоки.

«Штандарт» бесспорно выдающееся произведение искусства, однако его историческая ценность еще выше, ибо это самое раннее подробное изображение той армии, которая пронесла шумерийскую культуру от древнейших поселений близ Персидского залива вплоть до гор Анатолии и до берегов Средиземного моря. Раскопки могил показали, что оружие шумерийцев и по форме и по выработке намного превосходило все, чем сражались другие народы в те времена да и позднее, по крайней мере на протяжении двух тысячелетий. По изображению на «штандарте» можно судить и об организации шумерийской армии. В ту эпоху это была всеокрушающая сила. Шумерийцы располагали колесницами, которые и через две тысячи лет наводили священный ужас на евреев библейских времен, а их боевой строй был прообразом победоносной фаланги Александра Македонского. Поэтому нечего удивительного в том, что шумерийцы практически не встречали сопротивления до тех пор, пока соседние народы постепенно не переняли их боевой опыт.

И еще об одном рассказало нам кладбище — о поразительном развитии архитектуры. Вход в гробницу Абар-



ги увенчан правильной кирпичной аркой, а кровля представляла собой кирпичный круглый купол с апсидами. Точно такой же купол был и над гробницей Шубад. Другие гробницы были накрыты куполами из грубоотесанного известняка. Мы нашли один такой купол, возведенный полностью на деревянном венце, с опорами на современный лад.

В этих подземных покоех не требовалось колонн. Зато в сооружениях следующей эпохи они попадаются в изобилии, а отсюда можно заключить, что шумерийцы умели их применять и раньше, в период царского кладбища. Подводя итоги, можно сказать, что жителям Ура в начале III тысячелетия до н. э. уже были известны почти все основные элементы архитектуры.

Как я уже говорил, царское кладбище относится к последней части раннединастического периода, с которого и начинается собственно шумерийская цивилизация. Это была городская цивилизация высшего типа.

Шумерийские мастера лишь временами создавали по-настоящему реалистические произведения вроде ослика — талисмана с царской колесницы Шубад, но в основном они следовали установившимся условным образцам, совершенство которых оттачивалось из поколения в поколение. Шумерийцы обладали достаточными познаниями в металлургии и столь высоким мастерством в обработке металлических изделий, что в этом с ними вряд ли сравнится хоть один народ древности. Такое мастерство, разумеется, тоже приобреталось веками. Шумерийские купцы вели торговлю с самыми отдаленными странами; шумерийские поля отличались плодородием; шумерийская армия была превосходно организована, и почти все мужчины умели писать и читать. Во всех отношениях Шумер раннединастического периода ушел намного вперед от Египта, который в ту эпоху лишь выбирался из состояния варварства. И когда Египет действительно пробудился в дни правления Менеса, первого фараона Нильской долины, наступление новой эры ознаменовалось для него освоением идей и образцов более древней и высшей цивилизации, достигшей расцвета в низовьях Евфрата. Шумер был прародиной западной культуры, и именно у шумерийцев следует искать истоки искусства и мировоззрения египтян, вавилонян, ассирийцев, финикийцев, древних евреев и, наконец, даже греков.

Наши находки на царском кладбище не только прекрасны сами по себе и чрезвычайно интересны как образцы культуры совершенно неведомого народа и совершенно неизученной эпохи. Благодаря им мы можем сегодня вписать новую главу в историю нашего современного мира.

#### ГЛАВА IV

##### ЭЛЬ-ОБЕИД И ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ УРА

В 1919 г. доктор Холл, работавший в Месопотамии по поручению Британского музея, однажды отправился к небольшому холму, расположенному километрах в шести к северо-западу от развалин Ура. Здесь на поверхности лежали какие-то необычные обломки. Холл решил произвести раскопки и сразу же натолкнулся на остатки здания, сложенного из плоско-выпуклых кирпичей. Он раскопал три стороны этого маленького прямоугольного в плане строения. У четвертой, юго-восточной стены под грудой кирпича-сырца оказалось множество самых разнообразных предметов.

Здесь была небольшая каменная статуя мужчины, высеченная в уже знакомой нам по другим образцам обобщенной и примитивной манере, но другие вещи носили иной характер. Например, тут же лежал большой медный рельеф длиной два метра тридцать пять сантиметров и высотой метр сто пять сантиметров. На нем в геральдическом стиле был изображен орел, закогтивший двух оленей. Рядом оказались скульптурные фигуры львов (головы с передней половиной туловищ) почти в натуральную величину. Они сделаны из меди, набитой на основу из битума и дерева, глаза инкрустированы, а между зубов, выточенных из белых раковин, высовывается язык из красного камня. Здесь же оказались обломки деревянных колонн, облицованных мозаикой из перламутра, красного камня и черного сланца, глиняные цветы с инкрустированными белыми, красными и черными лепестками, и медные головы других животных, уже меньшего размера.

Это было открытие первостепенного значения, и, поскольку доктор Холл не довел раскопки до конца, наша объединенная экспедиция сочла своим долгом как мож-

но скорее завершить начатую им работу. В раскопный сезон 1923/24 г. на маленьком холме (это был Эль-Обейд) обосновалась специальная партия экспедиции. Мы возобновили раскопки, надеясь собрать дополнительные сведения об этом сооружении, а может быть, даже обнаружить новые предметы, скрытые под землей.

Опыт доктора Холла послужил нам предостережением. Найденные им медные статуи настолько пострадали от коррозии и были так изломаны, что, несмотря на все их значение, представляли собой лишь тень оригинала. От львиных голов осталась только битумная основа с инкрустированными глазами и пастью. От колонн уцелели разрозненные фрагменты мозаики, — только их и удалось извлечь. От большого медного рельефа сохранилась одна оленья голова; все остальное пришлось воссоздавать по кусочкам, и такая реконструкция во многом остается сомнительной. Поэтому мы тщательно подготовились на тот случай, если нам встретится что-либо похожее. Мы должны были быть во всеоружии, чтобы справиться со сложнейшей задачей извлечения и переноски древних предметов.

Холл вел раскопки от угла здания и дошел почти до середины стены. Здесь его рабочие нашли и частично разобрали необычайно плотную кучу кирпича-сырца, где и оказались все медные скульптуры. С этого места мы и решили начать.

Обнажить кирпичную кладку оказалось нелегко, потому что мы не понимали ее истинного назначения. Лишь позднее выяснилось, что перед нами одна сторона лестницы, примыкающей под прямым углом к стене главного здания. Несколько сохранившихся у подножия лестницы ступеней представляют собой крупные блоки белого известняка. Это первый пример использования камня в зданиях Южной Месопотамии, если не считать аналогичной лестницы, соединяющей террасы ступенчатой башни Абу Шахрейна, руины которой находятся километрах в восемнадцати южнее Ура. Дальнейшие исследования показали, что само сооружение представляло собой сплошную кирпичную платформу, на которую вел ряд ступеней. Она служила лишь основанием некогда стоявшего на ней здания. Теперь это здание исчезло.

Обогнув лестницу и двигаясь дальше вдоль стены, мы нашли между лестницей и дальним углом платформы

еще одну груду предметов, частично похожих на те, что были обнаружены доктором Холлом. Все они лежали под такой же массой кирпича-сырца, из которого в более поздний период над развалинами древнего здания была возведена новая платформа. В углу между лестницей и стеной здания лежали две двухметровые деревянные колонны, инкрустированные перламутром, сланцем и красным камнем, а также другие пальмообразные колонны и брусья, обшитые листами меди. Сверху были свалены четыре медные статуи стоящих быков с повернутыми назад и прижатыми к плечу головами. Вдоль стены лежали медные рельефы, изображающие отдыхающее стадо, а между ними — фрагменты мозаичного фриза, на котором фигуры из белого известняка или раковин выделялись резкими силуэтами на фоне черного сланца, окантованного полосками меди. И тут же мы повсюду находили разбитые или целые инкрустированные глиняные цветы. Такие же цветы на конусообразном стебле были обнаружены во время первых раскопок.

Как-то раз один из рабочих на моих глазах откопал небольшую продолговатую табличку из белого известняка с высеченной на ней надписью. Я передал ее стоявшему позади мистеру Гэдду, и тот вслух прочел:

«А-анни-пад-да, царь Ура, сын Мес-анни-пад-ды, царя Ура, воздвиг сие для своей владычицы Нин-Харсаг».

Этот мемориальный камень, заложенный в фундамент здания, был нашей важнейшей находкой.

Надпись как будто не сулила ничего особенного: какой-то набор почти непроносимых имен, и всё. Однако нас она взволновала. Первое имя было незнакомо никому, и нам в том числе. Зато второе мы знали: по шумерийскому списку царей это имя первого царя первой династии Ура.

Во введении к настоящей книге я уже говорил, какое огромное значение имеет находка этой таблички. Благодаря ей мы установили что династия, которую раньше считали мифической, существовала в действительности, была историческим фактом. Но табличка не только подтверждает достоверность списка царей. Поскольку она была обнаружена в развалинах эль-обейдского храма, благодаря этой табличке мы можем правильно датировать время его постройки и отвести всем найденным тут предметам подобающее место в истории развития месопото-

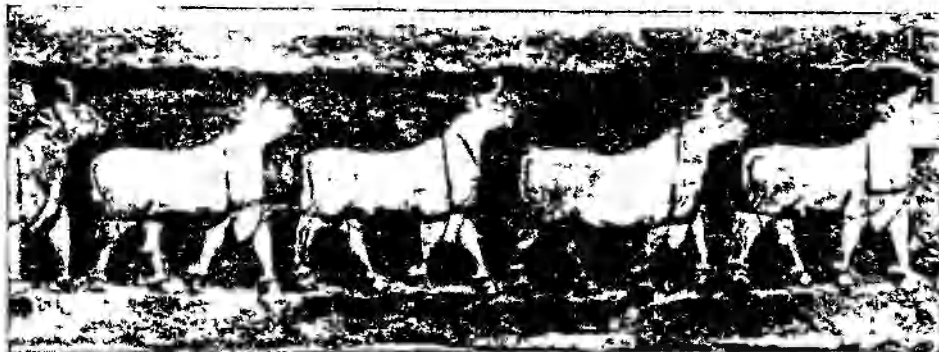
тамского искусства. А это в свою очередь свидетельствует о том, что время правления первой династии Ура было периодом значительной протяженности. Теперь это определенная историческая эпоха, о которой мы можем судить по дошедшим до нас предметам.

К сожалению, с этими предметами, получившими столь большое значение после находки мемориальной таблички, нам пришлось вдоволь помучиться. Они лежали в земле так густо, что по мере раскопок появлялись на поверхности иной раз сразу по полдюжины. А ведь каждый предмет требовал особой обработки! А состояние предметов оправдало полностью наши опасения.

Верхний из четырех медных быков был вообще ни на что не похож: о его существовании мы догадались только по обилию зеленого порошка и по одной частично сохранившейся ноге. Второй бык выглядел более надеживающе, однако на поверку он оказался разбитым на тысячи кусочков, и металл настолько размягчился, что рассыпался в прах от малейшего прикосновения. Три недели провозился я, пытаюсь его сохранить, но когда мы извлекли статую, она распалась на атомы. Со следующими двумя нам больше повезло, и теперь в Британском и Филадельфийском музеях стоят пусть изуродованные и разбитые, но все же прекрасные фигуры быков, дающие представление об изяществе оригинала. Это древнейшие медные статуи из сохранившихся до наших дней.

С медными рельефами дело обстояло проще. Лишь один из них пришлось бросить, так как он распался, но и в этом случае удалось извлечь первоклассную по исполнению голову животного: в отличие от тела, кованного из тонкого медного листа, она оказалась литой, а потому более прочной.

Инкрустированные колонны были раздавлены в лепешку, дерево истлело, но большинство мозаичных узоров осталось на своем месте; только на концах колонн мозаика оказалась перепутанной и разбросанной. Мы извлекали колонны по частям, заливая воском мозаику верхнего и нижнего слоев одновременно. Такие пласты можно было затем разделить и перенести с помощью провощенного холста на новую основу, не изменяя положения ни одного камешка или кусочка перламутра. С одним пластом мы так и поступили, причем основой нам послужила круглая бочка из под керосина, оказавшаяся



Мозаичная панель



Мозаичный фриз



Медный рельеф орла с двумя оленями

точно такого же диаметра, как истлевшие колонны. Остальные пласты мозаики и отдельные ее частицы, найденные в земле, мы сохранили для более тщательной реконструкции.

Мозаичные фризы были просто скреплены воском и провощенным муслином, а восстановление их мы оставили на усмотрение музейных реставраторов. Всего мы нашли два фриза. Один простой, изображает ряд птиц, очевидно голубей, из белого известняка, на темном фоне. Известняк, по-моему, в древности был раскрашен. Второй фриз сложнее по рисунку и тоньше по исполнению. Большую его часть занимают идущие коровы, вырезанные либо из известняка, также, по-видимому, некогда раскрашенного, либо из раковин, которые скорее всего оставались белыми. В середине фриза изображена сценка. По одну сторону тростникового хлева, откуда выглядывают два теленка, мужчины доят коров; они сидят на низеньких скамеечках, поставленных сзади, под коровьими хвостами, а перед коровами привязаны к стойлам телята в намордниках, словно для того, чтобы матери отдавали побольше молока. По другую сторону хлева двое бритых мужчин в плиссированных юбках, которые позднее стали ритуальным облачением жрецов и царей, льют молоко сквозь сито в стоящий на земле подойник, а двое других сливают процеженное молоко в большие сосуды.

Это типичная сценка из пастушеской жизни, однако одеяние действующих лиц наводит на мысль, что она означает нечто большее. Во всяком случае в более поздние времена при храмах существовали священные коровники, и на этом фризе, возможно, изображены жрецы, приготавливающие молоко богини-праматери Нин-Харсаг, которое считалось пищей царей. Таким образом, простая домашняя сценка вполне могла иметь религиозное значение. Это подтверждается еще одной особенностью того же фриза. Здесь между фигурами идущих коров вставлена небольшая панель с казалась бы весьма странным изображением. Бородатый бык пробирается среди холмов, а на его спине сидит вцепившийся в бычью холку львиноголовый орел. Сценка явно мифологическая, и ее присутствие лишь подтверждает наше мнение о значении фриза в целом.

Совершенно очевидно, что все найденные предметы некогда принадлежали храму, и не менее очевидно, что

большая часть из них была архитектурными украшениями. Они имеют огромное значение и сами по себе, но каждая вещь приобрела бы неизмеримо большую ценность, если бы ее удалось представить на своем месте в архитектурном ансамбле. На первый взгляд подобная задача казалась невыполнимой. От самого здания не осталось ни кирпича, а платформа, на которой оно стояло, была настолько разрушена, что мы не могли определить даже план фундамента. К счастью, положение предметов в земле на сей раз было достаточно красноречиво.

Храм разрушался не постепенно: он был уничтожен сразу, свирепо и беспощадно. Стены подрыли снизу, а потом обрушили изнутри; большие обломки так и остались лежать перед платформой. На нижней, некогда лицевой стороне этих стен сохранились даже фризy, до которых нам пришлось докапываться сквозь толщу кладки из кирпича-сырца. Когда выяснилось, что фрагменты двух фризov держались на одном обломке стены, мы смогли восстановить их положение и точное расстояние между ними. Одновременно мы установили относительное расположение медных тельцов и мозаики из раковин, изображающей стадо.

Под опрокинутой стеною, зачастую прямо на земле, лежали другие предметы. Здесь, по одну сторону лестницы, доктор Холл нашел большой рельеф с орлом и медных львов, явно украшавших вход в храм, а также фрагменты мозаики с колонн. По другую сторону лестницы мы обнаружили еще две колонны с мозаикой и две колонны, обшитые медью. Все они лежали на земле примерно под прямым углом к фасаду, и на них были свалены в кучу медные фигуры быков. Эти архитектурные украшения, если и не стояли отдельно, то во всяком случае их можно было легко сбросить. Враги сорвали медных львов, свалили колонны, которые увлекли за собой большой рельеф, и сбросили все это вниз с платформы. Сверху они нагромодили статуи быков, затем подрыли и обрушили стены. Нам оставалось только зафиксировать точное расположение каждого предмета по отношению к стене, точный угол по отношению к фасаду и, высчитав расстояние от платформы, определить, где и на какой высоте он был прикреплен. Я полагаю, что единственное обоснованное сомнение в таких расчетах вызывают лишь терракотовые розетки, которые мне представляются как



свободно стоящие и ни с чем не связанные. В действительности же они наверняка были вмурованы в кирпичную кладку, так что снаружи виднелись только венчики цветов. Все они лежали у самой платформы, разбросанные как попало, но это объясняется тем, что розетки украшали нижнюю часть стен храма, которая была раздавлена и развалена, когда обрушилась верхняя часть. Мы ничего не можем сказать о внутреннем устройстве храма, однако фасад его можно восстановить, и такая реконструкция будет в достаточной степени правильной.

Собственно храм занимал лишь один угол платформы. Главный вход в него располагался напротив каменной лестницы. Храм стоял чуть поодаль от края платформы. От лестницы к входу в него вела короткая крытая галерея с деревянными колоннами и балками, окованными полированной медью. Мозаичные колонны поддерживали притолоку при входе, над которой был укреплен на стене медный рельеф с орлом и двумя оленями, найденный доктором Холлом. А его медные львы, должно быть, высывались наполовину из углов при входе, словно стражи храма.

На карнизе верхнего края платформы, вдоль цоколя храмовой стены, стояли медные статуи быков, и, очевидно, на их уровне в стену были вставлены глиняные цветы, так что животные как бы паслись на цветущем лугу. Над ними на фасаде сверкал медный фриз с рельефным изображением стада, еще выше был укреплен мозаичный фриз со сценой доения и, наконец, на самом верху — фриз с более массивными и грубыми фигурами птиц.

Кирпичная балюстрада лестницы была, очевидно, обшита деревом: здесь в земле мы нашли медные гвозди, которыми прибивали деревянную облицовку. Сама платформа внизу сложена из обожженного кирпича; эта часть в облицовке не нуждалась. Верхняя же ее половина из кирпича-сырца, по-видимому, была побелена, так же как стены самого храма.

Нетрудно представить себе это веселое и прихотливое сооружение. Золото и яркие краски сверкали на фоне белых стен храма. И невольно восхищаешься, думая о том, как искусно распределялись украшения по высоте фасада: внизу были полнообъемные статуи, выше — рельефные изображения, а еще выше — плоский рельеф — фигуры, которые выделялись белыми силуэтами на черных

полосах фриза. Здесь чувствуется настоящее знание перспективы, — недаром архитектор поместил самые простые и самые броские изображения именно в верхнем ряду.

Во время раскопок этот храм считался древнейшим сооружением Месопотамии и вообще древнейшим зданием в мире, архитектуру которого можно воссоздать более или менее достоверно. С тех пор найдены более древние здания, однако храм Эль-Обейда по-прежнему остается единственным памятником архитектуры первой династии Ура.

В Эль-Обейде нам удалось сделать еще одно открытие, хоть и не столь сенсационное, но не менее интересное.

Во втором, меньшем по размерам холме, примыкающем к храму, мы нашли множество могил. По сравнению с более древним кладбищем Ура это были очень бедные погребения: в них не было почти ничего, кроме глиняной посуды. Но от этого они не теряют своего значения.

Мы, естественно, предположили, что могилы появились в одно время с храмом А-анни-пад-ды, поскольку они расположены от него поблизости: обычно священная земля рядом с храмом считается самым подходящим местом для кладбища. Но, кроме этого, было еще одно доказательство. Найденные в могилах глиняные сосуды весьма своеобразной формы в точности походят на сосуды, изображенные в сцене доения на мозаичном фризе. Таким образом можно с уверенностью отнести это кладбище к эпохе первой династии Ура, а поскольку в нем оказалось множество глиняных сосудов самых различных видов, мы получили великолепную отправную точку для датировки последующих открытий.

При любых раскопках, будь то здание или кладбище, глиняная посуда составляет основную массу находок. Во всех странах форма бытовых глиняных сосудов меняется, по мере того как развивается или деградирует культура, изменяется социальный строй, происходят новые открытия или просто возникает новая мода. Некоторые типы сосудов могут долго оставаться без изменений, однако большинство со временем изменяется. То же самое относится и к прочим предметам, но поскольку глиняные сосуды наиболее многочисленны, — обожженная глина, несмотря на свою хрупкость, практически не разрушается, — то лучше всего и удобнее всего опираться при датировке именно на них.

В такой стране, как Египет, домашняя глиняная посуда всех веков тщательно изучена и классифицирована; там достаточно прийти на место раскопок и взглянуть на черепки, чтобы определить их возраст. В Месопотамии же в 1923 г. мы очень мало знали о глиняных сосудах разных периодов, а о сосудах наиболее древнейших эпох — совсем ничего. Поэтому наша находка имела огромное значение. Мы обнаружили более сотни разновидностей сосудов и изучили способы их изготовления. Тот факт, что все они относятся к определенному историческому периоду, сыграл огромную роль, и, когда начались раскопки богатых погребений Ура, мы смогли правильно определить их время, в основном по образцам глиняной посуды из могил Эль-Обейда.

В южной части царского кладбища Ура поверх могил лежит много мусора, в котором отчетливо различаются три слоя: средний — темный из битого обожженного кирпича и древесного угля, верхний и нижний — светло-серые, из известковой крошки, перемешанной с черепками, оттисками печатей и табличками. Эти три слоя, по-видимому, представляют собой остатки сожженных и разрушенных до основания храмовых кладовых. Поскольку развалины лежат над кладбищем, здание было построено позднее, но ненадолго, так как к моменту его разрушения пласт с могильными ямами еще не был скрыт новыми наслоениями мусора, который неизбежно накопился бы здесь за более длительный период. Возможно даже, что тут стояли не кладовые, а погребальные храмы-часовни, связанные с древними царскими гробницами, однако никто не знает этого наверняка. Во всяком случае в них или при них были кладовые, где хранились приношения царей, ибо мы нашли множество оттисков печатей на глиняных пробках больших сосудов и среди них два оттиска с именем Мес-анни-пад-ды, царя Ура, основателя первой династии. Среди мусора оказалась и печать, цилиндр из лазурита, с именем жены Мес-анни-пад-ды, а следовательно, матери А-анни-пад-ды, построившего храм в Эль-Обейде. Значит, первая династия пришла к власти именно здесь, в столице государства. Но, к сожалению, кроме письменных упоминаний, от этого периода сохранилось весьма немного.

Мы знаем, что после периода Джемдет Насра зиккурат и окружающие его культовые сооружения были пере-

строены заново. Нам удалось обнаружить фундаменты этих зданий. От некоторых храмов осталась даже часть стен; они из плоско-выпуклого кирпича, а это означает, что их возвели еще во времена раннединастического периода. Но к первой династии мы не можем с уверенностью отнести ни одно из этих зданий.

Первая династия Ура следует в шумерийском списке царей сразу же за первой династией Урук; казалось бы, что ею должен начинаться раннединастический период, но, по археологическим данным, он начался намного раньше<sup>1</sup>. Об этом свидетельствуют раскопки многих городов. И даже в самом Уре царское кладбище, относящееся к раннединастическому периоду, возникло задолго до начала первой династии. Вполне возможно, что именно такие процветающие местные царьки, как Мес-калам-дуг и А-калам-дуг, позволили Мес-анни-пад-де распространить свою власть на весь Шумер и войти в список царей. Поэтому, хотя здания Ура, которые мы условно называем «перводинастическими», скорее всего даже наверняка были построены гораздо раньше, многие из них могли существовать еще во времена правления Мес-анни-пад-ды и его сына. Но есть одно весьма значительное исключение.

Весь зиккурат раннединастического периода полностью погребен под зиккуратом Урнамму, и мы даже не пытались его откапывать. Мы можем только сказать, что, хотя он гораздо меньше сохранившегося до наших дней ансамбля времен третьей династии, размеры его были достаточно внушительны: главная платформа без лестницы занимала площадь пятьдесят метров на сорок. Он стоял в глубине приподнятой террасы, окруженной стенами с мощными контрфорсами. Часть террасы занимали

---

<sup>1</sup> Очевидно, после разгрома народа Джемдет Насра, который я отношу ко времени первой династии Урук, наступило междоусобице, когда многие города сохраняли независимость и ни один из них вплоть до вступления на трон Ура Мес-анни-пад-ды не мог подчинить своей власти всю страну. Если это было так, список царей совершенно правлен. Но возможно, что многочисленные ранние династии в списке царей просто перепутаны: некоторые из них по времени совпадали частично или полностью, и последовательность династий была установлена произвольно. Например, урская династия могла быть упомянута первой лишь благодаря своему значению или потому, что ее цари, как показывает продолжительность их правления, оставили больше памятников и документов.

культовые сооружения. Их нам удалось откопать, и они рассказали нам многое.

Прежде всего нам пришлось иметь дело не с одним, а с двумя сооружениями. Я уже описывал, как был насильственно разрушен ансамбль зиккурата эпохи Джемдет Насра и как над ним был возведен новый зиккурат. В основании его стен была примесь плоских кирпичей, а вся наземная часть выложена из плоско-выпуклого кирпича. Эти стены относятся к самому началу раннединастического периода. Они довольно хорошо сохранились, и мы смогли по ним восстановить план всего сооружения. Позднее, уже в «эпоху плоско-выпуклых кирпичей», т. е. в самой середине раннединастического периода (плоско-выпуклые кирпичи вышли из моды задолго до его конца), весь зиккурат был снова перестроен по старому плану: новые стены возвели на остатках старых. Причем никто не разрушал этого старого святилища, и в религии не происходило никаких коренных перемен, требовавших постройки храма иного типа. Скорее всего древний зиккурат просто обветшал от времени и был обновлен, вернее, восстановлен в благочестивом соответствии с традицией.

Мы не знаем, кто это сделал, но у меня есть заманчивое и довольно обоснованное предположение. По-моему, такую дорогостоящую работу по восстановлению главного святилища Ура скорее всего мог предпринять Мес-анни-пад-да, после того как он превратился из зависимого правителя города в полномочного повелителя всего Шумера. Шумерийские цари считались наместниками бога-покровителя их столицы. К ним даже применялось выражение «пастырь-наместник». Поэтому приход царя к власти означал, что бог его города стал главою пантеона шумерийских богов. Новое верховное божество, естественно, нуждалось в святилище, соответствующем его высокому сану. Поэтому я без колебаний отношу описываемые ниже здания к священным сооружениям зиккурата эпохи первой династии Ура.

Террасу окружала колоссальная стена толщиной не менее двенадцати метров из кирпича-сырца. Ее фасад украшали узкие контрфорсы, а снизу на высоту почти одного метра тридцати сантиметров поднимался облицовочный слой каменной кладки из неотесанного известняка. Эта особенность вообще удивительна для страны, где нет камня. Правда, храм первой династии в Эль-

Обеде тоже стоит на известняковом фундаменте; там этот фундамент представляет собой один единственный ряд каменной кладки, положенный прямо на землю или едва скрытый под поверхностью. То же самое мы встречали и в других зданиях Ура раннединастического периода. Но в стене, окружавшей террасу, было шесть или семь рядов кладки из грубых бесформенных глыб — случай совершенно уникальный. Самое любопытное заключается в том, что это был декоративный фундамент, имитация: известняковая кладка не поддерживала стену, а только примыкала к ней снаружи как облицовка толщиной в один камень. Сама стена была построена из кирпича-сырца. Нижние ряды ее сливались с фасадом древней стены раннединастического периода, остатки которой возвышались над поверхностью. Когда кладка достигла высоты ста двадцати сантиметров, строители сложили снаружи гладкой кирпичной стены каменную облицовку, уравнили глиняным раствором верхний обрез и продолжали выкладывать стену выше уже по всей ее толщине, включая сюда ряд камней. Прием, конечно, наивный, зато привычный и несложный для людей, не знакомых с каменным зодчеством и вынужденных экономить дорогой материал. Такая каменная облицовка, фактически не связанная с кирпичной кладкой, не усиливала, а, наоборот, лишь ослабляла стену. И вида она тоже не имела никакого, поскольку снаружи ее обмазывали илом, как и все сооружение. Остается только предположить, что это было пережитком строительной техники тех времен, когда здания действительно возводились на каменных фундаментах, как, например, храм урукского периода в Варке. Теперь же такое вкрапление камня превратилось в религиозный символ.

Вход на террасу располагался в середине северо-восточной стены, как раз напротив подножия лестницы на зиккурат. Он был двойным, поскольку за внешней стеной стояла еще внутренняя. Посетитель проходил через своего рода вестибюль длиной около шести метров. В боковых стенах этого вестибюля были двери в кладовые или служебные помещения, пристроенные изнутри к внешней стене террасы. Миновав вестибюль, молящийся оказывался прямо перед зиккуратом. По обе стороны от него на северном и восточном углах террасы стояли храмовые сооружения. Строители зиккурата третьей династии из-

менили план террасы и, выровнив ее, срыли все древние здания. Однако под мощеной поверхностью террасы сохранились остатки древних стен, по которым нам и удалось хотя бы приблизительно воссоздать план старого ансамбля.

Если судить по более поздним образцам, здание в северном углу по своему положению должно было служить особым алтарем бога луны Нанна, верховного божества — покровителя города Ура, в честь которого и воздвигли зиккурат. Однако устройство его не соответствует плану нормального храма. В него проникали сквозь маленькую незаметную дверь в юго-западном углу. По покрытому битумом «тротуару» нужно было пройти через вестибюль в центральный открытый дворик с глинобитным полом. К его северо-западной стене был пристроен приподнятый над полом водоем из кирпича и битума с узкими стоками на каждой стороне, — очевидно, он служил своего рода кухонной раковиной для приготовления пищи или для мытья посуды. Мы нашли здесь с полдюжины глиняных чаш, множество мелких костей животных и рыбу чешую. Два прохода в северо-восточной стене вели к двум маленьким квадратным комнатам, за которыми находились очень узкие, похожие на коридоры помещения. Почти все пространство в передних комнатах занимали большие очаги: в одной — квадратный, а в другой — круглый. Они были наполнены углями и пеплом, а кирпичи их растрескались от жара. По-видимому, ими пользовались долго и постоянно. Во всяком случае под квадратного очага возобновляли не менее двенадцати раз. Дверь в юго-восточной стене открытого двора вела к анфиладе узких комнат, фактически коридору, который в свою очередь, возможно, приводил к трем обширным кладовым, расположенным в самой глубине основного сооружения, в северном углу террасы. Но мы не знаем, где точно находился вход в эти кладовые, поскольку от стен остался только фундамент.

Здесь ничто не напоминает храм. Точнее всего это сооружение можно было бы определить словом «кухня». Жертвоприношения были по существу пищей богов, которую следовало приготовить из мяса жертвенных животных. Его варили в горшках или жарили на огне, а хлеб и лепешки пекли. Таким образом, кухня была важной частью храма, и мы нашли превосходный образчик по-

добной храмовой кухни периода Ларсы. Но здесь перед нами была одна кухня, без храма. Я думаю, это объясняется тем, что храм, истинное обиталище бога, находился на вершине зиккурата. Он и сам-то был невелик, а мест для подсобных помещений на зиккурате и подавно не хватало. Богу подносили уже готовую пищу, так было удобнее.

Весьма похожее сооружение занимало и восточный угол террасы. В главное помещение вела такая же маленькая дверь в юго-западной стене; здесь тоже был коридор, внутренний двор с боковыми комнатами, а напротив входа — такие же две комнатушки, полностью занятые большими печами или очагами — квадратным и круглым. Но позади этой «кухни» располагались не кладовые, а большой открытый двор. К нему вел проход во внешней стене террасы. От прохода наискосок через двор шел мощный «тротуар», заканчивающийся у крайней, северо-восточной кельи; целый ряд таких келий с выходами к зиккурату пристроен к стене «кухни». Сквозь крайнюю келью можно было пройти прямо на платформу зиккурата.

На открытом дворе мы нашли круглый фундамент из обожженного, скрепленного битумом кирпича. К нему примыкает более или менее прямоугольная кирпичная платформа — остатки аналогичного фундамента. Кроме того, здесь в пол двора врыт круглый бассейн, выложенный обожженным кирпичом на битуме. Третий круглый фундамент из кирпича располагается на открытой площадке юго-западнее «кухни», вплотную к ряду служебных помещений или кладовых, пристроенных к внутренней стороне большой стены террасы. Здесь в ней прорублен второй узкий проход, сквозь который можно было пройти снаружи на зиккурат. Итак, мы нашли вторую «кухню» с пристроенным к ней рядом келий, открытых со стороны зиккурата. И снова лишь более поздние аналогии разъясняют назначение этого здания.

Во всех подобных сооружениях позднейших периодов юго-западную часть террасы зиккурата занимал храм, посвященный богине Нингал, жене бога луны. Кроме того, мы имеем письменное свидетельство о том, что в одном из таких храмов были изображения и других, младших богов из окружения верховного божества и его царственной супруги. Таким образом, маленькие кельи, по-види-



тому, служили часовенками, где стояли статуи младших богов. Исключение составляет лишь крайняя келья с двумя выходами, которая по сути дела была просто проходным коридором. Что касается самой богини Нингал, то ее алтарь, очевидно, был на зиккурате.

На центральном дворе, перед зиккуратом, мы нашли фрагменты почти такой же инкрустации, из какой состоял мозаичный фриз храма в Эль-Обейде, остатки весьма похожих каменных оленей и птиц от большого резного рельефа и аналогичные части золотых украшений. В дополнение к этому мы нашли похожие золотые предметы и в самом храме. Все это говорит о том, что он был украшен примерно так, как подобает храму.

Трудно представить себе это сооружение, когда от былого великолепия остается лишь разбитый фундамент из кирпича-сырца. Только благодаря храму в Эль-Обейде мы можем с уверенностью сказать, что даже эти жалкие остатки свидетельствуют о невероятном богатстве святилища. Это богатство, возможно, и было одной из главных причин его безжалостного уничтожения.

О достатке храма можно составить представление по одной из наших находок. Посреди большого открытого двора, перед «кухней», под мощным полом был зарыт глиняный горшок. В нем оказалось множество бусин, два миниатюрных туалетных сосуда из белого известняка, две печати из раскрашенного алебаstra в форме львиных голов, каменные фигурки человека, теленка, собаки и лежашего быка. По-видимому, это были приношения верующих. На этом же участке мы нашли еще ряд предметов периода первой династии. О четырех таких находках стоит упомянуть.

Сразу под кирпичной вымосткой того периода, вблизи границы кладбища, лежала нижняя половина известнякового блока с рельефным изображением царской погребальной процессии. Пустую колесницу, покрытую пятнистой леопардовой шкурой, влекут два странных животных. Их тела похожи на львиные, но должно быть это ослы (головы отбиты). Их ведут приближенные царя. Сверху была еще одна сцена, однако она утрачена.

Вторая находка оказалась под фундаментом дома при одном из храмов. Здесь почва была приподнята в виде террасы, на которой стояло здание, а за стеной, окружавшей террасу, лежала груда предметов периода первой

династии. Два из них — парные. Это были бараны, высеченные из известняка. Задняя часть тела баранов оставлена необработанной: по-видимому, они были вделаны в основание трона или алтаря какого-то божества, священным символом которого считался баран.

Тут же лежала небольшая алебастровая пластинка с рельефом на обеих сторонах. Она сильно попорчена, так что сохранилась лишь половина, но и эта половина в достаточной степени любопытна. На пластинке изображены лодки с высоко задранными носом. Они сделаны из связок тростника. Посредине стоит кабина с круглой крышей или навес. Лодки напоминают серебряную модель, найденную нами в гробнице царя Абарги. На одной стороне пластинки на корме стоит мужчина, а в кабине виднеется свинья. На другой стороне на месте мужчины изображены две рыбы, а на месте свиньи — гусь. Очевидно, эта маленькая пластинка была подарена храму кем-либо из жителей приречных плавней и изображала сценки из его жизни: ведь рыба, дикие гуси и кабаны были основной добычей жителей плавней. Я с трудом удержался от искушения назвать рельеф на пластинке новым ковчегом. И хотя это шуточное название распространилось по всему лагерю, приведенное объяснение гораздо правдоподобней.

Несмотря на разрушения, причиненные строителями позднейших эпох, воздвигавших свои здания на том же самом месте, наши раскопки террасы зиккурата оказались весьма плодотворными. Судя по состоянию алтаря бога луны периода первой династии, трудно было ожидать подобных результатов. Нам удалось найти интересные свидетельства, относящиеся к тому, что можно назвать политической обстановкой в стране. Я уже отмечал выше фантастическую толщину стен, окружавших террасу: она достигает двенадцати метров. Такая стена гораздо больше подходит крепости, чем храму. В юго-восточной части, между восточной «кухней» и углом террасы, так же как и в северо-восточной части, там, где прорублен проход в город, стена двойная. Проход упирается в караульную, за которой располагались еще две узкие кладовые меж двух параллельных стен. Здесь мы нашли большое количество глиняных пробок от кувшинов с оттисками печатей и тут же множество брусков и ядер из обожженной глины, иногда довольно значительных раз-

меров. По-видимому, эти снаряды метали с помощью своего рода катапульты. Таким образом, кладовые одновременно являлись арсеналом.

Храм бога-покровителя господствовал над городом. А поскольку бог в действительности был царем, его храм, совершенно естественно, играл роль не только священного места, но и главного опорного пункта в обороне города. Можно почти безошибочно утверждать, что весь город был обнесен стеной. В центре его находился теменос или священный квартал, также обнесенный стенами: это была вторая линия обороны. И, наконец, в углу теменоса на укрепленной террасе возвышалась громада зиккурата, по своему положению соответствовавшего донжону или угловой башне средневекового замка. Здесь жители Ура находили последнее убежище и выдерживали осаду, сражаясь с победоносным врагом.

Города древнего Шумера непрерывно враждовали друг с другом. Длинный перечень династий в списке царей отражает истинное положение, которое было весьма неустойчивым. Один вассал за другим восставал против суверена, побеждал его, объявлял свой город столицей всего Шумера, а своего бога-покровителя, по праву победившего, возводил на престол верховного божества шумерийского пантеона. Некоторые новые подробности религии того времени удалось выяснить благодаря находкам, сделанным в другом месте. На линии юго-западной стены теменоса эпохи Навуходоносора расположен приземистый холм. За несколько лет до нас здесь вел раскопки Тейлор. Он нашел весьма немного, но ухитрился еще больше запутать обстановку на этом участке, сложнее которого мне в жизни не приходилось раскапывать. Под вавилонской стеной лежали руины разрушенных и рассыпавшихся от времени зданий самых разных периодов. Среди них нам удалось определить развалины храма богини Нимин-таб-ба, основанного Шульги, царем третьей династии Ура. Впрочем, от этого храма мало что сохранилось. Развалины позднейших построек до крайности загромодили этот участок, а домашние водостоки, уходившие глубоко под землю, окончательно разрушили все, что находилось под ними. Поэтому, когда мы добрались, наконец, до раннединастического слоя, здесь удалось найти только жалкие остатки стен и полов. Мы не могли даже составить толкового плана строений. Зато в

трех местах под основанием стен нам встретились своеобразные «жертвы закладки», каких мы до сих пор еще не находили. Когда древние строители откопали траншеи под фундамент здания, — возможно это был храм, предшествовавший храму богини Нимин-таб-ба, основанному царем Шульги, — прежде чем укладывать кирпичи, они вырыли в траншеях несколько квадратных ям глубиной до одного метра. На дне их расстелили циновку, этот «стол» кочевников пустыни<sup>2</sup>, и поставили маленькие глиняные сосуды с едой; бычье ребро свидетельствует о том, что это была часть жертвоприношения, предназначенная в пищу богу. Затем жертвоприношения накрыли прочными ребристыми горшками колоколообразной формы, засыпали ямы землей и возвели над ними стену. Под полом храма царя Шульги мы нашли терракотовые цилиндры с костями животных, — бесспорно пережиток древнего ритуала жертв закладки.

Как я уже говорил, весь этот участок буквально пронизан водостоками, служившими в период Ларсы и позднее. Но дальше в глубине мы нашли водостоки, связанные со зданиями раннединастического периода.

Что собой представляли эти водостоки или дренажные колодцы? Сначала вырывали круглую шахту глубиной десять-двенадцать метров и диаметром около полутора метров. Затем опускали в нее дренажные трубы, терракотовые кольца диаметром до девяноста сантиметров с утолщением на одном конце, чтобы кольца лучше и прочнее держались. Трубы имеют в стенках небольшие отверстия. Когда несколько таких колец было поставлено на место, пространство вокруг них заполнялось черепками до самого верха колодца, который прикрывался крышкой с отверстиями, либо просто оставлялся, как дыра в углублении мощеного пола для стока воды. Попадая в такой колодец, вода вытекает сквозь отверстия в его стенках, которые не забиваются снаружи землей благодаря слою черепков, и постепенно уходит в почву. Такой водосток может безотказно служить весьма значительное время.

Мы не знали, что система водостоков существовала в столь глубокой древности, но особенно удивило и пора-

<sup>2</sup> Арабское слово, означающее «стол», употребляется кочевниками для обозначения скатерти, которую они расстилают прямо на земле.

зило нас количество таких дренажных колодцев в каждом доисторическом здании. С какой, например, стати устраивать в одной тесной комнатке размером пять метров на один метр сразу два водостока, а в соседней комнате еще два? В этом нет никакой логики, ибо ни жилое строение, ни храм не нуждались в столь разветвленной дренажной системе.

Позднее, когда мы достигли большей глубины и дошли до нижних колец водостоков, которые нам, естественно, пришлось разбить, мы столкнулись еще с одной загадкой. На дне каждого колодца лежало множество маленьких глиняных сосудов двух типов и терракотовые модели лодок. Мы знали, что такие сосуды обычно служили для религиозных жертвоприношений: например, в них оставляли пищу для бога на описанном выше «столециновке». Все они были сброшены сверху, и не случайно, а намеренно, потому что в каждом колодце встречалось до сорока целых сосудов, не считая разбившихся при падении. Как-то раз я нашел черепки и один целый горшок в дренажном колодце, явно принадлежавшем жилому дому. Это вполне можно было бы объяснить оплошностями, которые разумеется случались не раз. Но здесь было нечто другое!

Вспомним, что в шумерийском пантеоне существовали боги подземного мира и, в частности, бог воды Эа, обитающий под землей. В связи с его культом древние тексты упоминают о таинственном, мрачном «апсу» — области, достигающей вод подземного мира. Вполне возможно, что шумерийцы совершали возлияния в честь подземного бога, выливая свои дары в колодец, в яму или даже в сточную дренажную трубу. Им это не казалось странным. По их убеждению, дары таким образом доходили до бога быстрее. Подобные верования существовали у многих народов. Поэтому я думаю, что найденные нами «дренажные колодцы» по существу были скромной имитацией бездонных «апсу». Пусть двенадцатиметровый колодец не достигает вод подземного мира! Все равно наши жертвоприношения будут значительно ближе к бо-жеству!

## ГЛАВА V ЗАГАДОЧНЫЕ ВЕКА

Как ни толсты были стены святилища бога луны, они не смогли обеспечить устойчивости династии. Если верить преданию, потомки Мес-анни-пад-ды царствовали всего пять поколений. Затем они были свергнуты. Список царей, получивший благодаря нашим открытиям в Эль-Обейде некое историческое правдоподобие, снова погружает нас в путаницу совершенно неведомых династий. Мы знаем о них только одно: они неправдоподобны. Что, например, такое вторая династия Ура? Для нас это только название, с которым ничего не связано. Ко времени ее правления нельзя отнести ни одной обнаруженной нами вещи.

Должен признать, что некоторые мои коллеги не без основания упрекали меня в связи с этим за то, что в официальном отчете о раскопках царского кладбища я назвал часть погребений «могилами второй династии». Но при этом я специально подчеркнул условность такого термина: просто мне нужно было, пусть грубо, зато удобно, выделить часть погребений, занимавших по времени среднее положение между могилами первой и третьей династий Ура. Я совсем не собирался утверждать, что они относятся именно к неведомой второй династии, хотя такое предположение было бы вполне естественным.

В эту группу входит пятнадцать погребений. Десять обычных могил отличаются от остальных только утварью, которая представляет собой переходную ступень от периода царского кладбища к погребениям Саргонидов и по характеру ближе к последним. Пять гробниц шахтного типа содержат многочисленные погребения, напоминающие некоторые царские гробницы раннего периода. Ни одна из них не может даже сравниться по пышности с древними царскими гробницами, но они богаче могил эпохи Саргонидов.

Утварь погребений — глиняная посуда, металлические вазы, оружие и орудия — зачастую свойственна только им. Но помимо этих образцов, многие типы предметов сохранились с древнейших времен, однако большая часть относится уже к эпохе Саргонидов. Например, головные уборы мужчин и женщин — это типичные уборы Саргонидов.

Самая интересная из одиночных могил представляла собой выложенную кирпичом-сырцом шахту, в которой стоял деревянный гроб с двускатной крышкой. В нем был похоронен мужчина. Рядом с гробом стояло множество глиняных сосудов, некоторые обожженные и расписанные красной краской. Тут же находился большой поднос из рифленой меди, на котором лежали медные кубки и вазы; кинжал, наконечник стрелы и цельные скелеты двух овец. В изголовье гроба был вертикально воткнут ряд копий, как в могиле Мес-калам-дуга на древнем кладбище. Голову мужчины украшали шесть золотых обручей, уложенных перекрывающимися друг друга ярусами. Кроме того, у него была маленькая золотая серьга и лента из крученого золота, некогда вплетенная в прическу. На шее мужчины мы нашли четыре ожерелья из разноцветных каменных бусин — сердоликовых, агатовых, халцедоновых, яшмовых, карнелиановых — вперемежку с золотыми. На одном из этих ожерелий висел прелестный амулет из массивного золота — маленькая статуэтка стоящего козла. На правом плече лежала серебряная заколка, поддерживавшая одеяние покойного. На руках у него были браслеты: гладкий золотой обруч на правой, два серебряных и три золотых — на левой. Тут же лежала большая цилиндрическая печать из лазурита. У пояса находился отделанный золотом медный кинжал и серебряный топор. Прочее медное оружие лежало рядом с телом. В головах мы нашли еще две золотые серьги и спиральный крученый золотой обруч (часть головного убора, не надетого на покойного). Остальная утварь этого погребения представлена разнообразными медными и глиняными сосудами.

В массовых захоронениях бывало до двадцати трупов. Последовательность их расположения по слоям говорит о том, что это погребения одного периода: все тела похоронены одновременно. Трупы знатных покойников лежали в гробах примерно с такой же погребальной утварью, как в описанной выше одиночной могиле. Остальные тела были похоронены не все вместе в «могильной яме», как в древних царских погребениях, а порознь, каждое обернутое своей индивидуальной циновкой. Да и лежали они не на одном уровне, а на разных, словно их опускали в могилу группами или поодиночке по мере заполнения шахты. Несмотря на то что почти все тела похоронены

более обособленно, несмотря на богатство личных украшений из золота и полудрагоценных камней, мы не нашли здесь обычной погребальной утвари, сосудов для пищи и питья, столь необходимых для тех, кто отправляется в иной мир. Все приношения такого рода лежали только при главном погребении.

В этом отношении массовые захоронения связаны с несколько измененными традициями царских гробниц древнего кладбища и являются как бы переходным звеном к мавзолеям третьей династии, о которых речь пойдет ниже. Создается впечатление, что здесь были погребены довольно крупные правители. Их считали полубогами, а потому воздавали им почести, более подходящие богам, нежели смертным. Однако все это совсем не означает, что здесь погребены цари второй династии Ура. Что касается хронологии, то, по-моему, эпоха их правления непосредственно предшествует царствованию Саргона Аккадского<sup>1</sup>.

В верхних слоях земли, заполнившей шахту одного из массовых погребений, мы нашли необычайно любопытную вещь. Почва здесь была слегка потревожена, поэтому трудно даже сказать, принадлежала ли эта вещь к погребению или попала сюда позднее с мусором иной эпохи: в последнем случае ее пришлось бы отнести ко времени Саргонидов. Итак, речь идет о круглой стеатитовой печати с изображением горбатого быка в стиле Мохенджо-Даро<sup>2</sup> и с надписью, тождественной письменам обитателей долины Инда.

Мы знали о сношениях Ура с Индией уже в глубокой древности. На царском кладбище были найдены бусины из сердолика с геометрическими узорами, вытравленными точно таким же химическим способом, как на предметах

---

<sup>1</sup> Некоторые специалисты относят эти погребения к периоду, следующему сразу за царствованием Саргона, до эпохи третьей династии Ура. При этом они ссылаются на одну цилиндрическую печать, очень близкую по стилю к печатям третьей династии. Но против их теории свидетельствует тип глиняной посуды, металлического оружия, ваз и, наконец, расположение погребений в слоях, что для меня является решающим доводом.

<sup>2</sup> М о х е н д ж о - Д а р о — древний город в низовьях Инда (провинция Синд), где раскопки выявили памятники древнейшей культуры Индии (III тысячелетие до н. э.), свидетельствующие об ее высоком уровне и относительной близости современным культурам Двуречья. — *Ред.*



из Мохенджо-Даро. Вряд ли этот способ мог быть изобретен в двух отдаленных друг от друга странах почти в одно и то же время. В более поздние эпохи в Уре уже не встречаются бусины с подобной обработкой; зато в Индии это искусство процветает вплоть до наших дней. Разумеется, такие маленькие безделушки, как бусины, могли преодолеть любое расстояние. Их можно было просто передавать из рук в руки, и поэтому трудно утверждать, что эти бусины служат свидетельством каких-то непосредственных связей между двумя странами. В отличие от бусин печать — вещь только личная. И когда мы находим, особенно в период Саргонидов, не одну, а несколько печатей, вывезенных из Индии или сделанных шумерийскими мастерами по индийскому образцу, тут уже не приходится сомневаться. Ко времени Саргонидов, — если только не раньше, как об этом свидетельствуют находки в могилах, — торговля между Шумером и долиной Инда была уже настолько оживленной, что торговые дома Мохенджо-Даро или других городов считали необходимым иметь своих собственных представителей в городах долины Евфрата.

Пока мы не получим новых сведений из других мест, вряд ли удастся точно определить время этих погребений «второй династии» и развития связей с Индией. С исторической точки зрения мы вынуждены признать, что период после безжалостного разрушения храма А-аннипад-ды в Эль-Обейде и вплоть до того момента, когда столицей страны около 2600 г. до н. э. стал город Лагаш, для нас представляет собой лагуну, продолжительность которой весьма неопределенна и зависит от того, какой хронологической системы придерживаться.

Мы нашли в Уре маленькую гранитную стелу с именем Урнанше, основателя династии лагашских царей. Эта находка, по-видимому, означает, что он же являлся сюзереном Ура. Надпись высечена предельно грубо. Должно быть, это было настоящей трагедией для Ура, славившегося во времена первой династии искусством своих мастеров и теперь подпавшего под власть варваров. По-видимому, народ однажды восстал, ибо внук Урнанше похваляется тем, что покорил Ур. Впоследствии, видимо, попыток освободиться больше не отмечалось. Лагаш продолжал властвовать над Уром на протяжении нескольких поколений, хотя главенство его

было настолько ограниченным, что его правители даже не вошли в список царей.

На находящемся в стороне участке раскопок мы нашли глиняный конус с надписью, своего рода «жертву закладки». Надпись гласит, что четвертый преемник Урнанше Эннатум I воздвиг здесь храм. Характерная деталь: этот храм был посвящен не Нанна, богу-покровителю Ура, а богу Лагаша.

После Эннатума царем стал Энтемена. О его взаимоотношениях с Уром сохранилось красноречивое свидетельство. Расчищая участок позади зиккурата, мы нашли на мостовой в воротах внешней стены, выстроенной Навуходоносором в седьмом веке до нашей эры, большую диоритовую статую мужчины, облеченного в обычную шумерийскую одежду из овчины. На его плечах и спине сохранилась длинная надпись, перечисляющая благочестивые деяния Энтемены, «правителя Лагаша, возлюбленного Нанше, великого правителя Нингирсу, сына правителя Лагаша Эннатума, старшего потомка из рода царя Лагаша Урнанше»; когда высекалась эта статуя, его называли «Энтемена, возлюбленный богом Энлилем». Из надписи совершенно ясно, что статуя предназначалась для Лагаша. По-видимому, либо сам Энтемена изменил свое решение и оставил ее в Уре, либо жители Ура, свергнувшие в то время или несколько позднее нго Лагаша, привезли к себе царскую статую как трофей. Так или иначе, она оказалась в Уре. Это была красивая и неплохо высеченная статуя (Лагаш приобщился к цивилизации!). Но еще в древности у нее отбили голову, а выступающий обрубок шеи отполировали до блеска. Остается только предположить, что после свержения ига Лагаша безголовая статуя свергнутого царя была выставлена где-то на улице и все прохожие в знак презрения били ее по обрубку шеи.

Совсем иное представление о лагашском периоде дает известняковый рельеф, найденный в сокровищнице храма богини луны. Он представляет собой пластинку с поверхностью около двадцати пяти сантиметров длины. В центре ее — дыра для штыря, по-видимому, чтобы прикрепить пластинку к стене храма. На пластинке высечены два барельефа. Сверху обнаженный в соответствии с ритуалом мужчина совершает возлияние перед изображением сидящего бога. Позади мужчины стоят еще

трое других, меньших ростом и в тяжелых одеяниях. Внизу высечена такая же сцена возлияния, только не перед богом, а перед дверью ковчега, и за мужчиной здесь стоит изображенная в анфас верховная жрица в длинном одеянии и митре. Позади нее двое слуг несут один козленка, второй — венок или сноп для жертвоприношения.

Более поздние аналогии (о них пойдет речь ниже) разъясняют смысл этих изображений. Человек, совершающий жертвоприношение, по-видимому, сам царь. Его сан подчеркнут большим ростом. Верховная жрица — дочь царя. Положение верховной жрицы бога луны в Уре было настолько значительно и, очевидно, настолько выгодно, что с глубокой древности и вплоть до последних дней существования города его по традиции занимали члены царской семьи. Когда у царя не было дочери, верховным жрецом становился его сын. И если правители Лагаша тоже подчинились урской традиции, как можно предположить по нашему барельефу, высеченному определенно в лагашском стиле, это, очевидно, означает, что они пытались как-то умиротворить своих подданных в Уре.

Судя по грубо высеченной надписи на осколках известняковой вазы, можно заключить, что после падения Лагаша власть над Уром перешла к Лугальзаггиси «царю Урука и Ура». Однако господство Урука было весьма непродолжительным, ибо вскоре Саргон Аккадский разгромил его армию, сверг его правителей и «разрушил Ур». Скорее всего это «разрушение» выразилось в уничтожении одних крепостных стен, потому что Саргон с уважением относился к богам города. Об этом свидетельствует каменное навершие булавы или жезла с надписью, в которой он посвящает ее богу луны. Мало того! В храме богини луны мы нашли сильно поврежденный алебастровый диск, на одной стороне которого изображена точно такая же сцена поклонения богу с верховной жрицей, как на лагашской пластине. Но здесь роль верховной жрицы в развевающихся одеждах и коническом колпаке играет ни кто иная, как сама Эн-хе-ду-ан-на, дочь царя Саргона Аккадского. Об этом говорит надпись на обратной стороне диска.

Нам удивительно повезло с такой находкой, проливающей свет на личность Саргона Аккадского, одного из

выдающихся деятелей древней Месопотамии. Слава его настолько велика, что ученые даже подозревали, не был ли он просто вымышленным героем древних легенд. Но теперь нам известна Эн-хе-ду-ан-на, лицо вполне реальное. Она жила в Уре, и здесь же был ее двор, вполне приличествующий принцессе. На кладбище времен Саргонидов мы нашли две уцелевшие могилы с цилиндрическими печатями. Третья печать оказалась в ограбленной могиле: ее обронили на землю. Владельцы этих печатей принадлежали к окружению Эн-хе-ду-ан-ны. Один был ее управляющим, второй — писцом, а третий — парикмахером. Благодаря этим печатям удалось, во-первых, установить, что дочь Саргона Аккадского жила в Уре, и, во-вторых, определить датировку кладбища с неожиданной точностью.

Могилы Саргонидов располагались непосредственно над погребениями царского кладбища, однако они отличаются не столько этим, сколько своим содержанием. Тип могил и погребальный ритуал, по-видимому, оставались без изменений, зато керамика стала совсем иной. Появился целый ряд сосудов новых форм, очевидно, в связи с изменением застольного этикета. Посуда изготовлена гораздо тщательнее. Для большей привлекательности ее зачастую погружали в красную краску, а затем обжигали. Возможно, что это свидетельствует об уменьшении благосостояния; когда металлическая или каменная посуда была не по карману, ее старались возместить скромными изделиями гончаров. И действительно, эти могилы гораздо беднее погребений царского кладбища. В них нет ни серебряных, ни золотых сосудов, даже каменные встречаются редко. Мы находили и здесь лазуритовые и сердоликовые бусины, однако наряду с ними попадались бусины и из необычных или совсем неизвестных ранее камней: гематита, агата и халцедона. Когда попадались золотые вещи, то по большей части оказывалось, что они сделаны не из массивного золота, а из меди, покрытой тончайшей золотой фольгой.

Но самое удивительное изменение претерпели оружие и орудия труда. То, что мы находили на царском кладбище, было отлито из бронзы. Древние мастера в совершенстве владели техникой литья и умели изготавливать превосходные заостренные топоры и скобели или струги, столь характерные для того периода. В могилах же Сар-

гонидов мы встречали только медное оружие и инструмент. Грубо обработанные лезвия просто вставлены тонким концом в отверстие деревянной ручки и заклепаны, или же ручка плотно вбита в кованую трубку. Это явный упадок ремесла. По-видимому, его можно объяснить следующим обстоятельством. В раннединастический период руду привозили из района Омана с берегов Персидского залива. Эта руда — природный сплав, в котором на 95% меди приходится 5% никеля. В эпоху Саргонидов оманские рудники либо истощились либо были отрезаны от Ура по чисто политическим соображениям (Аккад, естественно, торговал с северными районами). Во всяком случае, теперь сюда привозили медную руду из Малой Азии, но она давала уже чистую медь, непригодную для литья, и кузнецам приходилось ковать сырой металл, чтобы придать ему форму и прочность. В развитии культуры это было шагом назад.

Благодаря тому что мы раскопали более четырехсот могил Саргонидов, нам удалось собрать достаточно материала, характеризующего тот период. Самой поразительной его особенностью было изменение формы головных украшений. В эпоху существования царского кладбища мужчины носили на головах золотые обручи или серебряные цепочки с длинными бусинами, своего рода «стеклярусом», из лазурита и сердолика. Эти украшения, как «агал» современных арабов, удерживали на месте головной убор. Женщины, во всяком случае те, которые были связаны с двором, носили сложные украшения из широких золотых или серебряных лент и нитей, вепки из золотых и каменных бусин с подвесками в виде листьев или золотых колец, на волосах у них были обручи из крученой золотой проволоки, а в ушах — огромные серьги в форме золотых полумесяцев. В эпоху Саргонидов мужчины носили только маленькую овальную подвеску из тонкого золота, укрепленную на лбу, а женщины — такую же подвеску, тоже не в волосах, а на лбу, и серьги в виде полумесяцев, но очень маленькие. Кроме того, женщины подбирали пряди волос над ушами и, переплетя их тоненькой золотой ленточкой, закалывали над лбом плоскими локонами.

Разумеется, это были относительно скромные могилы, которые нельзя даже сравнивать с роскошной роскошью гробниц царского кладбища. Перемена настолько

разительна, что она безусловно отражает изменение обычаев, социальных условий и всего мировоззрения. Эти изменения можно проследить и по цилиндрическим печатям. Если говорить о сюжетах, то излюбленная тема древних печатей — ритуальное пиршество с сидящими фигурами людей, которые пьют через трубки какой-то напиток, — совершенно исчезает. Зато довольно часто встречается сцена «представления» богом-покровителем владельца печати верховному божеству. Такой сюжет был известен в эпоху существования царского кладбища, а при третьей династии он получил самое широкое распространение.

Здесь же мы впервые обнаружили печати с мифологическими изображениями, по-видимому, позаимствованными из храмовых мистерий. Вот богиня Нидаба сидит на скирде пшеницы, а боги-прислужники и ее муж Ашнан подносят ей пшеничные снопы. Вот бог солнца Шамаш взбирается на горы, выйдя из утренних врат, которые перед ним распахнули боги-прислужники. Вот Шамаш и Иштар попирают поверженного врага. Вот Зу, грабитель, бог тьмы и бурь, в образе получеловека-полуптицы, парит над коленопреклоненными людьми, вызывающими к его милосердию, и тут же Шамаш с огненными крыльями, вместе со своим божественным слугой терзает разорванное тело повелителя бурь. Вот древний мотив Гильгамеша и львов, повергающих наземь дикого быка или каменного козла. Он не утратил своей популярности и в эпоху Саргонидов, однако трактовка его изменилась. Если на печатях раннединастического периода фигуры переплетены и скручены настолько, что в сложной композиции трудно разобраться, то теперь мастера научились строить рисунок, четко разграниченный в пространстве. Каждая фигура у них стоит отдельно на гладком фоне, обретая больший смысл и значение.

Умение использовать пространство было большим достижением искусства Саргонидов и одной из его характернейших черт. Особенно ярко это умение отражено в прославленной скульптурной стеле Нарамсина, внука Саргона. Впрочем, миниатюрные шедевры резчиков печатей производят не меньшее впечатление.

В период владычества Саргонидов Ур, несмотря на восстание, разразившееся после смерти Саргона, продолжал пользоваться милостями чужеземных правителей. Из

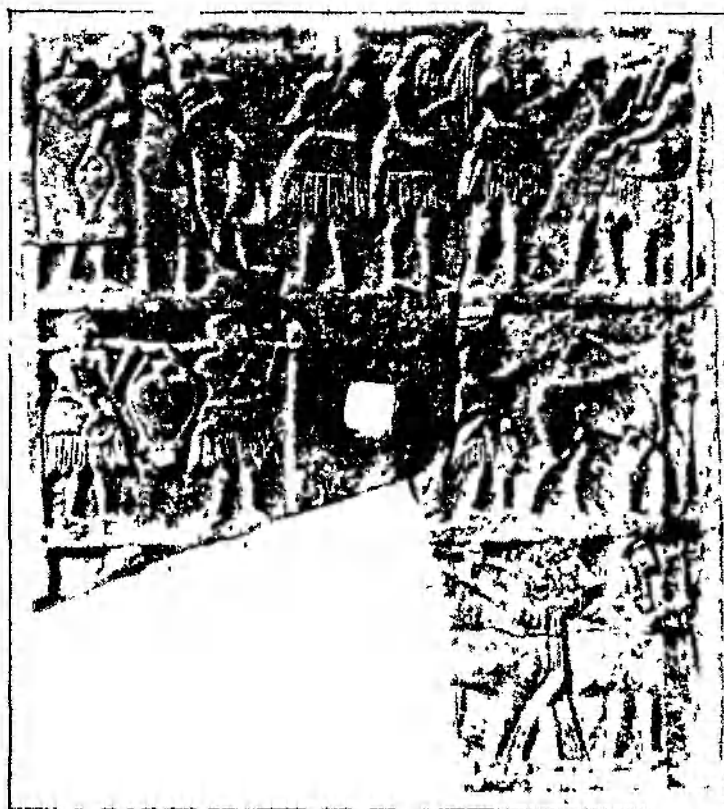
обнаруженных в других местах источников нам известно, что не только верховной жрицей Нанна в Уре снова стала принцесса царского рода, но и храмы города пользовались почетом.

Среди развалин Энунмаха, храма бога луны и его супруги, мы нашли под слоем позднейшей мостовой огромное количество осколков каменных сосудов, которые были посвящены храму и хранились в его сокровищнице. Когда эламиты свергли третью династию Ура, их войска, вторгшиеся в город, разграбили храмы и намеренно уничтожили все накопившиеся в них приношения древних царей. Позднее храмы отстроили заново, однако с упомянутыми выше разбитыми каменными сосудами уже ничего нельзя было сделать. Поэтому их священные осколки, с которыми не решались поступить, как с обыкновенным мусором, собрали и зарыли под новой мостовой, там, где стояли алтари и где эти сосуды некогда посвящали богам. Здесь мы их и нашли.

Каменные булавы и стеатитовые, известняковые, алебастровые вазы в большинстве своем украшены надписями с именами тех, кто принес их в дар. Надписи сделаны в разное время; некоторые восходят к последним дням третьей династии Ура, но немало и относящихся к царствованию Саргонидов. На одной булаве стоит имя самого Саргона Аккадского, многие вазы подарены сыном Саргона Римушем, выбравшим эти сокровища из царской доли «трофеев Элама», когда «царь царей» Ниспроверг Элам и Баракши». Среди этих сосудов выделяется стеатитовый кубок с весьма любопытной резьбой. На нем изображены фигуры животных и какой-то демон в чисто эламском стиле. Кубок, несомненно, был привезен из вражеской страны.

Таковы факты, свидетельствующие о том, что цари Саргониды относились к храмам Ура в достаточной мере почитательно. Но и только. Мы не нашли даже признаков того, что Саргониды сами воздвигали здесь какие-либо святилища. Трудно себе представить, что за сто пятьдесят лет<sup>3</sup> существования династии в городе вообще ничего не строили. Но, возможно, мы не нашли следов строительной деятельности в ту эпоху лишь по чистой случайности.

<sup>3</sup> По более правильным хронологическим данным, династия Саргона Аккадского царствовала сто восемьдесят лет. — *Ред.*



Известняковый рельеф



Возможно, обычай клеймить кирпичи возник лишь позднее, и поэтому мы не можем отличить стены, воздвигнутые по приказу Римуша, от более ранних. Нам помогли бы глиняные конусы закладки с соответствующими надписями. Такие конусы замуровывали в стены. Но натолкнуться на них на нашем участке раскопок можно было лишь по счастливой случайности, а нам на сей раз счастье изменило. Только открытие настенных надписей правителя Гудеа до какой-то степени восполняет недостаток указаний на строительную деятельность Саргонидов. Таким образом подтвердилось лишь только то, что рассказали нам фрагменты каменных сосудов. Династия Саргонидов была низвергнута вторжением гутеев, дикого горного народа Элама. Это вторжение полностью нарушило экономику Шумера. Все смешалось. «Кто был царем? Кто не был царем?» — тоскливо вопрошает составитель списка царей. И действительно, какое-то время у страны не было верховного властителя. Древние государства обрели былую независимость и подчинялись только своим местным царькам, которые могли претендовать лишь на титул «патеси» или «правитель», — не выше. Важнейшим среди этих городов был Лагаш.

Благодаря открытиям французской экспедиции, которая вела раскопки в Лагаше (теперь это место называется Телло), нам известны имена всех девяти правителей, членов одной семьи, передававших друг другу власть над городом. Французы нашли чуть ли не два десятка портретных статуй одного такого правителя по имени Гудеа. Поэтому он стал для нас наиболее знакомой личностью из всей истории древнего Шумера. Нельзя считать, что значение Гудеа непомерно раздуто нами именно из-за этих «случайных» находок и что этот местный правитель сам по себе вовсе не заслуживает подобного внимания. Ряд находок в Уре свидетельствует о том, что правители Лагаша по существу пользовались действительной властью, хотя теоретически и юридически они считались подданными гутеев.

Среди фрагментов жертвенных сосудов, найденных под мостовой времени Энунмаха, по крайней мере четыре имеют надписи с именем «Энаннепада, жрец Нанна, сын Урбаба, правителя Лагаша». Урбаба был основателем династии лагашских правителей. Он же, естественно, правил и Уром. Следуя древнему обычаю, Урбаба сделал

своего сына верховным жрецом бога луны. Три надписи, обнаруженные в разных местах этого участка, содержат имя Гудеа. Одна из них на каменном сосуде является посвящением некоего служителя «ради жизни Гудеа, правителя Лагаша». Она свидетельствует о том, что в Уре жили в те времена и подданные Лагаша. Другие две надписи несравненно интереснее: в них говорится о постройке Гудеа храмов в Уре. Первая — это надпись на конусе закладки святилища бога Таммуза (Адониса); вторая — высечена на каменной табличке из жертв закладки храма бога Ниндара, сына богини Нинхурсаг, которой был посвящен храм в Эль-Обейде. Сооружение храма Ниндара было таким важным событием, что один из годов правления Гудеа так и назывался «год, когда он воздвиг храм Ниндара». Все это позволяет заключить, что власть над Уром Гудеа считал для себя высокой честью, поэтому не случайно он предоставлял подвластному городу особые привилегии.

Бездарное правление гутеев продолжалось около ста лет. Но в 2120 г. до н. э. после единственного сражения власть гутеев рухнула, и верховным правителем Шумера провозгласил себя Утукегал из Урука. Лагаш признал его власть; с этого момента мы уже не встречаем имен независимых правителей Лагаша. Его подчинение повлекло за собой и подчинение Ура.

Фрагменты найденной нами диоритовой стелы не только подтверждают этот факт, но одновременно как бы вводят нас в историю драматических событий того периода.

Текст гласит: «Во славу Нингал, возлюбленной жены Сина, его владычицы, во славу жизни Утукегала, могучего мужа, царя Урука, царя четырех стран света, — Урнамму, правитель Ура...».

И почти то же самое повторяется на фрагментах второй стелы: «Во славу Нанна царя Аннуаки, своего царя, ради жизни Утукегала, могучего мужа, царя Урука, царя четырех стран света...».

Итак, Урнамму — правитель Ура, вассал или просто слуга царя Урука, которому он приносит жертвы или воздвигает храм, дабы продлилась жизнь его господина.

Но вслед за этим мы нашли еще одну надпись. Она отгиснута на кирпичях, специально изготовленных для сооружения крепостной стены зиккурата. Надпись гла-

сит: «Во славу владыки своего Нанна, славнейшего из сыновей Эилиля, могучий муж Урнамму, правитель Урука, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг Этеменигуру возлюбленный им храм».

Утукегал процарствовал всего семь лет. Он был свергнут восставшим правителем Ура, который овладел всей страной и основал третью династию Ура. В первые дни упоенный победой Урнамму носил необычный титул «правитель Урука». Прежде всего он постарался укрепить свою столицу. Позднее, когда его власть упрочилась, он отказался от этого титула и принял традиционный титул «могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада», который впоследствии стал постоянным.

## ГЛАВА VI

### ТРЕТЬЯ ДИНАСТИЯ УРА

В течение столетия — с 2112 до 2015 г. до н. э. — Ур был столицей обширного государства. Пять царей третьей династии делали все возможное, чтобы превратить его в политический центр, соответствующий их могуществу и величю. И какой бы храм мы ни раскапывали, нам почти всегда попадались следы их деятельности, будь то новая постройка или старое здание, восстановленное кем-либо из них.

Особенно прославился как строитель основатель династии Урнамму. «Во славу владычицы своей Нингал Урнамму, могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг сей великолепный Ги-пар». «Во славу благородной владычицы Инанны... Урнамму воздвиг Эш-бур, возлюбленный ею храм», «Во славу Нанна Владыки Небес...», «Во славу Ану, царя богов...», «Во славу Нин-эгал, владычицы своей...» и т. д. Список всех сооружений нового царя был бы внушителен! И все же Урнамму многого не успел достроить: он правил слишком недолго — всего восемнадцать лет. Так начатый им зиккурат и дворец Экурсаг достраивал уже его сын. Кроме того, из-за спешки или в целях экономии Урнамму иногда возводил здания из одного кирпича-сырца, так что его преемникам приходилось потом сносить непрочные стены и строить их заново из обожженного кирпича. Но к тому времени, когда третья династия склонялась к закату, Ур

уже был наполнен великолепными памятниками, свидетельствовавшими о богатстве и благочестии его царей.

Вполне естественно, что именно эти памятники в первую очередь подверглись уничтожению, когда враги-чужеземцы разгромили Ибисина, последнего потомка Урнамму. За исключением зиккурата, от построек третьей династии не осталось почти ни одного здания, стены которого возвышались бы над поверхностью земли. А когда пришло время и храмы вновь начали восстанавливать, строители просто срыли остатки древних сооружений и возвели на их месте новые. Поэтому лишь глубоко в фундаментах зданий мы еще находим кирпичи с оттисками имен царей третьей династии.

Надписи рассказывают нам, что Урнамму воздвиг стены Ура «подобные желтой горе». В то время город представлял собою в плане неправильный овал длиной около одного километра при ширине до семисот метров. Его окружала стена с крутым внешним откосом из кирпича-сырца. По сути дела нижняя часть откоса представляла собой облицованный кирпичом склон холма, образовавшегося в результате наложения древних развалин города. Зато верхняя часть поднималась над уровнем развалин и служила прочной платформой шириной от двадцати трех до тридцати двух метров и высотой до восьми метров по внешнему склону, в то время как внутренний край платформы возвышался над уровнем города всего на полтора метра. На этом укрепленном откосе стояла крепостная стена из обожженного кирпича. Там, где откос сужался, шла просто стена с нависающим выступом впереди и площадкой для прохода воинов позади; там же, где откос расширялся, на нем некогда стояли храмы или другие общественные здания. Вероятно, они входили в систему защиты города. Их внешние стены смыкались с крепостной стеной, а крыши служили боевыми башнями. Это и без того могучее укрепление еще больше усиливало то обстоятельство, что воды Евфрата, судя по его древнему руслу, некогда омывали подножие западного откоса. Кроме того, в ста пятидесяти метрах вдоль подножия восточного откоса тянулся широкий канал, отходивший от реки чуть выше северной оконечности города. Таким образом, Ур с трех сторон окружала вода, и лишь с юга к нему можно было приблизиться по суше.

Это колоссальное сооружение должно было казаться

его строителям поистине неприступным. И все-таки город пал. Опиравшийся на всю массу холма откос победители, разумеется, не могли уничтожить. Поэтому, несмотря на разрушительную работу воды и ветра, мы почти всегда находим хотя бы нижние ряды подпорной облицовки. А вот стена Урнамму исчезла бесследно. Кое-где в поздних строениях мы встречаем очень большие кирпичи особой формы с оттисками царского имени и титулов, но ни одного такого кирпича на месте не осталось. Именно потому, что оборона Ура была так сильна, победоносный враг постарался уничтожить все городские укрепления, не оставив буквально камня на камне.

Судьба зиккурата была иной. Среди всех огромных ступенчатых башен, столь характерных для городов Шумера, лучше всего сохранился именно зиккурат Ура, большая часть которого была построена Урнамму. Здесь необходимо сделать несколько пояснений.

Зиккурат представляет собой типичный памятник шумерийской архитектуры. Он возник в древнейшие времена и был известен еще племенам медно-каменного века эль-обейдского периода. Как мы уже говорили, народ Эль-Обейда поддерживал культурные связи с Эламом. Строением черепов люди Эль-Обейда походят на так называемый кавказский тип человека. Все это позволяет предположить, что племена Эль-Обейда пришли в долину Евфрата с востока, т. е. из горной страны. Как и у всех горцев, представление о святилище у них должно было, естественно, связываться с каким-либо возвышенным местом. В самом деле, шумерийские боги чаще всего изображались на горах, да и в соответствии с текстами они должны пребывать «на местах возвышенных», «в горных». Переселившись же в Нижнюю Месопотамию, вчерашние горцы очутились на плоской равнине, где нет даже холмика, на котором можно было бы помолиться богам. И тогда они искусственно восполнили этот недостаток природы. Здесь даже частные дома приходилось строить повыше, на искусственных платформах, чтобы уберечься от ежегодных разливов. Отсюда разрешение религиозных затруднений вытекало само собой. Просто для храма нужно было возвести платформу повыше.

И вот в каждом городе, который был достаточно многолоден, возводятся такие возвышенные места. Башни поднимаются ступенями к небу. Вокруг них теснятся

главные святилища городских богов. Вместо камня сложены они из кирпича, вместо извести скреплены смолой (битумом). Такие башни с храмами называли «Небесным холмом» или «Горою бога». Это и был зиккурат.

Наибольшую известность получил крупнейший из зиккуратов всех времен, зиккурат Вавилона, или, согласно библейской традиции, Вавилонская башня. Александр Великий разрушил ее до основания, оставив лишь фундамент, судя по которому Вавилонская башня была копией построенного также Урнамму зиккурата Ура, лишь незначительно крупнее его. Место зиккурата в городе Уре было определено древней традицией. Я уже говорил о зиккуратах Джемдет Насра и раннединастического периода. Урнамму воздвиг свое святилище на древних развалинах, очевидно включив уцелевшие части старых построек в новое сооружение. Место это находилось в западном углу теменоса, который назывался Эгишнунгал, или священный квартал города. Царь перестроил внешнюю стену теменоса, игравшую роль второй линии обороны Ура. Хотя от нее уцелело немного, однако мы сумели установить ее очертания и нашли достаточно подтверждений, что построил ее действительно Урнамму.

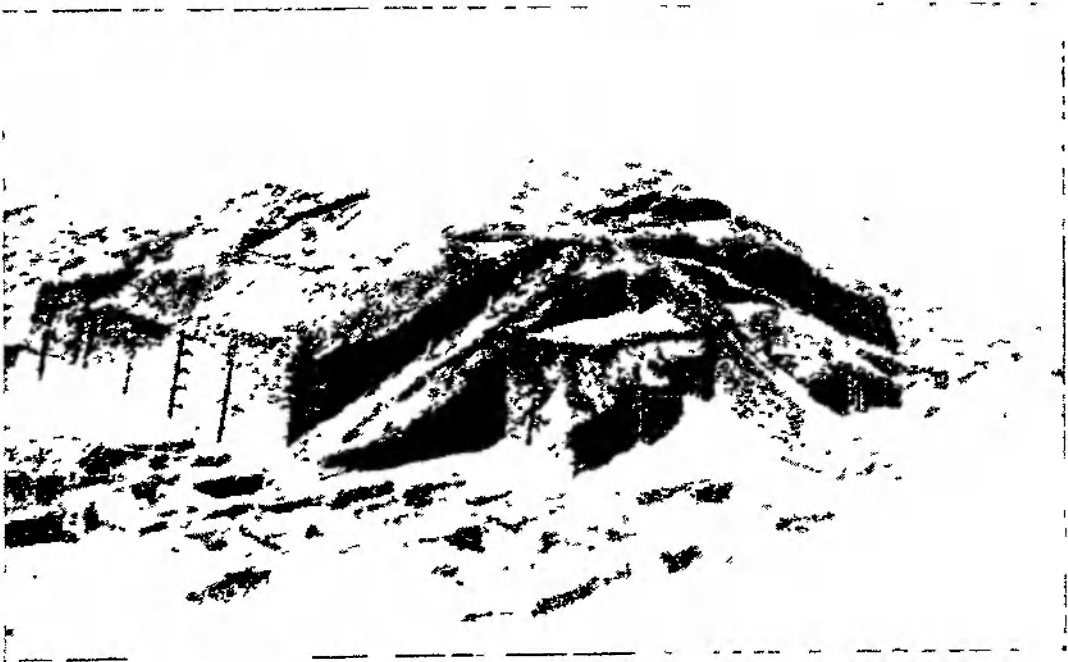
Священный квартал в целом обычно посвящали богу луны Нанна и его супруге Нингал. Во всяком случае в Уре это было именно так. Отгиски на кирпичах Урнамму ясно говорят о том, что теменос построен им для Нингал, в то время как другие надписи третьей династии посвящают его Нанна. По-видимому, в священном квартале почитали оба божества. При этом северо-восточный его угол, так называемый Этеменнигуру, был личным владением бога луны Нанна. В западном углу возвышалась терраса, на которой стоял зиккурат, а напротив него, занимая примерно две трети террасы и далее к северо-востоку вплоть до внешней стены священного квартала, простирался «великий двор Нанна». Он лежал довольно низко, кое-где даже ниже общего уровня теменоса, и, очевидно, соединялся с террасой ступенями, поскольку терраса примерно на метр возвышалась над всем священным кварталом. Ступени вели к монументальным воротам в стене, окружавшей террасу. Сложенная из кирпича-сырца стена была двойной, с междустенными помещениями. Большая часть стены исчезла, и лишь на северо-западной стороне сохранилась часть этого сооружения,

до сих пор достигающая около двух метров высоты. Кладка из кирпича-сырца примыкает непосредственно к древней стене террасы времен первой династии. Фасад ее отклоняется назад под углом до 35°. Он укреплен мелкими контрфорсами шириной пять метров при глубине около тридцати сантиметров. Впрочем, эти контрфорсы играли скорее не конструктивную, а чисто декоративную роль, ибо вряд ли они могли хоть как-то усиливать стену.

Фасад стены был заглажен штукатуркой из глины, большая часть которой осыпалась, а остальное мы вскоре сбили сами. Под нею нас ожидало поистине волнующее открытие. В глиняном скрепляющем растворе между слоями кирпичей, через равные промежутки примерно в шестьдесят сантиметров торчали маленькие круглые головки глиняных «гвоздей». Это были «конусы закладки». На них вытеснены надписи: «Для Нанна могучего небесного быка, славнейшего из сынов Энкиля, своего владыки Урнамму могучий муж, царь Ура, воздвиг сей храм Этеменнигуру».

Подобные конусы достаточно известны по музейным экспозициям, но здесь мы впервые нашли их на месте, там, где их оставили строители четыре тысячи лет назад. Тот факт, что мы обнаружили «конусы закладки» на месте, бесспорно имеет большое научное значение. Теперь мы могли не только сказать, что такой-то царь построил такое-то здание, но и точно определить, какое здание мы раскапываем и когда оно было воздвигнуто. И в то же время нас охватывал совсем не научный трепет, когда мы думали о том, что даже жители Ура не видели этих ровных рядов кремовых шляпок после того, как стену террасы достроили и заштукатурили.

Раскопки на самом зиккурате оказались невероятно сложными. В середине прошлого столетия Британский музей поручил английскому консулу в Басре Д. Е. Тейлору обследовать ряд древних поселений Южной Месопотамии и, в частности, посетить Ур, доступ к которому в те дни был затруднителен и даже опасен. В Уре Тейлора поразили размеры одного холма, превосходившего по высоте все прочие развалины. Он справедливо решил, что это и есть зиккурат, и начал раскапывать его с вершины, врезаая в толщу кирпичной кладки по четырем углам сооружения. Полевая археология тогда еще не вышла из пеленок, и исследователи старались лишь получить поболь-



Развалины зиккурата Урнамму



ше музейных редкостей, не думая о сохранности здания. Поэтому Тейлор нанес величайшему архитектурному памятнику Ура повреждения, которые нам теперь придется оплакивать. Но, с другой стороны, ему удалось добиться своего. Он по крайней мере доказал, насколько важно это место. Проведенные здесь позднейшие раскопки вознаградили нас сторицей.

В кирпичной кладке по углам верхней башенной площадки Тейлор нашел цилиндры из обожженной глины с длинными надписями, рассказывающими историю этого сооружения. Тексты 550-х годов до н. э. относятся ко временам правления Набонида, последнего царя Вавилона. Они повествуют о том, что башня, заложенная Урнамму и его сыном Шульги, осталась недостроенной. Ни один из позднейших царей не довел дело до конца, и лишь Набонид восстановил зиккурат и завершил его сооружение. Эти надписи не только дали нам первые сведения о самом зиккурате, но одновременно позволили установить, что этот город, который арабы называют аль-Муккайир, «Смоляной холм», в действительности был Уром халдеев, библейской прародиной Авраама.

Тейлор со своими раскопками продвинулся недалеко. В те дни на севере Месопотамии Роулинсон откопал колоссальных быков с человеческими головами и изображениями панели, которые ныне украшают Британский музей. По сравнению с подобными открытиями черепки и обломки — единственная награда археолога в Южной Месопотамии — остались незамеченными, и никто их не смог оценить. Поэтому раскопки в Уре были приостановлены. Лишь к концу столетия американская экспедиция принялась раскапывать вершину холма и сумела обнажить часть кирпичной кладки. Затем бесплодный с виду участок был снова покинут. Верхняя часть зиккурата оказалась предоставленной на милость стихий и арабов, добывавших здесь обломки готового кирпича для своих построек. Когда английские войска в 1915 г. дошли до аль-Муккайира, здесь осталась лишь куча битого кирпича на вершине огромного холма с покатыми, усыпанными щебнем и песком склонами, по которым можно было подняться верхом.

В 1919 г. доктор Г. Р. Холл приступил к настоящим раскопкам этого сооружения и очистил всю юго-восточную часть его до уровня мостовой террасы. Он обнару-

жил, что нижняя часть кирпичной облицовки, защищенная наваленным сверху щебнем, чудесно сохранилась. Стало очевидно, что работы, начатые Холлом, необходимо продолжить силами Объединенной экспедиции, и мы тотчас же приступили к раскопкам. Но подобную задачу невозможно было решать второпях.

Нужно было переместить огромное количество мусора и грунта, достигавшее нескольких тысяч тонн. И весь грунт приходилось сначала поднимать в маленьких корзинах, а затем отвозить по нашей легкой узкоколейке на такое расстояние, чтобы впоследствии он не мешал раскопкам. В этой массе битого кирпича и песка искать было нечего, поэтому, пока мы не добрались до уровня мостовой, наши чисто землекопные работы не требовали применения методики археологических раскопок. Лишь к концу сезона 1923/24 г. были обнаружены величественные здания, скрытые под наслоениями мусора на протяжении многих столетий.

Разумеется, нам еще предстояло немало дел с окружающими зданиями, но в отношении зиккурата я почему-то свято верил, что здесь все уже ясно, и, воспользовавшись любезной помощью мистера Ф. Дж. Ньютона, опытного археолога-архитектора, решил произвести на бумаге реконструкцию этого сооружения. Но она оказалась неправильной.

Поскольку из всех аналогичных зданий Ирака зиккурат Ура находился, по-видимому, в наилучшем состоянии, правительство справедливо заботилось о его сохранности. Так, мы получили инструкцию ни при каких условиях не передвигать уцелевшую на месте кирпичную кладку.

Цилиндры, найденные Тейлором, говорят о том, что Урнамму и его сын Шульги воздвигли ступенчатую башню и что Набонид восстановил ее и достроил. Но в записях ничего не говорится о работах, предпринятых другими царями.

Значительная часть обожженного кирпича отмечена печатью Урнамму. Так же отмечены и некоторые кирпичи Набонида. Однако на огромном количестве кирпичей нет никакого имени. Да и сами мы только начали раскопки в Уре, и нам приходилось многому учиться. В те дни гладкий кирпич был для нас всего лишь кирпичом, не более. Мы еще не умели по его пропорциям и размерам определять, к какому историческому периоду

его отнести. Поэтому, когда мы на вершине зиккурата очищали кирпичную кладку, которую нельзя было трогать (а оттиски-то в большинстве своем находились с другой стороны!), мы, естественно, предполагали, вернее, я предполагал, что та часть, которая построена не Набонидом, воздвигнута в эпоху третьей династии. Но когда мы приступили к реконструкции здания эпохи третьей династии, оказалось, что некоторые части кладки относятся к совершенно другому периоду. Позднее я, разумеется, понял всю преждевременность своей первой попытки, и мы начали изучать зиккурат заново. На сей раз мы опирались на приобретенный к тому времени опыт. Теперь мы хорошо знали кирпичную кладку Шумера и Вавилона и могли четко отличить сооружения времен Урнамму от других. К 1933 г. нам удалось создать новый вариант реконструкции зиккурата, который в основных чертах отвечает действительности.

По форме зиккурат представлял собой трехступенчатую пирамиду. Это монолитное сооружение. Основа его была сложена из кирпича-сырца. (Внутри кладки, по видимому, остались развалины зиккурата первой династии.) Снаружи здание было облицовано обожженным кирпичом, скрепленным битумным раствором. Облицовка достигает толщины около двух с половиной метров. Нижний, единственный хорошо сохранившийся этаж занимает в основании площадь немногим более шестидесяти метров в длину на сорок шесть метров в ширину и достигает пятнадцати метров в высоту. На него опирались верхние этажи, каждый из которых был меньше нижнего, так что стояли они как бы на обширных террасах с более широкими проходами вдоль продольных стен и более узкими вдоль поперечных. На самом верхнем этаже был расположен небольшой (святая святых города Ура), однокомнатный храм-алтарь бога луны, для которого, собственно говоря, и было воздвигнуто все это огромное сооружение.

Стены первой террасы с трех сторон были гладкими, а на северо-восточной стороне, напротив храма Нанна, имелся ход наверх в виде трех кирпичных лестниц по ступеням каждая. Одна была расположена под прямым углом к зданию, а две другие шли вдоль стен. Все три лестницы сходились в больших воротах на высоте между первой и второй террасами. Отсюда лестничный пролет

вел наверх ко второй террасе и к воротам храма. Боковые лестницы позволяли спуститься на все террасы в обе стороны от главной. В углах, образованных тремя нижними большими лестницами, стояли массивные крепостные башни с плоскими кровлями.

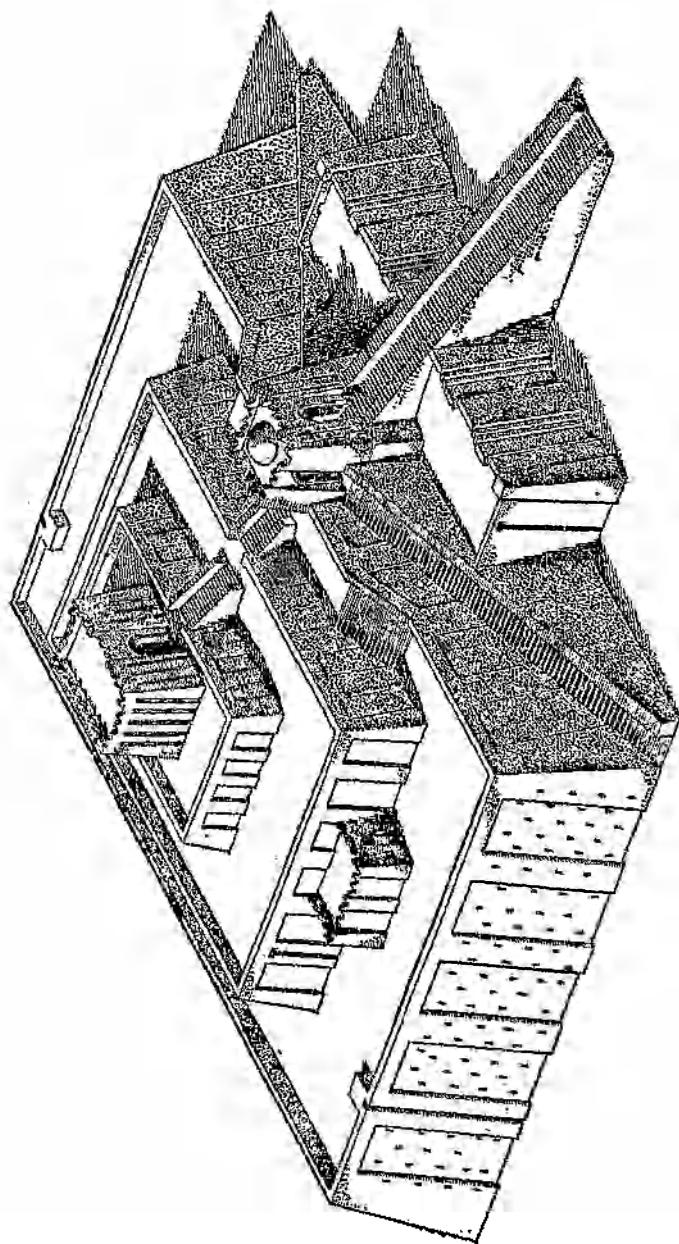
Когда мы начали составлять план и измерять стены зиккурата, неожиданно оказалось, что измерения почему-то не совпадают. Лишь впоследствии мы обнаружили, что во всем здании нет ни одной прямой линии! То, что мы принимали за прямые, были в действительности тщательно рассчитанные кривые. Стены не просто наклонены внутрь: линия от вершины до земли слегка выпуклая. И линия от угла к углу в плане тоже заметно выдвигается вперед, так что если смотреть вдоль стены, видишь не дальше ее середины. Древний зодчий воспользовался законом оптической иллюзии, который много столетий спустя с блеском применили греческие строители афинского Парфенона. Искривления очень незначительны, почти незаметны, но в то же время вполне достаточны, чтобы создать впечатление мощи там, где прямая линия по контрасту с массой всего здания казалась бы слабой и даже неровной. Умение пользоваться подобными тонкостями свидетельствует о высоком искусстве строителей XXII в. до н. э.

И в самом деле, очертания этого здания — настоящий шедевр! Насколько проще было бы поставить друг на друга кирпичные прямоугольники, и все! Но тогда здание выглядело бы уродливым и неустойчивым. Вместо этого строители тщательно рассчитали высоту различных этажей и придали стенам такой наклон, чтобы взгляд сразу обращался вверх и к центру сооружения. Более острые линии тройной лестницы подчеркивают наклон стен и, пересекая горизонтальные плоскости террас, привлекают внимание к расположенному на вершине храма, этому религиозному фокусу всего здания.

Всякий, кто хоть раз видел зиккурат, наверняка заметил высокие и узкие прорезы в кирпичной кладке стен. Они расположены в несколько рядов на равных расстояниях друг от друга. Прорезы уходят глубоко в толщу основы из кирпича-сырца. Снаружи, там, где они идут через облицовку из обожженного кирпича, прорезы ничем не заполнены, а глубже — засыпаны глиняными черепками. Это «дренажные отверстия», предназначенные для

осушения внутренней части сооружения. Такая предосторожность оправдана, ибо если кирпич-сырец разбухнет, он может выпучить, а то и совсем развалить внешние стены. Назначение этих отверстий казалось так очевидно, что долгое время мы удовлетворялись таким вполне правдоподобным объяснением. Но затем возник ряд трудностей. Например, каким образом сырость проникала в основу здания? Во время его постройки? Вряд ли. Конечно, в глиняном растворе, на котором укладывали кирпич-сырец, было достаточно влаги. Однако при огромной площади работ вся она должна была испариться. К тому времени, когда строители начинали укладывать следующий слой кирпичей, предыдущий очевидно уже полностью высыхал. Таким образом внешние стены могли скорее ввалиться внутрь, чем выпучиться наружу. Правда, в Месопотамии нередки проливные дожди, но к периоду третьей династии террасы обычно уже вымащивали обожженным кирпичом на битумном растворе. Такая вымостка выкладывалась в два, три, а то и в пять слоев, так что вода никак не могла просочиться сквозь нее и повредить нижнюю кладку. Если на зиккурате существовала подобная вымостка, осушительные отверстия были явно лишними. А если вымостки не было, то почему? И далее. На каждом краю башни в кирпичной кладке одного из контрфорсов проделан глубокий паз, начинающийся вверху и заканчивающийся у самой земли особым устройством, которое в строительной технике называется «фартуком». Он представляет собой кирпичный откос, покрытый для водонепроницаемости битумом и рассчитанный таким образом, чтобы падающая сверху вода бесшумно и без брызг стекала вниз. Следовательно, на террасе была вода.

У входа в одну из комнат более позднего времени, расположенных у задней стены башни, мы нашли большую диоритовую плиту с надписью Набонида. В ней царь сообщает, что он восстановил здание и очистил «Гигпарку» от завала ветвей. Когда раскопки продвинулись дальше, нам удалось установить, что «Гигпарку» представлял собой часть храмового ансамбля, посвященного богине луны. Располагался он вплотную к юго-восточной стене зиккурата. Каким же образом это здание оказалось заваленным ветвями? Деревья могли расти и в самом Гигпарку, но поскольку большая часть здания была крытой,



Реконструкция занкурата Урнамму

это мало вероятно. Единственным местом, откуда ветви могли сюда падать, остается зиккурат.

Этим и объясняется необходимость дренажных отверстий. Террасы ступенчатой башни Урнамму не были покрыты кирпичной кладкой. На них лежала земля, на которой росли деревья. Длинные водостоки в контрфорсах, очевидно, предназначались для отвода дождевых потоков, но одновременно они могли служить и для орошения террас. Именно вследствие необходимости орошения в основу здания проникала влага, и ее удаляли через дренажные отверстия. Вода, которой поливали деревья, просачивалась сквозь почву, увлажняла необожженные кирпичи, и если бы влагу не отводили, она могла бы серьезно угрожать всему зданию.

Если представить себе эти террасы, сплошь поросшие деревьями, эти зеленые висячие сады, то тогда мы ясно поймем, откуда происходит первоначальное представление о зиккурате, как о горé бога. Тогда станет совершенно очевидно, насколько естественнее и гармоничнее были именно наклонные стены террас, вздымавшиеся ввысь, подобно голым склонам какой-нибудь поросшей ельником скалы, чем безупречно вертикальные стены человеческого жилища.

Нижний этаж сохранился до наших дней целиком. Верхушка стены, правда, выветрилась, но зато у основания второй террасы сохранились фрагменты вымостки, и этого вполне достаточно, чтобы, отправляясь от них, рассчитать истинную высоту нижнего этажа. Остатки второй террасы позволяют определить ее очертания. От третьей сохранилась лишь нижняя часть основы из кирпича-сырца без облицовки. По ней можно установить размеры третьей террасы и примерную высоту второй. Из трех больших лестниц на двух, примыкающих к стенам зиккурата, уцелела значительная часть ступеней из обожженного кирпича. Впрочем, это не древние ступени: их восстановил Набонид в VI в. до н. э. Центральная лестница пострадала гораздо больше. Все ее ступеньки исчезли, но прочная основа пролета все же сохранилась, хотя облицовка ее исчезла. Надвратная башня, где сходились три лестницы, явно реставрирована. Она была разрушена почти до основания, так что от нее остались одни массивные опоры. Правда, четверо ворот башни, угловые опоры которых еще можно было различить, позволили

точно восстановить ее план, а что касается арки между пилонами с нишами, то она похожа на первоначальную. Мы знаем, что во времена третьей династии круглая (настоящая) арка была уже известна. Об этом свидетельствует небольшой крытый водоем, построенный на террасе зиккурата в царствование Урнамму, т. е. одновременно с предполагаемым куполом башни. Мы нашли начало пролета, ведущего на вторую террасу, и часть ступеней, по которым можно спуститься на первую террасу. Храм на вершине и верхняя часть лестницы, которая к нему вела, также, по-видимому, реставрированы. Все здание совершенно симметрично, за одним исключением. На юго-восточной стороне нижней террасы стояло небольшое строение, примыкавшее к стене второй террасы. На северо-западной стороне такого строения нет. От этой пристройки сохранилось очень немного. Мы знаем только, что она существовала и что вход в нее был с юго-запада. Но в ее развалинах нам не удалось найти ни одного предмета, который бы мог объяснить назначение этого сооружения. Мне кажется, что здесь был храм богини Нингал. Храм Нанна находился на вершине посвященного ему зиккурата; вполне возможно, что его супруга, весьма почитаемая в Уре, тоже была помещена на гору бога, но только двумя этажами ниже.

Восстановление формы зиккурата было одним из важнейших результатов нашей работы. Теперь мы ясно представляли себе облик главного сооружения города, а это в свою очередь помогало нам разрешать всевозможные затруднения в других местах, где встречались аналогичные здания. Так, например, от зиккурата Вавилона остался один фундамент. Но поскольку он отличается от плана зиккурата в Уре лишь несколькими большими размерами и поскольку его тоже строил Урнамму, мы можем с уверенностью судить о его высоте и пропорциях. Чтобы представить себе Вавилонскую башню, достаточно вспомнить зиккурат Ура. Легенда древних евреев говорит об этой башне, как о колоссальном сооружении, вершина которого якобы достигала небес. Наверное, такое же впечатление производил и зиккурат Ура, господствовавший над всем городом. Таким он оставался в воображении и памяти всех, кто жил там. Когда Иакову в Бетеле якобы приснилась ведущая на небо лестница с поднимающимися и спускающимися по ней ангелами, он просто бес-



сознательно пересказал то, что слышал от своего прадеда о великой башне Ура. Там лестница тоже вела на «Небеса», именно так и назывался храм Нанна, и там жрецы по праздникам торжественно сносили вниз по лестнице и поднимали обратно статую бога, чтобы год был урожайным, чтобы приумножались стада и не оскудевал род человеческий.

К северо-западу от зиккурата, между ним и стеной, окружавшей платформу, стояло неоднократно восстанавливаемое различными правителями здание. Фундамент его восходит к царствованию Урнамму, но от древнего строения осталось весьма немного. Несмотря на это, можно представить себе облик здания, пользуясь более поздними реконструкциями. Оно поразительно напоминает такое же здание, построенное на этом месте в эпоху первой династии. И назначение его бесспорно было таким же. Это все та же «кухня», где готовили «трапезу для бога». За ним находилось небольшое помещение в толще стены террасы. Судя по необычайно толстым стенкам, оно было довольно высоким. В одной из его комнат сохранилась ниша: по-видимому, здесь находилась часовня. Мы назвали ее «часовней Нанна», — возможно, так оно и было на самом деле. Она находилась рядом с «кухней», и сюда, очевидно, приносили «трапезу бога», которая после соответствующих обрядов переходила к его жрецам.

Сделанное вскоре открытие фактически полностью подтвердило наше предположение. В задней стене «кухни» и в самом углу одной из примыкающих к ней комнат мы вновь нашли в кирпичных нишах большие медные цилиндры с надписями. На трех цилиндрах стояло имя Нурадада, царя Ларсы (1750 г. до н. э.), а на четвертом — имя Мардукнадинаха, царя Вавилона (1100 г. до н. э.). Если не считать различия в именах, тексты на цилиндрах совершенно идентичны. В них говорится о «большом горшке для варки» и о приготовлении пищи для «вечерней и утренней трапезы» бога. Очевидно, Нурадад восстановил построенное Урнамму здание и соответствующим образом увековечил это деяние. Столетия спустя то же самое сделал и вавилонский царь. Он нашел четыре цилиндра Нурадада, три оставил на месте, а четвертый заменил точно таким же, но со своим именем.

Мы не знаем, существовала ли во времена третьей династии к юго-востоку от зиккурата вторая кухня, которая

была здесь в эпоху первой династии. Установить это трудно, потому что сохранился только единственный незначительный кусок стены времен Урнамму. Позднее на этом месте стояла не кухня, а настоящий храм богини луны Нингал. Мы только знаем, что и во времена Урнамму здесь наверняка было какое-то строение. По-видимому, оно обусловило угол наклона водостока зиккурата. Мы нашли здесь водоем, первоначально построенный Урнамму, который восстанавливали все последующие правители, и построенную им же цистерну из четырех отделений, выложенную обожженным кирпичом на битуме. Возможно, что перед зиккуратом тоже стояли здания, но от них также почти ничего не осталось. Поэтому мы даже не пытались производить реконструкцию исчезнувших строений, хотя и знали, что по бокам центральной лестницы зиккурата Урнамму в Уруке стояли два храма и что такие же храмы в позднеавилонский период существовали в самом Уре. Дело в том, что здесь мы столкнулись с совершенно непонятной находкой, которая все запутала. В мостовой террасы мы обнаружили тщательно сделанное правильное прямоугольное углубление размером четыре с половиной метра на три с четвертью, при глубине девятно сантиметров. Пол был вымощен тремя слоями больших необтесанных известняковых блоков. Углубление до самого верха заполнено очень чистой красноватой пережженной землей. Под углублением не оказалось ничего, что могло бы его объяснить. По-видимому, разгадку надо было искать над ним. Очевидно, над этим фундаментом стояло какое-то строение, должно быть, такое же прямоугольное и, судя по рыхлости пережженной земли, не очень тяжелое. По размерам оно больше всего походит на алтарь. Да и стояло это сооружение как раз там, где находился алтарь храма позднеавилонского периода. Шумерийские тексты придают большое ритуальное значение пережженной земле: ее считали совершенно необходимой при закладке фундаментов религиозных сооружений. Такую же параллель можно отыскать и у древних евреев, которые при закладке алтарей пользовались только необтесанным, необработанным камнем. А ведь при Урнамму в Шумере уже жили хабиру<sup>1</sup>. Воз-

<sup>1</sup> Хабиру — кочевые семитические племена, тождественные предкам евреев в широком смысле слова, т. е. изранльтянам, иудеям и другим родственным им племенам. — *Ред.*

можно, хотя и не доказано, что мы нашли именно фундамент алгаря, заложенный в соответствии с верованиями шумерийцев и древних евреев.

На этеменнигур, террасу зиккурата, мы проникли из священного квартала через единственные ворота в восточном углу. Над воротами стояла могучая башня, к которой снизу вел ряд ступеней. Урнамму строил эти ворота только как ворота, но затем, при последующих правителях, «Великие врата», как мы увидим, приобрели уже иное значение. Второй вход на террасу был в северо-восточной стене. Там тоже стояла массивная башня с воротами, к которым вела двойная лестница. По ней можно было пройти на большой двор Нанна, занимавший всю северо-западную часть священного квартала. Обширный открытый двор был вымощен кирпичом. В окружающих его стенах располагались многочисленные помещения, а против ворот на террасу такие же монументальные ворота вели в город.

Единственно интересной особенностью этого двора является похожее на алтарь кирпичное сооружение, стоявшее против входа на верхнюю террасу. Это была восстановленная копия меньшего по размерам «алтаря» эпохи предшествующей третьей династии. Надписи на найденных здесь глиняных табличках разъяснили нам назначение сооружения. Это был склад, где хранились приношения и дань богу Нанна. Арендаторы, обрабатывавшие храмовые поля, приносили сюда плату натурой: коров, овец, зерно и сыры, торговцы вносили десятину товарами, благочестивые горожане — добровольные жертвоприношения. Жрецы принимали дары, взвешивали их и выдавали расписки на глиняных табличках. Дубликаты расписок оставались в храмовом архиве. «Принятие даров» являлось далеко не последним источником доходов в хозяйстве Нанна.

Огромный двор с многочисленными кладовыми был так велик именно потому, что здесь производили все эти операции. От построенного Урнамму «большого склада» сохранилось очень немного. По жалким остаткам стен невозможно было бы даже представить, как он выглядел, если бы позднейшие цари не восстановили «склад», разрушенный захватчиками-эламитами. Правда, они сделали его еще обширнее, однако пропорции и очертания в основном оставили прежние.

Урнамму, по-видимому, не успел достроить «большой склад», который в числе многих других сооружений достраивал уже его сын Шульги. Когда к власти пришел внук Урнамму Амарсуена, основной комплекс был уже завершен и находился в хорошем состоянии, так что царю оставалось построить лишь второй «алтарь». А затем эламиты сравняли все с землей. И их действия можно понять. Огромные стены и плоские кровли междустенных помещений служили превосходной крепостью для обороняющихся. Для победоносных врагов разрушение подобных укреплений было необходимой предосторожностью.

Позднее, когда эламитские правители Исина и Ларсы решили, что их положение достаточно прочно, они восстановили в Уре даже это защитное сооружение. Большой двор был не только восстановлен, но и расширен за счет террасы зиккурата, от которой отрезали в глубину семь с половиной метров. Северо-восточную стену сделали еще толще да и надвратную башню, вероятно, возвели еще выше. Кроме того, юго-западная стена с проходом на зиккурат была украшена изнутри сложной системой примыкающих полуколонн с Т-образными нишами в нижней половине. Таким же способом были украшены и остальные три стены, но только снаружи, с фасада. Эти выложенные из кирпича полуколонны по цвету не отличались от стен, но благодаря изменяющейся глубине солнечных теней создавали эффектный декоративный рисунок. Украшения такого рода стали образцом для строителей храмов на многие столетия.

Первое обнаруженное нами свидетельство об этой перестройке относится ко временам правления Ишме-дагана, который стал царем Исина лет шестьдесят спустя после падения Ура. Следуя древней традиции, он сделал свою дочь Энаннатум верховной жрицей Нанна в Уре, и, разумеется, верховная жрица позаботилась о восстановлении своего храма. Ее имя мы нашли на кирпичях Большого двора<sup>2</sup>. Впрочем, возможно, что основные работы были сделаны и до нее другими правителями Исина.

---

<sup>2</sup> Сначала Энаннатум всюду с гордостью называла себя «дочерью Ишме-дагана, царя Шумера и Аккада». Но и после того как ее брат Липит-Иштар, унаследовавший трон Ишме-дагана, был разгромлен и власть перешла к Гунгунуму из Ларсы, Энаннатум сохранила свой сан. Только теперь она приносила дары уже «за жизнь Гунгунума, могучего мужа, царя Ура».

Многие цари Ларсы тоже оставили на Большом дворе следы своей деятельности и свои имена. Один из них, Синидиннам, перестроил все ту же северо-западную подпорную стену террасы зиккурата. Возведенная Урнамму стена с контрфорсами была из кирпича-сырца. Со временем она обветшала, и Синидиннам облицевал ее обожженным кирпичом, в точности сохранив все детали древнего сооружения.

Столетия спустя касситский царь Куригалзу прибавил еще один слой облицовки из обожженного кирпича, придерживаясь старых линий, но уже с меньшим наклоном. Во время раскопок мы обнаружили все три слоя различных эпох, расположенные один под другим, только здесь археологические пласты лежали не горизонтально, а вертикально.

Однако наиболее значительную работу на этом участке произвел один из последних царей династии Ларсы, Варадсин. Очевидно, на самом Большом дворе ему особенно нечего было делать, хотя мы и здесь нашли различные конусы закладки с именами Варадсина и его отца Кудурмабуга. Поэтому в основном Варадсин вел работы на примыкающей к Большому двору террасе. Здесь он многое изменил. К северо-западной стороне террасы он пристроил кирпичный бастион, занявший по ширине все пространство между стеной Большого двора и фасадом самого зиккурата. Это была огромная надвратная башня, через которую образовался новый проход на террасу зиккурата. Вся ее нижняя часть состоит из сплошной кирпичной кладки с проходом в середине и ступенями, ведущими к караульному помещению над воротами<sup>3</sup>. В середине кладки мы нашли на месте множество конусов закладки с надписями посвящения. Все конусы тщательно уложены рядами параллельно фасаду. Надписи гласят: «Во славу царственного светила Нанна, сияющего с ясных небес, которое внимлет мольбам и молитвам... я, Варадсин, благочестивый правитель... когда бог новолуния послал мне добрые предзнаменования, подарил мне взор жизни и повелел воздвигнуть сей храм и восстановить его обителище, во имя жизни моей и жизни

<sup>3</sup> В башне была одна лестница, соединявшая обе ее половины, вернее — два ее этажа. Таким образом, одно из помещений могло располагаться только над проходом, поскольку ниже прохода кладка была сплошной.



Глиняный цветок (гвоздь)



Мозаичная колонна

породившего меня отца моего Кудурмабуга построил для бога дом его, радость сердца Этеменнигур. Чудо и украшение земли, да стоит он вечно...»

И действительно, это было великолепное сооружение. Весь фасад его украшали полуколонны, расчлененные в нижней половине Т-образными желобами<sup>4</sup>. На углах перед портиком, по обеим сторонам нижнего пролета ведущих на террасу ступеней, стояли стройные колонны из кирпича-сырца особой формы. Снаружи кирпичи выступали треугольниками, так что получался рельеф, имитирующий рисунок пальмовых стволов. Мы были поражены этим открытием. До недавнего времени все специалисты утверждали, что колонны в архитектуре Месопотамии стали обычным элементом не ранее VI в. до н. э. Правда, мы нашли в Эль-Обейде храм первой династии с колоннами, и немецкие археологи обнаружили в Варке огромные колонны эпохи Джемдет Насра из кирпича-сырца. Но до сих пор все еще держалось мнение, будто позднее колонны вышли из употребления и в классический период Шумера и Вавилона не применялись. Поэтому находка колонн в надвратной башне Варадсина имеет особенно большое значение для истории архитектуры. А их обработка, имитирующая пальмовые стволы, — серьезный укор ученым. В самом деле, нельзя же забывать, что там, где растут пальмы, для изобретения колонн не требовалось ни долгих поисков, ни особой фантазии, — сама природа в таких странах давала строителям готовые естественные колонны!

Несколько лет спустя мы нашли другую колонну из специального кирпича-сырца среди развалин храма третьей династии. Таким образом, это «новшество» нельзя приписывать Варадсину: колонны были известны задолго до него. Слава шумерийцев, как превосходных зодчих, вполне обоснована.

Кудурмабуг и сын его Варадсин принимали участие в постройке еще одного сооружения. Речь идет о входе на террасу в восточном углу, о так называемом Дублалмахе, или «Доме табличек». Урнамму построил здесь обыкновенные входные ворота на террасу зиккурата и назвал их Кагалмах — «Великие ворота». Они были из

<sup>4</sup> По стилю постройка походит на описанные выше стены большого двора Ларского периода, но это вовсе не означает, что и то и другое было возведено одним человеком.

кирпича-сырца, и только пол замостили обожженным кирпичом на битуме. Первую перестройку предпринял внук Урнамму Амарсуена, но он не изменил основного назначения сооружения.

«Великие ворота» вели к участку, посвященному исключительно богу Нанна. Человек, поднявшийся по ступеням, оказывался на священной земле, и здесь естественно было бы установить изваяние бога, чтобы каждый мог ему поклониться, прежде чем войти в его святилище. Вспомним кстати древнейший обычай Востока: «в воротах сидит судья и вершит правосудие». Конечно, речь может идти и о городских воротах, но ворота святилища придавали произнесенному здесь приговору особый вес. Таким образом, «Великие ворота» одновременно были местом, где вершился суд, о чем рассказывает надпись на камне у порога. «Нанна, возлюбленному своему владыке. Дублалмах, огороженное место, где издревле ежедневные приношения складывались перед его божественным изображением, это его обиталище не было построено. Амарсуена... царь Ура, царь четырех стран света, построил ему Дублалмах, обиталище, чудо земли, место его судилища, гнездо его, из которого не уйдет враг Амарсуены. Он воздвиг этот дом для него, он завершил его, он украсил его серебром и золотом и лазуритом».

В действительности, Амарсуена снес ворота из кирпича-сырца, построенные его дедом, воздвиг новые, из прочного обожженного кирпича, и, очевидно, пристроил к ним открытый двор, «огороженное место», о котором упоминается в надписи. Он превратил ворота в настоящее святилище и зал суда.

Когда эламиты ворвались в Ур, они разрушили Дублалмах и увезли статую Нанна в свою столицу Аншан. Но как только власть перешла к исинской династии, ее цари принялись за восстановительные работы. Мы нашли два опорных камня с надписями Шуилишу, второго царя этой династии. В них говорится: «Шуилишу, могучий герой, царь Ура, когда он вернул Нанна в Ур из Аншана, построил для него Дублалмах, место его судилища».

На некоторых кирпичах в кладке стен мы обнаружили также имя второго преемника Шуилишу, царя Ишме-дагана. Далее, судя по печатям на кирпичах, какое-то участие в строительстве принимал Синидиннам из Ларсы. Последним же из царей Ларсы был Кудурмабуг.



Из всех этих царей основные изменения внес Ишмедаган, а остальные только продолжали его дело. Он обнес проход за надвратной башней стеною, так что ворота превратились в настоящий храм, а поскольку теперь нужно было сделать новый вход на платформу зиккурата, такой вход прорубили сквозь внешнюю стену напротив юго-восточной стороны Большого двора. Так возникло восстановленное в свое время Кудурмабугом сооружение, городское судилище и «Дом табличек».

Под вымосткой пристройки периода Ларсы к Дублаламаху мы нашли множество глиняных табличек из хозяйственного архива святилища Нанна. Эти таблички из необожженной глины были в крайне скверном состоянии. Многие разбились или смялись при падении с полок, а потом под влиянием сырости превратились просто в комок грязи, пропитанной солями. Нам пришлось извлекать таблички прямо с землей и предварительно обжигать в импровизированной печи: только после этого можно было приступить к их очистке. Но именно таким способом нам удалось спасти несколько сотен интересных документов эпохи третьей династии<sup>5</sup>.

Нанна называли царем Ура, и это не было просто формулой вежливости. Считалось, что город зависел от него в гораздо большей степени, чем от смертных его представителей на земле. Поэтому бог должен был иметь свой двор и своих министров. Он был крупнейшим землевладельцем, а потому нуждался в управляющих, чтобы следить за своими поместьями. Помимо верховного жреца и его помощников, мы знаем о существовании ключаря, регента хора, казначея, военного министра, министров юстиции, земледелия, домоуправляющего, инспектора жилищ, хранителя гарема, управляющего продовольственными складами, управляющего поденщиками, рыбаками и вьючным транспортом. Все они вершили свои дела в храмовых помещениях, поэтому и сам храм Нанна был не похож на классические храмы Греции или Рима. Это был огромный комплекс сооружений, состоявший из храма, дворца, правительственных учреждений, складов и мастерских. Некоторое представление о нем можно соста-

---

<sup>5</sup> Теперь это общепризнанный метод, но в 1924 г., когда мы нашли таблички, он был рискованным экспериментом. Единственное, что нас оправдывает, это ужасное состояние табличек и, пусть случайный, но все же успех.

вить по описанию его развалин. Описание дополняется надписями на табличках, разъяснившими нам назначение многочисленных дворов и комнат.

В качестве землевладельца бог получал десятину или ренту в виде части урожая. Деньги были тогда неизвестны, и все это выплачивалось натурой. А поскольку храм был одновременно крепостью, в его кладовых хранились огромные запасы продовольствия, необходимого не только для прокормления служителей бога, но и как резерв на случай войны. За все, что доставлялось в храм, выдавали расписки, небольшие таблички с точным обозначением дня и указанием, что такой-то доставил шесть фунтов лучшего масла, столько-то масла растительного, столько-то овец, скота и т. д. Каждый месяц составлялся общий баланс, в который все приношения каждого земледельца заносились параллельными столбцами под отдельными шапками-заголовками. Если земледельцы и пастухи выплачивали все продовольствием, то горожане рассчитывались иным способом. Сохранились расписки за всевозможные шкуры, за золото и серебро от ювелиров или за медь от кузнецов. В одной из комнат храма мы нашли плавильную печь, а в других помещениях — большие горшки, полные медного лома, и слитки металла, по-видимому, стандартного веса. Все это доказывает, что эти помещения играли роль хозяйственного отдела храма. Расходы Нанна отмечались так же тщательно, как и доходы. Такие записи прекрасно освещают жизнь того времени. Служители храма, разумеется, получали пищу из складов. Все их расписки о получении продуктов сохранялись в архиве. Каждому человеку выдавали строго определенное количество пищи: муки, растительного масла и т. д. За все это он или его слуги расписывались. Особый рацион предоставлялся в случае болезни: так, человек с головной болью мог получить дополнительно 125 граммов лучшего растительного масла.

Однако наибольший интерес представляют записи, относящиеся к производственным мастерским. К храму было приписано большое количество женщин. Все они работали в постоянных мастерских, расположенных в служебных помещениях храма. Тут же трудились рабы. Кроме того, ряд заказов передавали частным подрядчикам, имевшим небольшие мастерские за стенами священного квартала. Всем им выдавали сырье, поступавшее

в храм в качестве десятины, и платили за работу продовольствием.

Основным ремеслом, отраженным в табличках, которые мы нашли в тот сезон, было ткачество. В одном здании Экарзида работало 165 женщин и девочек. Мы нашли отчеты о том, сколько шерсти выдавали каждой работнице в месяц, квартал и год и сколько ткани они изготовляли. Так как каждый сорт ткани отличался от другого по качеству и по весу, делалась определенная скидка на потери. Плата (продуктами) соответствовала производительности. Так, пожилые женщины получали меньше молодых, которые хоть и ели больше, зато работать могли лучше. Например, если взрослым обычно давали два литра растительного масла в день, то дети различных возрастов получали один, три четверти или пол-литра. Старухи получали столько же, сколько самые маленькие дети, — тоже пол-литра. Для больных существовал особый рацион. Если работница умирала, ее имя все равно оставалось в списках до конца финансового года. Против него только ставили дату смерти и отметку о том, что выдачи прекращены или выдаются ее заместительнице.

Хотя вся эта система говорит о трезвой практичности, тем не менее такие записи не лишены драматизма. Они помогли нам представить многие подробности жизни за стенами храма.

Лет через семьдесят после смерти Кудурмабуга «Дом табличек» был снова разрушен, а затем снова восстановлен по несколько иному плану. Но здесь мы не будем касаться дальнейших превратностей судьбы этого здания, — к нему нам еще предстоит вернуться. Скажем только, что даже в XIV в. до н. э. Куригалзу называл его Дублалмах и в то же время — Кагалмах, «Великие ворота», «Древние ворота». Это означает, что ворота Урнамму сохраняли свое наименование на протяжении столетий.

Правители третьей династии строили много. Почти все храмы в Уре основаны кем-либо из них. Но в большинстве случаев от них почти ничего не сохранилось. Восстановление храмов считалось делом богоугодным, поэтому святилища постоянно и основательно ремонтировались, а многие поздние цари, дабы снискать милость богов, часто даже сносили древние храмы, чтобы затем отстроить их заново. Кроме того, город подвергался наше-

ствиям, а его памятники разрушению. Сначала, на закате третьей династии, здесь хозяйничали эламиты, затем — вавилонский царь Хаммураппи, затем, после восстания против вавилонского ига, — его сын Самсуилуна. Поэтому нет ничего удивительного в том, что от строений третьей династии осталось весьма немного. Да и то, что сохранилось, можно отличить лишь благодаря заботам позднейших правителей, которые благоговейно восстанавливали древние здания по первоначальным планам, возводя новые стены на старых фундаментах. Вот почему такие сооружения, как Энунмах и Эгипарку, я опишу в главе, посвященной тому периоду, к которому относится большая часть уцелевших от них развалин. Но наряду с этим были два исключения. К двум зданиям эпохи третьей династии не прикасались руки последующих поколений, и о них следует рассказать именно здесь.

Первое из них — Экурсаг. Это большое квадратное строение отличается от всех других сооружений священного квартала тем, что занимает как бы аппендикс, присоединенный к собственно теменосу с юго-восточной стороны. Возможно, здание существовало или по крайней мере было заложено до постройки стены теменоса при Урнамму, поэтому стену специально изогнули, чтобы включить здание в священный квартал. Но есть и другое, судя по плану фундамента, более вероятное предположение. Первоначально стена теменоса шла прямо, а этот придаток был сделан позднее, чтобы возвести здесь Экурсаг, здание, строго говоря, не относящееся к священному кварталу, но близко с ним связанное. Оно занимает квадрат площадью пятьдесят восемь метров на 190 и, как обычно, ориентировано углами по четырем сторонам света. Почти треть здания с северного угла разрушена до основания, однако план этой части тоже можно восстановить, и довольно точно.

Здание отчетливо разделяется на три части. Северо-западная, занимающая почти две трети общей площади, больше всего походит на храм с внешним и внутренним леолами. За двойной стеной среди маленьких комнатшек расположено помещение, соответствующее святилищу. С двух сторон к нему примыкают обычные для храмов кладовые. В двух юго-восточных кладовых есть проходы, ведущие к двум похожим, но не одинаковым комплексам помещений; они разделены стеной, и прямого сообщения

между ними нет. Каждый состоит из большой комнаты — открытого двора или зала с верхним освещением — и в одном случае из семи, а в другом — из девяти дополнительных комнат. Здание было одноэтажным. Построено оно превосходно: вся уцелевшая часть стен выложена из обожженного кирпича<sup>6</sup>, фасад внешних стен украшен плоскими контрфорсами, похожими на контрфорсы зиккурата, углы округлены. Все комнаты вымощены обожженным кирпичом на битуме, а пол двух помещений у юго-восточной стены так невероятно толст, что они возвышаются над общим уровнем, и туда ведут ступеньки в дверных проемах.

Если судить только по плану фундамента, можно подумать, что здесь был храм с примыкающими к нему жилищами двух жреческих семей. Однако ряд веских доказательств опровергает это предположение. Здание заложил Урнамму: на кирпичах кладки стоит его печать. Но, по-видимому, он умер, не завершив строительства, так как кирпичи пола помечены уже печатью его сына Шульги. Надпись Урнамму говорит о постройке храма Нанна и городской стены. Однако эти же кирпичи могли идти на сооружение любого здания в теменосе или даже за его стенами, поскольку в тексте говорится лишь о строительстве во славу бога. С другой стороны, на кирпичах Шульги, покрывающих мостовую, имеется следующая надпись: «Шульги, могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг Экурсаг, свой возлюбленный дом». Здесь нигде не упоминается имя бога. Вывод напрашивается сам собой: Экурсаг, «Горный дом», был в действительности царским дворцом.

Обычно принадлежность и характер шумерийских храмов определяются по трем признакам: по печатям на кирпичах, по надписям на опорных камнях дверей и по жертвам закладки.

Двери шумерийцев представляли собой деревянную панель, прикрепленную одной стороной к косяку, который был гораздо длиннее самой двери. Выступающий верхний конец его вставлялся в металлическое кольцо на притолоке, а нижний, обшитый металлом конец проходил сквозь отверстие в кирпичном полу и упирался в опорный ка-

---

<sup>6</sup> Возможно, конечно, что верхняя часть стен была сложена из кирпича-сырца, как в частных домах.

мень. Обычно это была глыба твердого привозного камня, известняка или диорита. В нем высверливали отверстие, куда входил косяк двери. Часть этого камня полировали и высекали на нем имя царя, построившего здание, и бога, которому оно посвящалось. Таким образом, опорные камни дают нам все необходимые сведения, но им не всегда можно верить. Дело в том, что привозной камень был очень дорог, поэтому старые опорные камни иногда переносили и устанавливали в других зданиях, к которым первоначальная надпись не имела никакого отношения. В Экурсаге все опорные камни остались на своих местах, но надписей на них не оказалось.

Жертвы закладки мы находили в углах строений. В стене выкладывали небольшие коробки из обожженного кирпича. Изнутри их выстилали циновками, а снаружи покрывали битумом для предохранения от влаги. В коробку ставили медную статуэтку царя, представленного в образе скромного рабочего с корзиной раствора на голове. У ног его клали каменную табличку в форме плоско-выпуклого кирпича. На табличке и на юбке царя делали надпись, содержащую царское имя и название храма. В двух уцелевших углах Экурсага мы нашли такие кирпичные коробки, однако на статуэтках и табличках надписи отсутствовали.

Опорные камни применялись, разумеется, во всех зданиях, но посвятельные надписи на них делали только в тех случаях, когда это было священное сооружение. Таким образом, опорные камни без надписей — явление достаточно обычное. С другой стороны, жертвы закладки со статуэтками и табличками мы до сих пор находили только в храмах. Экурсаг оказался исключением. Но тут зато не было обычных надписей с указанием царственного строителя и божества, которому посвящается храм. Здесь Урнамму отступил от общего правила. Должно быть, у него были на то веские основания.

Я думаю, мы сможем понять особенность этого здания, если вспомним, что царь был всего лишь наместником бога, истинного правителя города. Урнамму строил дворец для себя, но, поскольку он представлял Нанна, надпись на кирпичах осталась без изменений. По той же причине в здание замуровали традиционные жертвы закладки. Однако предназначалось оно не для бога, а для человека. Поэтому посвящение на жертвах закладки бы-

ло бы неуместно. В виде компромисса царь избрал статуэтки без надписей. Шульги был менее щепетилен и прямо назвал вещи своими именами. Так как царь представлял бога, то приемный зал его дворца должен был походить на храм, а самый дворец — примыкать к теменосу. Но так как царь одновременно был смертным человеком, его жилище не могло стоять на священной земле собственно теменоса. Исходя из всего этого, я считаю, что Экурсаг был дворцом царей третьей династии. В северо-западной части его размещался приемный зал, а в двух жилых половинах — с одной стороны сам царь, а с другой — его гарем. Это толкование объясняет и тот факт, что впоследствии здание было заброшено. Если бы это был храм, то через какое-то время его бы наверняка восстановили. Но царский дворец, по-видимому, особенно жестоко пострадавший от эламитов, вряд ли имело смысл восстанавливать, — во-первых, потому что никакая священная традиция к этому не обязывала, а во-вторых, потому что после нашествия эламитов в Уре не было царя, а следовательно, не нужен был и царский дворец.

Вторым уцелевшим сооружением третьей династии был царский мавзолей. Сразу же за теменосом, под юго-восточной стеной, подпирающей террасу, на которой стоял дворец, мы нашли погребения царей. Здесь же некогда располагалось и древнее царское кладбище. Очевидно, старая традиция была еще достаточно сильна. Немногочисленные погребения так называемой «второй династии» (об этом термине уже шла речь выше), а также могилы Саргонидов связывают во времени погребения царицы Шубад и царя Урнамму. Так или иначе, место для огромных гробниц царей третьей династии выбрали именно здесь.

Три усыпальницы соединены в один блок. Самая крупная находится в середине; на ее кирпичах стоит печать Шульги. С северо-востока к ней пристроена усыпальница поменьше, связанная с первой единственным проходом; в плане она почти такая же. С юго-запада к западному углу средней гробницы как-то нелепо примыкает третья, совершенно изолированная усыпальница. Ее план менее симметричен. Обе меньшие усыпальницы построены из кирпичей с именем сына Шульги — Амарсуены.

У нас нет убедительных доказательств, но, вероятнее всего, центральное сооружение было гробницей Урнамму,

воздвигнутой его сыном Шульги, северо-восточное — гробницей Шульги, воздвигнутой Амарсуеной, а юго-западное — гробницей Амарсуены, построенной его сыном Гимилсином из специально оставленных для этого Амарсуеной кирпичей.

Последовательность строительства не вызывает сомнений. Первым был сооружен мавзолей Урнамму, поскольку два остальных пристроены уже к нему. Точно так же несомненно, что строитель северо-восточной гробницы мог выбирать для нее место и выбрал наилучшее, в то время как строителю юго-западной гробницы выбирать уже было не из чего: он просто занял оставшийся участок. То, что Шульги построил этот мавзолей не для себя, совершенно очевидно, так как прежде чем возводить самое здание, нужно было заполнить подземную могилу. То же самое относится и к двум другим гробницам. Поэтому мы надеялись, что найдем на кирпичях юго-западного мавзолея третье имя, и были удивлены, обнаружив и здесь имя Амарсуены. Остается единственное объяснение: поскольку мавзолей не мог быть построен при жизни Амарсуены, — если только это действительно его мавзолей, — он приготовил строительный материал заранее.

До сих пор нигде в Месопотамии не находили ничего похожего на эти гробницы. Поэтому я опишу их подробнее. Впрочем, чтобы дать о них представление, достаточно рассказать об одном мавзолее Шульги.

Сооружение это состоит из двух частей. Сначала были построены нижние, подземные покои, а после того как их заполнили, над ними возвели наземное здание, которое занимает площадь тридцать восемь на двадцать шесть метров. Его стены выложены из обожженного кирпича на битумном растворе и достигают толщины не менее двух с половиной метров. Таким образом, это фактически одноэтажное здание было весьма внушительным. Стены, расчлененные снаружи плоскими контрфорсами, имеют заметный наклон внутрь, подобно стенам зиккурата. Сходство усугубляется еще и тем, что они тоже не прямые, а слегка выпуклые в плане и в вертикальном разрезе. Закругленные углы в сочетании с неожиданным уступом на юго-восточной стороне придают зданию, поистине удивительное сходство с памятниками романской архитектуры.



Вход на северо-восточной стороне обрамлен наклонными пилонами с Т-образными желобами. Коридор, где некогда был водосток, ведет на мощный открытый центральный двор. Вымостка понижается к середине двора, как черепицы на крыше, чтобы дождевая вода уходила вниз, в водосток из глиняных колец. Но здесь вместо водостока посреди двора стоит покрытый битумом глиняный бассейн для омовений. На двор выходят двери расположенных вокруг комнат. С трех сторон комнаты идут в один ряд, и лишь на северо-западной — есть второй ряд помещений сзади. В дверных проходах мы нашли среди древесной золы частицы золотой фольги: по-видимому, все двери были обшиты золотом. Между дверьми в юго-западной стене сохранились остатки кирпичного алтаря с битумными стоками спереди, — точно такой же алтарь оказался и еще в одной комнате, а у дверного косяка мы обнаружили кирпичный столб или пилон. Похожий пилон встретился нам в молельне одного частного дома периода Ларсы.

Большинство помещений не заслуживает подробного описания, однако в одной из комнат мы нашли на полу среди пепла кое-что интересное: каменные молотки со следами золота на рабочей поверхности. Очевидно, здесь грабители разбивали и плющили драгоценный металл. В двух комнатах сохранились фрагменты настенных украшений: довольно толстые полоски золота, врезанные в выпуклый орнамент. В щитообразные отверстия рисунка вставлены инкрустации из агата и лазурита. Еще в одной комнате остались маленькие звездочки и солнечные лучи из золота и лазурита. По-видимому, они упали с потолка. Во всяком случае ясно, что украшения комнат вполне удовлетворили аппетит грабителей. Даже оставшиеся украшения позволяют судить о былом великолепии ныне ободранных, голых стен.

В дверном проходе комнаты, которая нами условно обозначена четвертой, мы нашли осколки алебастровой вазы царя Шульги. В юго-восточной стене ее проделана дверь в гробницу Амарсуены. Интересно, что у нее нет косяков: очевидно, дверь не была предусмотрена по первоначальному плану, хотя не обнаружено признаков его изменений. Если этого прохода действительно первоначально не существовало, значит, те, кто его прорубил, весьма искусно заделали откосы, в точности воспроиз-

водя старую кирпичную кладку. В толще стены рядом с проходом оказалась низенькая комната со сводчатым потолком. Она несомненно принадлежала древнему зданию. Снаружи ее прикрывает тонкий слой кладки, поврежденный при позднейшей пристройке стен гробницы Амарсуены, а изнутри — такой же слой толщиной всего в один кирпич. Для того чтобы скрыть это, в углах проема дверей отбили каждый второй кирпич. Таким образом в новой стене исчезли промежутки в местах кладки. Подобный прием использован в мавзолее Шульги неоднократно. Возможно, что это помещение предназначалось для жертв закладки. Так или иначе, эламиты взломали его и ограбили. Когда мы до нее добрались, пролом был грубо замурован смешанными кирпичами, выступавшими за линию стены, а внутри лежали два скелета и глиняные горшки периода Ларсы. Наверное, какой-то горожанин того времени случайно нашел под своим домом эту камеру и воспользовался ею как погребальным склепом.

Из обнаруженных комнат наиболее интересной оказалась пятая. Весь ее северо-западный конец занят кирпичным возвышением, состоящим из трех частей: самый низкий уступ тянулся по юго-западной стене, невысокая платформа — вдоль северо-восточной стены, а самая высокая платформа — в западном углу. Задняя часть этой платформы разрушена грабителями, которые стремились проникнуть сквозь нее к расположенной внизу могиле, зато передняя сохранилась почти полностью. Кирпичная кладка возвышений покрыта битумом, кое-где на нем сохранились кусочки золотого листа. Значит, все они были позолочены. Сверху переднего уступа двумя рядами прорезаны шесть канавок, параллельных переднему краю. Начинаются они плоскими щелями, потом постепенно углубляются, затем сворачивают под прямым углом к краю и сбегают вниз прорезями на передней части возвышения, заканчиваясь шестью небольшими кирпичными вместилищами, расположенными в ряд на полу перед платформой. В этих отделениях мы нашли древесную золу. На низкой платформе в северном углу оказались остатки одной, а может быть, и двух таких же канавок, сбегавших в кирпичные резервуары.

Вдоль юго-восточной половины юго-западной стены и вдоль всей юго-восточной стены тянется низкая кирпич-

ная скамья или уступ, покрытый битумом. В нем тоже прорезаны длинные канавки, сбегающие к краю, обращенному ко входу в комнату. Но эти канавки заканчиваются не в кирпичных вместилищах, а в чашеобразных углублениях на верхней плоскости скамьи. Назначение этих канавок и стоков в западном углу достаточно ясно. Над каждой канавкой стояла наполненная благовонным маслом ваза с порами или с отверстием. Вытекая из вазы, масло сочилось по канавке и капало вниз на огонь, горевший в кирпичном резервуаре-очаге. Так благовония все время курились перед установленной сверху у самой стены статуей. Тексты, опубликованные профессором Лэнгдоном, подтверждают такое объяснение. В них верующий, описывая совершенное им жертвоприношение, говорит: «...семь сортов благоуханного масла... сжег я на семи огнях...»<sup>7</sup>.

Остатки аналогичных алтарей мы нашли еще в одной комнате и, как я уже говорил, на центральном дворе. Такие же алтари обнаружены и в сооружениях Амарсуены. Все они оказались разрушенными до основания. Очевидно, под ними были замурованы какие-то ценные предметы, и эламиты, хорошо знавшие, где следует искать сокровища, не оставили здесь ничего.

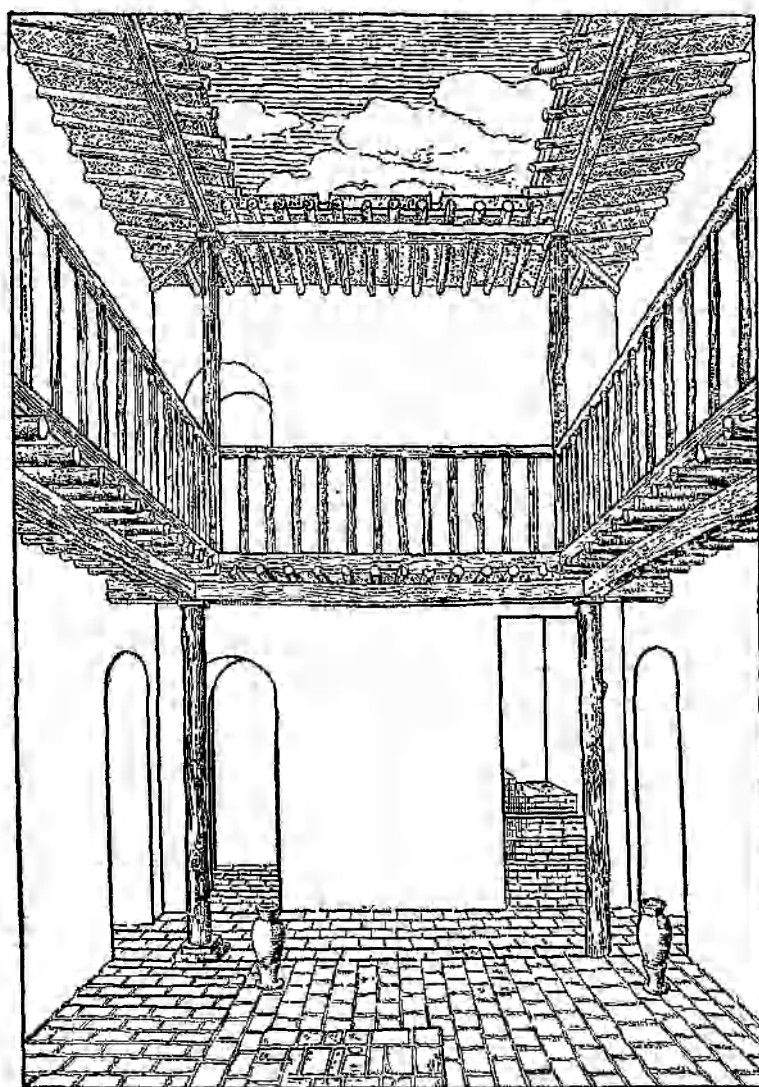
Длинные канавки на скамьях у стен, по-видимому, предназначались для возлияний, а высокие пьедесталы — для твердой пищи. Здесь, несомненно, была трапезная покойного царя. Когда жертвенный дым касался его ноздрей, он вкушал беспрепятственно подносимую ему еду и питье и насыщался. И вполне вероятно, что эта трапезная располагалась непосредственно над царской могилой.

Ряд ступеней вел от центрального двора к комнате, расположенной метра на два выше. Под ее толстым полом начинался спуск в могилу. Пол здесь был разбит. Грабители начали рыть ход вглубь, но вскоре остановились, поскольку их товарищи нашли более краткий путь к цели. Ниже пола земля была чистой и никем не потревоженной.

Массивные кирпичные стены уходили прямо вниз. Между двумя комнатами был тщательно заложённый кир-

---

<sup>7</sup> «Babylonian penitential psalms», Oxford edition of Sumerian Texts, vol. VI, p. 51.



Реконструкция частного дома (внутренний дворик)

пичами и замаскированный проход. Под полом кладка уже не была скрытой, и, наконец, мы нащупали в проходе, напротив входа в него, верхнюю ступеньку лестницы. Ниже лестница разветвлялась направо и налево, уходя вглубь. Теперь стены сжимали шахту, которую мы раскапывали, с северо-востока и с юго-запада, а над нами с обеих сторон нависали крутые высокие своды из кирпича и битума. Лестницы уходили в землю, заполнявшую все пространство под сводами. Некогда своды опирались на деревянные столбы, которые сейчас истлели бесследно. Мы боялись, что как только земля будет извлечена, кирпичи рухнут нам на головы. Работу пришлось прервать, чтобы как следует укрепить кладку. Для этого мы воспользовались старыми отверстиями для подпорок, поддерживавших в древности наклонные стропила. Понемногу расчищая землю и подставляя новые крепления, по мере того как работа продвигалась (а работа была очень опасной, потому что битумный раствор высох, потерял свои вяжущие свойства и кирпичи фактически не были ничем скреплены), мы, наконец, расчистили шахту и обнаружили замурованные кирпичом двери усыпальниц. Их было две. Северо-западная лестница кончалась на одном уровне с дверным проходом справа. За кирпичной кладкой в проходе еще несколько ступеней вели к сводчатой комнате десяти с половиной метров длиной. Она располагалась как раз под комнатами верхнего помещения. Юго-восточная лестница упиралась в замурованный проход напротив и вела к такой же сводчатой, но девятиметровой в длину усыпальнице. Обе усыпальницы были взломаны сверху, через пол верхних комнат, и кровли их находились в угрожающем состоянии. Поэтому, прежде чем приступить к дальнейшим исследованиям, нам пришлось провести дополнительные крепежные работы. Когда они были завершены, мы, как и ожидалось, обнаружили, что побывавшие здесь грабители поработали весьма основательно: нам остались лишь человеческие кости да глиняные черепки.

У этих усыпальниц была одна странная и даже, можно сказать, смешная особенность. Когда мы впервые проникли в них, нас поразили несуразные пропорции. Кости и черепки посуды лежали почти на уровне опор свода, — при всей своей длине комнаты были настолько низкими, что выпрямиться во весь рост здесь можно было

только на середине. Затем мы заметили, что лестница из дверного прохода ведет еще куда-то вниз. Мы проделали отверстие сквозь пол, состоявший из целого ряда слоев, и, наконец, дошли до обожженных кирпичей, поставленных на ребро, с незаполненными промежутками между ними. Лишь под вторым слоем этой странной кладки оказался настоящий, связанный со стенами пол усыпальницы из пяти слоев обожженного кирпича на битумном растворе.

Дело в том, что архитектор Шульги был слишком честолюбив. Он заложил усыпальницы слишком глубоко, чуть ли не на девять метров ниже поверхности. А ведь Евфрат омывал самые стены города! В результате, когда усыпальницами пришлось воспользоваться, они были затоплены грунтовыми водами, и тогда пришлось, жертвуя пропорциями, сделать пол на полтора-два метра выше. Поскольку время не ждало, это было, пожалуй, единственным выходом.

В мавзолее Шульги, так же как в обоих мавзолеях, сложенных из кирпичей Амарсуены, было по две усыпальницы. Одна из них, несомненно, предназначалась царю, а в другой лежало сразу несколько тел. Обе усыпальницы закрыли одновременно и впоследствии ни одну из них уже не вскрывали. Оба погребения были частями одного ритуала. Для меня совершенно ясно, что «могильные рвы» царского кладбища существовали и позже и что даже цари третьей династии Ура хоронили вместе с их приближенными. Этот обычай сохранялся долго, хотя клинописные тексты о нем и не упоминают. Таким образом, здесь, как и в древних царских гробницах, совершали сложную обрядовую церемонию, о которой мы можем судить по характеру самого здания.

Главным в этом сооружении были, конечно, могилы. Поэтому, несмотря на то что по плану они должны были заполняться впоследствии, их строили в первую очередь, вместе с наземными покоем: в окончательный вариант они входили лишь частично. Судя по упавшим развалинам, временное сооружение возводили главным образом над самыми могилами. Небольшие изменения в кладке стен шахты указывают, что даже это временное сооружение строилось не одновременно с могилами, а, по-видимому, только после похорон. Во всяком случае наличие этих сооружений свидетельствует о том, что

погребальные обряды продолжались значительное время после самого погребения.

Оба склепа были заполнены и входы в них замурованы одновременно, но лестницы оставались открытыми. Дверь в стене верхней надстройки позволяет предположить, что люди спускались по ним, чтобы совершать какие-то обряды перед замурованными усыпальницами или на средней площадке и на деревянных помостах, нависавших над входом в могилы. О том, что такие помосты существовали, свидетельствуют отверстия в стенах, сквозь которые проходили концы поддерживающих балок.

После этого возводили верхний этаж в том виде, в каком мы его нашли. Когда строительство было завершено и мощный пол поднялся выше уровня пола временного сооружения, вход в него замуровали, помосты над лестничным спуском разобрали, шахту засыпали землей и сверху тоже замостили. Именно на этом этапе погребения произошло драматическое событие. Постепенно извлекая землю из шахты, мы обнаружили, что в верхней части кладки, закрывавшей входы в обе усыпальницы, проделаны небольшие проломы, как раз такие, чтобы внутрь мог пролезть человек. Выломанные кирпичи валялись тут же, прикрытые чистой землей, принесенной для засыпки погребений. Значит, могилы были ограблены именно в тот момент, когда их должна были скрыть земля. Никто не решился бы это сделать, пока шахта была еще открыта, но если бы даже кто-либо и решился на подобное святотатство, кирпичи вряд ли остались бы на полу под незаделанными проломами. Очевидно, грабители улучили такой момент, когда земля, став неприкосновенной, должна была сразу же скрыть все следы преступления. Только этим можно объяснить их беззаботность.

Правителей третьей династии обожествляли при жизни и поклонялись им, как богам, после смерти. Таким образом, могила принимала смертное тело царя, временное сооружение под ней служило для совершения погребальных обрядов, а постоянный мавзолей — для вечного поклонения. С этой точки зрения и следует рассматривать его форму. Он не походит на храмы третьей династии, знакомые нам по многочисленным образцам. Скорее он напоминает частный дом. И это понятно. Мавзолей представлял собой обиталище божества, но при этом

учитывалось, что оно человеческого происхождения, точно так же как при жизни на земле никто не забывал о его божественной сущности. Смерть царя не означала перехода в ранг бога, а лишь переоценку его качеств. И хотя теперь приближенным приходилось служить ему уже по-иному, «храм» бога-царя в основном по-прежнему оставался его дворцом.

Юго-восточная часть мавзолея Амарсуены настолько точно повторяет, лишь в уменьшенном масштабе, мавзолей Шульги, что описывать его не стоит.

Северо-западный мавзолей отличается тем, что в нем нет комнат, выходящих на центральный двор с юго-востока, поскольку там стоит внешняя стена мавзолея Шульги, к которому он пристроен. Кроме того, здесь вместо двух усыпальниц — три. Однако все усыпальницы построены и заполнены тоже до постройки верхнего этажа.

В этом здании, как и в мавзолее Шульги, мы нашли таблички с надписями, относящимися к последним годам правления Ибисина, последнего царя из династии Урнамму, который был разбит и взят в плен эламитами. Таблички красноречиво свидетельствуют о том, кто разрушил гробницы. После такого разрушения это место было заброшено, и лишь спустя столетие, если не больше, уже в период Ларсы над развалинами мавзолеев построили частный дом. В те времена культ царей третьей династии уже угас окончательно.

Расчищая руины у северо-западной стены зиккурата, мы нашли два осколка известняка с рельефным изображением. Осколки эти играли роль опорных камней в дверях построенного позже дома. В ста сорока метрах далее, посреди двора перед Дублалмахом, нам попались другие осколки с рельефом. Они дополняли первые два. Наконец, среди развалин Энунмаха оказался еще один фрагмент, по-видимому, того же изображения. Все эти рассеянные на значительной площади осколки представляют собой большую часть стелы с закругленной верхушкой. Она достигала в высоту трех метров, при ширине в полтора метра. С двух сторон ее покрывают изображения и надписи, прославляющие деяния Урнамму. Несмотря на всю фрагментарность, эта стела остается одним из важнейших скульптурных памятников, обнаруженных нами в Уре. Насколько возможно, она была реставрирована в университетском музее Филадельфии.



Гладкие выступающие пояса делят обе стороны стелы на пять горизонтальных рядов, на которых изображены различные деяния царя. Верхний ряд на обеих сторонах одинаковый: Урнамму под символом бога луны поклоняется в одном краю ряда Нанна, а в другом — Нингал. От изображений богов сохранилась только нижняя часть сидящей фигуры Нингал, которая кормит грудью ребенка, возможно царского сына Шульги. Над двумя фигурами Урнамму парят ангелы с сосудами в руках, из которых на землю льется вода. На широкой полосе между рядами перечисляются названия каналов, приведенных по повелению царя вблизи Ура. Текст надписи объясняет изображение: Урнамму проложил каналы, однако воду и плодородие полям ниспослали боги.

Вторая сцена на стеле сохранилась лучше всех. По краям ряда сидят Нанна и Нингал. Урнамму, которого сопровождает его богиня-покровительница, совершает перед ними возлияния, наливая воду в вазу с плодами земли. В ответ на это Нанна протягивает ему измерительный жезл и свернутую кольцом веревку — рулетку зодчего. Тем самым он побуждает царя построить ему храм.

В следующем ряду царь выполняет повеление бога луны. От этого ряда уцелел один угол. Здесь позади сидящей фигуры Нанна, — его легко узнать по рогатому головному убору божества, — царь несет на плечах строительные инструменты: кирку, циркуль и корзину для раствора. Ему помогает обритый наголо жрец. Остальная часть ряда представлена жалкими осколками, но и на них мы видим на фоне кирпичной кладки людей на лестницах с корзинами раствора на плечах. Это строительство зиккурата. Перед нами изображенная мастером той эпохи картина закладки прекраснейшего сооружения, остатки которого мы раскопали в Уре.

Связь между жертвенным возлиянием царя и приказом бога разъясняется в надписи на глиняном посвятельном кирпиче закладки, который нам удалось найти. Надпись гласит: «Для Нанна, своего владыки, Урнамму, могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг храм Нанна... он спас растения в садах...» Смысл ясен: когда Нанна поселится в подобающем ему доме, тогда он обеспечит плодородие земли. На обломках рядов с другой стороны стелы изображены сцены: жертвоприношения, когда жрец вспарывает тушу быка, чтобы про-

честь предзнаменования по его печени; сцена военного триумфа: пленников со связанными за спиной руками подводят к сидящему богу; сценка, на которой барабанщики бьют в огромный барабан, очевидно, также праздную победу, и, наконец, сцена жертвоприношения, в которой роль бога, возможно, играет сам царь. Мы ведь знаем, что Урнамму был обожествлен после смерти, а может быть, еще и при жизни. Обычно, восхваляя шумерийских царей, говорили: «он почитал богов, он разбил своих недругов, он был справедлив к народу, и он прокладывал каналы». Три из этих благих деяний изображены на стеле. А где же четвертое?

Когда Нанна протягивает царю измерительный жезл и веревку, он, несомненно, повелевает строить ему храм, ибо это специальные инструменты зодчего. Но почему царь Вавилона Хаммурапи приказал высечь на камне над своими прославленными законами точно такую же группу? Там тоже бог протягивает царю жезл и веревку, но на сей раз ни о каком строительстве храма нет и речи. Дело в том, что эти предметы имеют два значения: прямое и символическое. Символически веревка означает правильную меру, а жезл — прямое, справедливое поведение. Именно таков был дух законов Хаммурапи, и Урнамму, помимо ясного повеления строить, принимал от бога и это второе символическое значение орудий зодчего. Таким образом, в стеле были отражены все обязанности царя.

Как я уже говорил, эта стела — важнейший памятник скульптуры из найденных нами в Уре. Ее историческое значение огромно, поскольку памятников третьей династии вообще ничтожно мало. Однако с художественной точки зрения она далеко не так совершенна, как мне казалось в первые, волнующие часы после ее находки. Стела превосходна по технике, но в ней нет ни капли вдохновения. За одно-два поколения до этого царь Лагаша Гудеа изготовил для себя такую же стелу с перечислением деяний и достоинств правителя. На ней изображены такие же эпизоды, да и выполнены они примерно так же.

Скульптор царя Урнамму был искусным резчиком по камню, однако он работал по традиционному шаблону и не смог создать ничего оригинального. Ур, столица всей страны, мог претендовать на самое лучшее. Никогда еще в Шумере не строили столь обширных зданий, сочетав-

ших массивную мощь с такой архитектурной утонченностью, какой смогли достичь лишь древние греки. Да и по богатству украшений с ним вряд ли мог соперничать хоть один храм предшествующих правителей Шумера. И тем не менее, если сравнить точную, но обычную по выполнению стелу Урнамму со свежей и изобретательной резьбой табличек из раковин с царского кладбища или, наоборот, тонкую, но вялую резьбу цилиндрических печатей времен Урнамму с живым и драматическим рисунком печатей Саргонидов, мы увидим, что в эпоху третьей династии искусство Шумера пришло к упадку.

## ГЛАВА VII

### ПЕРИОДЫ ИСИНА И ЛАРСЫ

Когда они\* пришли, вокруг все истребляя,  
Уничтожая всё, как яростный поток,  
За что, за что Шумер, тебе кара такая?  
Из храма изгнаны священные владыки,  
Разрушен город, алтари разбиты,  
И всей страной владеют эламиты.  
Смешалось все, — Энлилль так повелел.  
Нет благодати больше над страной,  
Свирепый Ану бурей налетел,  
Энлилль склонил свой взор к стране чужой,  
Бог Ибисилль насильно взял в Элам.

Так современный шумерийский поэт выражал скорбь, и в его жалобах не было преувеличений. Нет ни одного здания третьей династии, которое бы не носило следов яростного разгрома. Ур разрушили почти полностью, однако значение его было настолько велико, что все последующие цари Шумера и Аккада старались восстановить то или иное сооружение города. Сначала это были правители Исина, а затем свергнувшие их гегемонию правители Ларсы. А когда власть над страной захватил эламит Кудурмабуг и сделал царем своего сына Варадсина, этот чужестранец оказался самым деятельным и набожным строителем; в перестройке и расширении храмов древней столицы Варадсин превзошел всех иноземных владык.

---

\* Эламиты.

Царские печати на кирпичках, глиняные конусы закладки и опорные камни из-под порогов храмов рассказывают нам о рвении сменявших друг друга царей.

Шуилишу похваляется тем, что он вернул из Аншана увезенную туда эламитами статую Нанна, перестроил Дублалмах и восстановил его врата. Идин-даган сделал посвящение Нанна. Ишме-даган говорил о себе: «он возвысил главу Ура», к тому же мы нашли алебастровую вазу, поднесенную им Нанна. Дочь его, Эннатум, как мы уже знаем, была верховной жрицей бога луны в Уре. Ниже мы расскажем о построенном ею великом храме Нанна Гигпарку. Липит-иштар «обновил место Ура». Возможно, речь идет о том, что он перестроил городскую стену. Себя он называет «праведным дарителем воды Уру». Сумуилу построил склад и храм. Нурадад восстановил храм Энун и построил другой храм для богини Нингал. Особенно активен был Синидиннам. Он одновременно восстанавливал старые храмы и строил новые. Установлено, что он вел работы над семью зданиями, а широкое распространение кирпичей с его штампом свидетельствует о еще большем размахе строительства. Но наиболее энергичным царем остается все же Варадсин.

Мы уже говорили о его большой надвратной башне на террасе зиккурата. Известна, по крайней мере, еще дюжина его сооружений. Надписи Римсина приписывают ему постройку девяти храмов. Вполне естественно, что приблизительно за два столетия периодов Исина и Ларсы Ур вполне оправился от катастрофы, уничтожившей третью династию. Храмы той эпохи, когда Ур был столицей и его цари постоянно обогащались за счет успешных войн, возможно, превосходили величием те, что воздвигали потом правители-чужеземцы, однако двести лет сравнительного спокойствия наверняка позволили горожанам с помощью торговли и ремесла добиться благосостояния, может быть, не столь пышного, как прежде, но не менее прочного.

Во время наших раскопок мы не нашли вещественных доказательств существования городской стены, о которой, по-видимому, упоминают надписи. Великая стена Ур-намму была разрушена до основания: на месте не осталось ни одного кирпича. Однако сам вал, — по сути дела, облицованный склон холма, на котором стоял город,—

разрушить было невозможно. И вот жители Ура применили самый простой и самый экономный способ укрепления города: они построили свои дома на валу более или менее непрерывной линией. Внешние стены домов совершенно глухие, во всяком случае до уровня второго этажа, с успехом заменили военную крепостную стену. На Ближнем Востоке это было распространенным явлением. В виде примера можно привести Иерихон, где дом Рахаба стоял «на стене» и окно его верхнего этажа выходило на равнину за городом.

В северо-восточной части Ура мы откопали ряд домов, образующих сплошную стену на протяжении почти двухсот метров. Далее шел выступ, — более поздняя (касситская) крепость, — но за ней стена из домов продолжалась, и мы проследили ее на расстоянии еще двухсот метров. Дальше мы делали только разрезы через определенные промежутки, однако результат оставался неизменным. Иногда там, где вал расширялся, на нем возводили какое-нибудь общественное здание, но и оно было включено в общую систему обороны. Так, на южной стене города стоял храм бога воды из Эриду — Энки. Эриду — по традиции древнейший город Шумера — расположен в двадцати километрах к югу. Его развалины видны с городского холма Ура. Поэтому и место для храма выбрали так, чтобы бог Энки мог видеть в отдалении свой собственный зиккурат. Здание храма Энки, основанное при третьей династии, было восстановлено в период Ларсы. У его стены мы нашли вывалившиеся глиняные конусы закладки, которые, очевидно, были воткнуты между расположенными выше необожженными кирпичами, а в одном из углов, в середине кладки из кирпича-сырца, оказалась уцелевшая коробка, сложенная из обожженного кирпича. В ней лежала медная статуэтка и каменная табличка с именем царя Ларсы Римсина.

На самом южном краю города стоял другой храм, также построенный во времена третьей династии и восстановленный в период Ларсы. Вторично его восстановили в касситский период, и, наконец, он был перестроен Навуходоносором. К сожалению, нет ни одной надписи, которая помогла бы нам определить его назначение. Мы знаем только, что он тоже стоял на выступе вала и был одним из звеньев городской стены.

Насколько я помню, в самом начале раскопок мы ду-



План Ура периода Ларсы

мали, что все храмы Ура будут расположены в теменосе, т. е. в священном квартале. Однако строительные надписи периодов Исина и Ларсы опровергают это предположение. Священный квартал был невелик, и такое количество зданий просто не могло в нем уместиться. Находка храмов на городской стене поставила все на свое место. Теменос был личной вотчиной Нанна и его жены Нингал. Младшие божества из их свиты имели свои часовни при святилищах великих богов, но в теменосе они обитали только потому, что были слугами бога луны. Разумеется, в Уре почитали и других богов и строили для них храмы, однако эти храмы располагались в других частях города. И даже не обязательно внутри старых городских стен.

Поскольку почти все наши раскопки проходили внутри стен города, мы могли натолкнуться на такие храмы лишь случайно. И тем не менее единственный тщательно исследованный участок за стенами сразу подтвердил наше предположение. При помощи небольшого пробного раскопа примерно в полутора километрах к северо-востоку от теменоса мы вскрыли скудные остатки развалин очень большого и важного здания с тщательно укрепленными стенами из обожженного кирпича. Оттиски на кирпичах пола помогли нам установить, что это был Ниггаракам, «великая и благородная сокровищница». Синидиннам из Ларсы воздвиг ее «ради жизни своего отца и своей жизни». Это было тоже культовое сооружение, и стояло оно довольно далеко от городских стен. Следует напомнить, что самый Эль-Обейд, расположенный в шести с половиной километрах от города, фактически был лишь предместьем Ура. С тем большей уверенностью мы можем предположить, что храмы, посвященные тому или иному из бесчисленных богов, были разбросаны по всей обширной территории древней столицы. Однако цари Исина старались прежде всего восстановить главные святилища, расположенные в теменосе.

Здесь вторым по значению после храма Нанна был храм богини луны Нингал. Развалины этого здания, построенного в период Исина, сохранились настолько хорошо, что нам удалось составить по ним наиболее полное представление о храмах той отдаленной эпохи. Первоначально этот храм был построен внуком Урнамму Амарсуеной из кирпича-сырца. Позднее дочь Ишме-дагана

Энаннатум, верховная жрица Нанна, решила поставить на этом месте точно такое же здание, но из более прочного материала и построила по старому плану весь храм из обожженного кирпича. В процессе раскопок мы обнаружили, что стены сооружения Энаннатум стоят на основании древних стен, которые новые строители использовали как фундамент. Таким образом, нам сразу стал ясен план обоих зданий, храм представлял собой квадратное строение со сторонами, равными семидесяти трем метрам. Его внешние стены невероятно массивны. В их толще проложен узкий мощный коридор, который начинается в надвратной башне главного входа и обегает все здание с трех сторон, соединяя между собой еще две укрепленные башни на дальних углах. Такой же коридор пересекает храм поперек, деля его на две неравные части. Он служил для более быстрого сообщения между башнями. Вообще сооружение это, во всяком случае снаружи, гораздо больше должно было походить на крепость, чем на святилище. Зато внутри нельзя было ошибиться в его назначении. Большая из двух частей здания была в свою очередь пересечена внутренней поперечной стеной. По одну ее сторону непосредственно за главным входом располагался храм, а позади него — небольшие алтари и жилища жрецов.

Храм с его внешним и внутренним дворами, двумя маленькими передними комнатами и узким святилищем по своему плану напоминал приемный зал царя Урнамму. И в то же время у него есть ряд любопытных особенностей. Между внутренним и внешним дворами расположены две длинные комнаты. В первой из них, у задней стены, стоит кирпичный пьедестал для статуи. Он расположен точно напротив широкого прохода на внешний двор. Похоже, что это был «Двор для непосвященных», куда допускались все верующие. Отсюда они и поклонялись сидящему на алтаре божееству. Внутренний двор предназначался для жрецов. Чтобы попасть в него, нужно было пройти через вторую узкую комнату, вдоль стен которой тянулось кирпичное залитое для водонепроницаемости битумом возвышение с продольной канавкой-стоком по краю. Пол в комнате также покрыт битумом. Он имеет небольшой уклон к двери маленькой комнаты, в центре которой расположен очень глубокий водосток из глиняных колец. Эта вторая узкая комната явно предна-



значалась для омовений. Здесь верующие очищались, прежде чем пройти дальше, в священные покои. Внутренний двор и самое святилище оказались страшно разрушенными, однако нам все же удалось определить на дворе место, где стоял большой жертвенный алтарь, и найти в святилище пьедесталы статуй, алтарь со ступеньками и примыкавшую к нему дарохранильницу, или сокровищницу. Позади святилища оказалась еще одна длинная, похожая на коридор комната. Очевидно, отсюда жрецы пророчествовали и провозглашали «волю богов».

Здесь и во всех других частях здания раскопки затрудняли позднее возведенные стены, фундаменты которых почти доходили до древней кладки, тем более что в некоторых местах новые стены стояли прямо на старом, вымощенном кирпичами полу храма. Поэтому нам было крайне нелегко разобраться в путанице разрушенной кладки и определить, к какому периоду относятся ее разрозненные части. Но когда это, наконец, удалось, древний план предстал перед нами с поразительной ясностью, и все, что раньше казалось путаницей, теперь стало отчетливым и понятным.

Жилые помещения жрецов оказались наиболее разрушенными. И это понятно: здесь для такого сплошного разрушения было больше всего причин. По обычаю того времени жрецов хоронили под полом их жилищ. В кирпичных склепах покоились сокровища, возбуждавшие алчность воров, когда они грабили храм. Грабители всюду взломали пол, вскрыли склепы и очистили их так основательно, что после них ничего не осталось. Нам удалось найти единственно достойный упоминания предмет — изображение человеческой головы из глазированного стеклянного сплава. Оно интересно само по себе, как древнейший в Месопотамии образец применения многоцветной глазури. Судя по нему, маленькая статуя, от которой его откололи, была изысканным и дорогим произведением искусства. Какие же еще сокровища покоились в жреческих могилах!

Вблизи жилых комнат мы обнаружили помещения совсем иного характера. Сохранились они гораздо лучше. Из коридора, проходящего сквозь прилегающие к храму комнаты, открывается узкий проход меж глухих стен с дверью в дальнем конце. За дверью параллельно первому

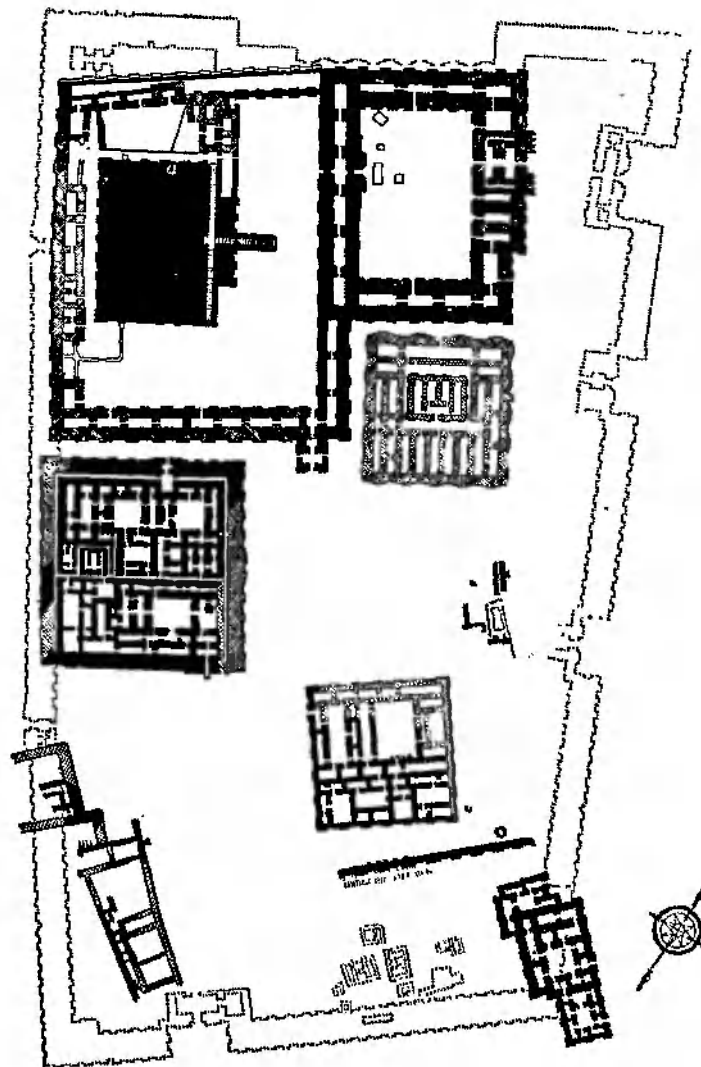
тянется в обратном направлении такой же проход. В дальнем его конце в боковой стене тоже прорезана дверь в узкую проходную комнату. Через нее можно пройти дальше к двум другим проходам, а оттуда обратно в коридор. Это настоящий маленький лабиринт, разгадку которого надо искать в длинной центральной комнате. Если встать между двумя дверями и посмотреть в глубину этой проходной комнаты, сейчас можно увидеть лишь голые кирпичные стены без всяких украшений высотой всего полтора метра. Крыши тоже, разумеется, нет. Комната вымощена кирпичом, но дальняя ее половина покрыта битумом, на котором сохранились отпечатки тростниковых циновок. Здесь вертикально стоит большая глыба белого известняка с некогда округленной верхушкой; основание глыбы крепко вделано в пол. По бокам от нее лежат закрепленные битумом еще два блока серого мрамора с таким же округленным верхом. На всех трех камнях высечены надписи: «Амарсуена, царь Ура, царь Шумера и Аккада, царь четырех сторон света, воздвиг (этот храм) для своей владычицы Нингал». Надпись намеренно сколота, но прочесть ее все-таки можно. Вдоль боковой стены тянется низкая кирпичная скамья или стол. Больше в комнате ничего нет. Значение этой комнаты совершенно очевидно. Храм жрицы Энаннатум точно воспроизводит древний храм Амарсуены. Там было небольшое святилище для поклонения царственному строителю, который одновременно считался божеством. Когда третья династия рухнула и эламиты разрушили Ур, они разгромили святилище и попытались стереть имя царя. Однако Энаннатум восстановила здание, восстановила святилище и снова поставила на место оскверненные камни. Возможно, что перед средней глыбой сидела на троне статуя самого царя, а по бокам от него стояли шесты, увенчанные символами царской власти — верхушками жезлов и головами животных. Жертвоприношения, очевидно, возлагали на кирпичный стол. Стены и пол были задрапированы коврами и циновками. Верующие проходили по извилистому коридору, приостанавливались в дальнем конце святилища и поклонялись обожествленному царю.

Остальная часть большого квадратного здания, отделенная поперечным коридором, тоже представляла собой храм, но иного устройства. Три сводчатых прохода вели с главного двора к святилищу, где на высоком кирпичном

постаменте сидела обращенная лицом к двору статуя богини. Вокруг и позади святилища располагались подсобные помещения и склады различного назначения. В одном из них оказалось странное углубление в мощеном полу. Только благодаря более поздней аналогии мы поняли, что это углубление было сделано для ног ткачей: работая на своем низком ткацком станке, ткач садился на пол, а ноги свешивал вниз, в углубление.

Ряд других помещений представлял собой кухню. Здесь на открытом дворе был колодец, а рядом с ним — покрытый битумом водоем. Большое медное кольцо в полу могло служить для привязывания ведра, чтобы оно не утонуло в колодце, но, пожалуй, скорее сквозь него пропускали веревку, второй конец которой затягивал петлю на шее жертвенных тельцов. Натянув веревку, можно было свалить и удержать животное, пока жрецы перерезали ему горло. Подобный обычай существовал у древних евреев, и вполне вероятно, что шумерийские жрецы пользовались тем же приемом. У одной из стен стояли два очага для кипячения воды, а у противоположной — кирпичный «разделочный стол». На нем еще ясно видны пересекающиеся рубцы от ножей мясников. В боковой комнатке была похожая на улей печь для хлеба, а в другой — два очага приготовления пищи с круглыми дымоходами. Кольца маленьких отверстий на плоской плите очагов обозначали места, где устанавливали котлы. Даже сейчас, спустя тридцать семь столетий, здесь можно разжечь огонь и возродить во всех подробностях эту храмовую кухню XVII в. до н. э.

Самые интересные результаты дали раскопки святилища и главного двора. Нам пришлось долго до них добираться, потому что прямо под поверхностью здесь находились позднеавилонские развалины. Прежде чем их удалить, нужно было снять их план и составить описание строений, а они так плохо сохранились, что мы разобрались в них лишь с великим трудом. Под ними лежали еще более разрушенные здания, и их тоже пришлось убирать. Ниже шли довольно массивные стены из кирпича-сырца. Как выяснилось, это были остатки построенного около 1400 г. до н. э. большого дома для жрецов, с отдельными помещениями, выходящими на центральный двор. А мы все еще не проникли на достаточную глубину; от уровня мощеного пола храма Эннантум



План теменоса третьей династии

нас отделяло еще около двух метров. Но это было хорошим признаком!

В этой части храма стены всюду, за исключением открытого пространства главного двора, стояли очень близко друг от друга. Помещения между ними были малы, а сами стены толсты. Поэтому, когда верхняя часть здания была разрушена, обломки заполнили комнаты на довольно значительную высоту, и строители последующих эпох не стали разбирать развалины. Гораздо проще было строить прямо на массивном возвышении, соединив его с провалом главного двора рядом ступеней. Так они и сделали. И благодаря этому вокруг святилища уцелели все комнаты со стенами высотой до одного метра восьмидесяти сантиметров, а все обломки в них и вокруг них остались непо потревоженными. Разобрав их, мы с облегчением увидели, что под ними на всей площади этой части храма сохранился даже пепел и головешки.

Ничто так не помогает археологу, как насильственное разрушение. Если здание ветшало и разваливалось постепенно, можно заранее быть уверенным, что обедневшие обитатели вынесли из него все ценное. Самое лучшее в этом смысле — вулканическое извержение. Оно хоронит город сразу и так надежно, что никто уже не возвращается к нему, пытаясь спасти свою собственность. Однако идеальные условия Помпеи встречаются слишком редко, и нам приходится довольствоваться меньшим. Когда враг грабит город или храм, он обязательно оставляет ряд вещей, хотя бы таких, какие не имеют для него практической ценности, но для археолога они могут быть неопенимым сокровищем. А если к тому же враг сжигает здание и сам обрушивает стены, тогда можно с уверенностью считать, что грабеж был поверхностным и поспешным, а самое главное, что никто после этого не пытался подобрать недограбленные остатки.

Именно так было в данном случае. От сгоревшего потолка и настенных панелей остался пепел, а под ним на кирпичном полу лежали сотни разбитых ваз из алебаstra и мыльного камня, а также обломки статуй. Одна маленькая тяжелая, грубая статуя из черного камня оказалась целой. Она представляет богиню Баба на троне, который поддерживают гуси. У богини нет только носа (он был сделан отдельно), да еще вокруг головы остались маленькие сверленные отверстия, в которые вставляли

золотую корону: грабители сорвали ее, когда низвергли статую. Баба считалась покровительницей птичьих ферм, и ее статуя в виде полной коренастой женщины в доходящем до лодыжек одеянии со складками и оборками имеет действительно самый домашний вид. Это отнюдь не шедевр, но, поскольку до нас дошло весьма немного женских скульптур Шумера, изваяние Баба заняло среди наших находок почетное место.

В гораздо худшем состоянии была найдена маленькая сидящая статуя богини Нингал: большая часть ее головы оказалась отбитой. Однако по тонкости исполнения она стоит много выше статуи Баба. На ней высечена длинная надпись, свидетельствующая о том, что эта статуя подарена храму не кем иным, как самой жрицей Энаннатум, второй основательницей храма. Статую удалось собрать из многочисленных обломков, разбросанных в разных местах здания.

Когда все каменные осколки были собраны и очищены, началась настоящая игра в составление мозаики, и мы с глубочайшим волнением следили за тем, как из них постепенно восстанавливались целые сосуды, иногда даже с именами предшествующих царей.

Шумерийский храм, как и современные соборы, был настоящим музеем древностей. В течение столетий цари и прочие верующие дарили богам свои сокровища, и в храмовых хранилищах накапливались предметы самых различных веков. Именно здесь мы нашли расколотый лунный диск дочери Саргона и известняковый рельеф, изображающий жертвоприношение, совершаемое принцессой еще более отдаленных времен. Этот рельеф пролежал здесь около семисот лет, а диск — около пятисот, и только тогда в сокровищницу ворвались грабители. Один из найденных нами предметов представляет особый интерес. Речь идет об обломке каменной чаши, посвященной храму дочерью царя Шульги, верховной жрицей бога луны. На черепках другой чаши мы прочли имя Саргона Аккадского, великого царя, правившего лет за двести до Шульги. И вот оказалось, что эти осколки представляют собой части одной и той же чаши и что обе надписи принадлежат одному сосуду. Каким образом чаша царя Саргона стала собственностью дочери царя Шульги? Этого мы не знаем. Ясно одно: в древности, как и в наше время, вещи могли существовать гораздо дольше, чем

поколения их хозяев. Ниже мы увидим, что такую же страсть к «древностям» питала еще одна царственная жрица Ура.

Самый толстый слой каменных осколков мы нашли вблизи святилища, а также на главном дворе. В одном из углов двора лежали куски большой алебастровой плиты с перечнем царских пожертвований храму. К сожалению, эта плита оказалась неполной. А на середине двора мы нашли еще более любопытный документ. Здесь возвышалось массивное кирпичное основание, а на нем и вокруг него лежали осколки мелкозернистого черного камня с надписями. Совершенно очевидно, что этот камень раньше стоял на кирпичном постаменте. От текста сохранилось ровно столько, чтобы установить, что надпись перечисляет победы знаменитого законодателя, вавилонского царя Хаммурапи. Возможно, это и есть Амрафел времен Авраама, который упоминается в четырнадцатой главе книги Бытия; Хаммурапи покорил Ур и, очевидно, в память о своей победе поставил эту стелу в одном из главных храмов города.

На полу помещений храма мы нашли множество разбросанных глиняных табличек с надписями. Это была часть обычного делового архива. Такие таблички очень часто датированы годами правления царствующих правителей. Большею частью они относились ко времени правления почти всех царей Ларсы, а некоторые — к царствованию Хаммурапи и сына Хаммурапи, вплоть до одиннадцатого года его владычества. На этом году последовательность табличек прерывается. Одиннадцатый год был годом восстания южных городов против Вавилона. Двенадцатый год назывался годом, «когда царь разрушил стены Ура». Таким образом, мы уточнили не только хронологию, но и подробности разыгравшейся здесь трагедии.

Ур восстал. В знак неповиновения некоторые горожане разбили военный памятник Хаммурапи. А через год, — насколько точно мы можем определить, в 1674 г.<sup>1</sup> до н. э., — войска вавилонян ворвались в город, разграбили и сожгли храм Нингал. Они выбросили все, что не представляло с их точки зрения ценности. Восстание и его

---

<sup>1</sup> По новейшим хронологическим исчислениям — в 1737 г. до н. э. — *Ред.*

подавление — все отчетливо запечатлелось на развалинах этого святилища. И действительно, когда Самсуилуна похвалялся, что он «разрушил стены Ура», это было правдой. В домах периода Ларсы мы находили множество табличек, и все они, как правило, относились к царствованию Самсуилуны, а иногда — к одиннадцатому году его правления. Однако ни одной таблички с более поздней датой нет. Большинство домов было сожжено. Те, что не сгорели, тоже были покинуты. По-видимому, весь Ур обезлюдел и лежал в развалинах.

Для современного археолога это редкая удача, поскольку он может точно определить, к какому времени относятся повседневные вещи, которые обычно приходится классифицировать по типам без указания времени. Частные дома периодов Исина и Ларсы строились не одновременно. Но жили в них в одно и то же время и покинули их в один день, на двенадцатом году царствования Самсуилуны. Таким образом, все предметы, которыми пользовались обитатели этих домов, относятся к 1737 г. до н. э. Благодаря тому что город был разрушен насильственным путем, мы смогли в процессе раскопок получить самые подробные сведения о частных домах того времени. Мы можем описать жизнь рядового горожанина Ура XVIII в. до н. э. так точно и ярко, что с нами в этом отношении посоперничали бы лишь археологи Помпеи и Геркуланума. Даже прекрасно сохранившиеся здания эль-Амарны нельзя сравнить с этими развалинами, потому что в них не было табличек, которые в Уре придают индивидуальные штрихи, оживляющие прошлое.

В раскопчный сезон 1926/27 г. мы расчистили скопление домов, занимавших весь или почти весь довольно узкий участок юго-западной стены теменоса между ним и западной гаванью. Со всех точек зрения эти дома похожи на обычные жилые дома, и ничто в них не напоминает о священном квартале. Ничто, кроме их расположения. Дома стояли на внешнем склоне теменоса, и это наводит на мысль, что они были как бы продолжением храмового комплекса. Похоже, что жители их принадлежали к числу жрецов и были связаны с храмами теменоса. У многих были небольшие библиотеки священных текстов, из которых нам удалось извлечь несколько гимнов в честь разных богов, подобные тем, которые пели в храмах во время богослужений.



В раскопный сезон 1930/31 г. мы вскрыли участок на полпути между юго-восточной оконечностью теменоса и городской стеной. Площадью раскопок было охвачено около восьми с половиной тысячи квадратных метров, и благодаря им мы смогли составить довольно полное представление о жилых кварталах города. Ур застраивался без всякого плана. В городе была одна улица для процессий, ведущая к теменосу, а все остальное походило на примитивную деревню. Здесь не было прямых улиц и широких магистралей. Изгибы переулков зависели только от капризов распределения земельной собственности. Некоторые жилые кварталы настолько обширны, что к домам в глубине их ведут тупики. Улицы не были мощеными. Их покрывала утрамбованная глина. В дождливую погоду она превращалась в непролазную грязь. Да и ширина улиц была такой, что по ним не смог бы проехать колесный экипаж. Разумеется, колесные повозки давно уже были известны шумерийцам (кстати, модель такой повозки мы случайно нашли на этом участке), но пользовались ими главным образом за городом. А в самом городе грузы переносили люди или вьючные ослы. Именно поэтому углы почти всех домов тщательно закруглены, чтобы прохожие не сталкивались на поворотах. А те, кто не хотел идти пешком, садились на «белых ослов», заменявших экипажи. Мы нашли у стен домов ряд низких ступенек, явно предназначенных для всадников.

По сути дела Ур был типичным городом Среднего Востока. Правда, в Уре нечистоты не выливались прямо на улицу, а вытекали в открытые каналы вдоль дорог, однако сухой мусор из домов выметали и выбрасывали под ноги прохожим. Поскольку городские власти не заботились об очистке улиц, почва города постепенно поднималась. Подобное явление свойственно всем древним городам, но в Уре этот процесс шел особенно быстро. Поэтому новые дома часто строили выше улицы, а когда уровень улицы поднимался и потоки грязи во время дождей начинали заливать комнаты, оставалось только одно — приподнять порог дома, положив на него дополнительный слой кирпичной кладки. Какое-то время это спасало обитателей от затопления, но потом приходилось поднимать порог еще и еще выше. И так до бесконечности. Например, за тот период, когда дома, выходящие на одну из улиц, были обитаемы, уровень этой улицы поднялся более

чем на метр с четвертью. Порог одного из домов постепенно пришлось приподнять на такую высоту, что сейчас, для того чтобы войти в комнату, нужно спуститься по лестнице из шести ступеней. Мы обнаружили, что разница между уровнем пола домов и уровнем улицы может служить одним из надежнейших признаков для определения возраста зданий. Эта причина объясняет и перестройку домов. Наступало такое время, когда поднимать порог и косяк двери было уже некуда, а без этого вход в дом становился почти невозможным. Приходилось все перестраивать. Обычно в таких случаях просто обрушивали внутрь старые стены, поднимали площадку первого этажа, и на ней возводили новый дом, пол которого находился на одном уровне с улицей или немного выше, а потолочные балки устанавливали над ним на нужной высоте. Во время раскопок мы все время видели, что стены домов уходят под мощный пол домов к первоначальному полу, расположенному на метр ниже, а иногда и к третьему полу, лежащему на еще большей глубине.

Дома строились как из кирпича-сырца, так и из обожженных кирпичей. Фасады домов, во всяком случае те, что сохранились, т. е. на высоту первого этажа, выкладывали сплошь из обожженного кирпича. Возможно, что выше кладка была из кирпича-сырца. Внутренние стены внизу сложены из обожженного кирпича, а вверху — из кирпича-сырца. Кладка из обожженного кирпича по сути дела играла роль изолирующего слоя, который мог состоять из трех рядов и мог достигать от метра с четвертью до полутора метров в высоту, однако это уже зависело от благосостояния хозяина, а не от каких-либо конструктивных особенностей дома. Кирпич-сырец, а возможно, и вся стена, заштукатуривалась и белилась.

Выходящие на улицу стены были глухими; во всяком случае если в них и прорезали окна (что вряд ли делали, поскольку стены для этого недостаточно высоки), то только во втором этаже. Но окна все-таки существовали, они наверняка закрывались плетеными из тростника ставнями на деревянной раме. Такие ставни, соответствующие деревянным жалюзи современных арабских домов, мы нашли в касситских жилищах. Таким образом, улицы представляли собой однообразные проходы меж сплошных глухих стен, прорезанных лишь дверными проемами. Кое-где здесь могли находиться открытые лавки,

но большинство их располагалось на базарах. Такие базары представляли собой узкие улочки, очевидно, затененные навесами, под которыми теснились маленькие лавчонки с запирающимися на ночь дверьми. Мы нашли только одну «Базарную улицу», но, по-видимому, она типична для города.

Нас поразила странная особенность домов периодов Исина и Ларсы: они все построены по одному образцу, хотя не было и двух совершенно одинаковых. Строителям приходилось считаться с размерами, а зачастую и с неправильной формой земельных участков, но все они стремились по возможности точнее скопировать некое идеальное жилище, испытанное временем и оправдавшее себя в местных условиях. Такой типичный дом представляет собой замкнутое здание вокруг центрального двора, на который выходят все двери. Его устройство, очевидно, определяли три фактора: климат Южной Месопотамии, свойственная для всего Среднего Востока замкнутость семейного мирка и домашнее рабство. Ниже мы увидим, какое огромное влияние оказывали эти факторы на градостроительство.

Характерным примером жилища средней величины может служить один из домов по улице, условно названный нами «Веселой». В тех случаях, когда его расположение будет недостаточно типично или ясно, я позволю себе уточнять детали по раскопкам других домов. В своем описании я также опираюсь на «Тексты домашних предзнаменований», в которых в форме суеверных изречений излагаются некоторые правила строительства, с которыми зодчим Шумера приходилось обязательно считаться.

Входная дверь была узкой и незаметной («если дверь дома будет слишком широкой, этот дом разрушат»). Открывалась она внутрь («если дверь дома открывается наружу, жена в этом доме будет проклятием для своего мужа»). За дверью шла маленькая, мощенная кирпичом прихожая. В углу ее находился водосток и стоял сосуд с водой, чтобы каждый входящий в дом мог омыть здесь ноги. Вторая дверь, ведущая непосредственно в дом, прорезалась в боковой стене, так что с улицы внутрь дома нельзя было заглянуть. Все, кто заходил в прихожую, должны были предупреждать о себе хозяев, чтобы жеңское население могло скромно удалиться.

На косяках второй двери висели терракотовые маски бога Пузузу — амулеты против несущего лихорадку юго-западного ветра. Ступеньки в дверном проходе вели вниз, на центральный двор («если двор лежит выше дома, хозяйка будет выше хозяина»). Двор был вымощен кирпичами с небольшим наклоном к середине, где находилось отверстие водостока («если вода собирается к середине двора, человек соберет большие богатства»). Вокруг двора располагались выходящие в него комнаты первого этажа. Назначение их можно определить.

Во внутренней стене двора, параллельной фасаду дома, прорезана одна широкая дверь, которая ведет в приемную комнату для посетителей. Такие комнаты всегда узки и растянуты, причем вход в них прорезан в длинной стене, как в современном арабском Ливане в комнатах для гостей. Днем у задней стены здесь раскатывали ковер, чтобы гости могли сидеть. Ширина его была такой, что поперек него укладывали в ряд матрасы и гостям здесь удобно было провести ночь. В более богатых домах, например в одном из домов по «Прямой улице», к такой комнате примыкает мощенная кирпичом уборная с водосток, умывальник для гостей и баня, а в другом углу находится чулан, по-видимому для хранения спальных принадлежностей. Напротив комнаты для гостей в стене, выходящей во двор, прорезаны две двери. Одна ведет в умывальную, узкую комнату с мощеным полом, в котором, как в современных арабских домах, проделано сточное отверстие. Вторая дверь ведет на лестницу. Лестница проходит над умывальной. Первые ступени сложены из кирпича и начинаются уже в дверном проходе. Чтобы не снижать потолок умывальной, лестница должна подниматься на достаточную высоту еще до поворота. Для этого ее нижняя ступенька расположена так высоко, что к ней приходится приставлять еще дополнительную деревянную ступеньку. Точно такая же система принята в современных домах и служит вполне удовлетворительно. Из остальных комнат первого этажа этого дома одна комната служила кухней. В ней сохранились два очага и вмозанные в глинобитный пол ручные жернова. В другой комнате мы нашли у стены низкие кирпичные скамьи или нары. Здесь была спальня для рабов. В третьей комнате оказались ручные мельницы и сосуды для хранения разных вещей: очевидно, это была общая комната для все-

возможных домашних работ. Совершенно ясно, что весь нижний этаж был отведен для хозяйственных нужд и для гостей. Семья хозяев жила на втором этаже. Заключение это застало нас врасплох.

Насколько нам известно, поздневавилонские дома были одноэтажными. То же самое относится и к домам Саргонидов, исследованным в Тель-Асмаре экспедицией Чикагского института востоковедения. Кто же мог предполагать, что большинство домов Ура периода Ларсы окажутся двухэтажными? Правда, наличие лестниц само по себе еще не было решающим доказательством. Эти лестницы могли вести, например, на плоскую крышу, где обитатели домов сидели и спали в хорошую погоду. Именно так, без сомнения, использовались плоские крыши нововавилонских домов. Однако взбирались на них не по кирпичным ступеням, а по деревянным приставным лестницам, как это часто делается сейчас. А в Уре наверх вели массивные ступени, занимавшие площадь целой комнаты. При крайней тесноте нижнего этажа вряд ли кто-либо стал бы строить такой солидный проход на крышу! Единственным оправданием могло служить лишь то, что эта лестница вела на второй этаж, где располагались не менее важные комнаты дома, чем на первом. Толщина стен вполне достаточна, чтобы выдержать тяжесть стен верхнего этажа, однако, поскольку потолок вряд ли обладал такой же прочностью, план второго этажа должен был в точности воспроизводить план нижнего помещения. Внизу комнаты были проходными, но в них можно было войти через двор. Наверху места для коридоров не оставалось, а делать все комнаты смежными и проходными было неудобно. Кроме того, тексты прорицаний гласили: «Если дверь комнаты выходит на двор, дом этот расширится; если же дверь комнаты выходит в другую комнату, дом этот будет снесен». Значит, комнаты сообщались между собой как-то иначе.

Сравнение древних домов Ура с жилищами современных арабских городов до сих пор вполне оправдывалось. Поэтому, я думаю, мы можем и здесь положиться на полную аналогию. В современных домах лестница ведет на деревянную опоясывающую двор галерею, на которую выходят двери всех комнат второго этажа. Может быть, дома периода Ларсы были устроены точно таким же образом? В одном из домов по «Веселой улице» мы нашли

в южном углу центрального двора один кирпич, тщательно укрепленный на мощеном полу крепким глиняным раствором. Вокруг кирпича лежали остатки обуглившегося дерева. По всей видимости, кирпич служил основанием для столба, который оказался слишком короток. Мы попробовали восстановить столбы на соответствующих местах по всем углам и убедились, что они были расставлены с таким расчетом, чтобы не заслонять двери. В то же время на них вполне могла опираться галерея шириной около метра, т. е. такая, как мы и предполагали. А что касается слишком короткого столба, поставленного на кирпич, то подобных аналогий в современных домах можно найти сколько угодно. Возможно, я слишком увлекся подробностями, пытаюсь показать, на чем зиждется наша реконструкция. Но именно так и приходится обосновывать каждую мелочь. В конечном счете нам удалось установить, что крыша была не плоской, а слегка наклонной внутрь. Она выступала за стены как раз настолько, чтобы прикрывать галерею. По ее внутреннему краю шел изогнутый наружу карниз, прорезанный кое-где выступающими водосливами, по которым дождевая вода стекала на середину двора. Над двором оставалось открытое пространство, вполне достаточное для его освещения и вентиляции.

Случайная находка позволила нам обнаружить новую архитектурную подробность: над одним из дверных проходов стояла арка из обожженного кирпича; она так и провалилась в проход почти целиком. Нас долго смущали грубые кирпичные резервуары, которые мы находили в углу двора во многих домах. Наконец, в одном из таких «карманов» мы обнаружили осколки большого глиняного сосуда, и нам все стало ясно: здесь в сосудах из пористой глины охлаждалась вода, принесенная из общественного водоема. И совсем уже современный характер носят цветочные горшки, вмурованные с помощью глины в мостовую одного двора вокруг центрального водостока. Мы можем составить чрезвычайно подробное представление о частном доме, но это касается только его устройства. Никакой мебелировки здесь, разумеется, не осталось. Но, должно быть, это была очень простая утварь. На печатях сохранились изображения складных или плетеных сундуков для хранения одежды, и это все. Полы устилали разноцветные коврики, на которых было

разбросано множество подушек. Для ночного освещения служили похожие на маленькие соусницы масляные светильники с тоненькими фитильками.

Улицы, конечно, были узкими и грязными, с однообразными глухими фасадами, но стоило переступить порог дома, как картина сразу менялась. Дом, который мы описали, с мощным двором и выбеленными стенами («если штукатурка выкрашена в белый цвет, это приносит счастье», но «если внутри штукатурка обваливается, дому сему грозит гибель!») — такой дом с собственной дренажной системой и дюжиной или более удобно расположенных комнат свидетельствует о достаточно высоком уровне жизни. И это были жилища не каких-нибудь выдающихся богачей, а, судя по найденным в них табличкам, дома средних горожан, лавочников, мелких торговцев, писцов. В отдельных случаях мы можем ясно представить себе их судьбу и даже их личные вкусы.

На «Широкой улице» стоял дом № 1, принадлежавший некоему Игмилсину, писцу или жрецу. Он больше обычных домов. Сначала нас поразило множество отклонений от типичного плана. Выходившие на двор двери нижних комнат оказались замурованными, так что основные жилые помещения были изолированы от двора, умывальной и комнаты для гостей. Сюда можно было проникнуть лишь через дверь в южной части, единственную дверь, соединявшую обе половины дома. Зато в северной стене двора был прорезан новый выход на улицу. Все разъяснили таблички: мы нашли их здесь около двух тысяч! Игмилсин был учителем школы для мальчиков; в соответствии с этим он и перестроил свой дом. На дворе и в комнате для гостей были классы, а остальные помещения предназначались для домашних нужд. Несколько сотен табличек представляют собой типичные «школьные упражнения», плоские круглые таблички служили для чистовых копий и т. д. На многих табличках записаны религиозные тексты, которые либо использовали для диктовки, либо заучивали наизусть. Здесь же были исторические тексты, математические таблички и таблицы умножения. Все это относилось к школе. Ряд деловых табличек, по-видимому, связанных с хозяйством храма, уточняет общественное положение учителя.

В доме № 1 по «Старой улице» внутренняя перестройка была вызвана совсем иными причинами. Этот дом сое-

длиннее с собственно «Старой улицей» длинным и узким проходом. Здание — очень старое: его фундамент уходит на большую глубину, и первоначально оно было довольно обширным. Однако к концу периода Ларсы двери в юго-восточной стене центрального двора замуровали, а изолированные таким образом комнаты присоединили к соседнему дому № 7, выходящему на «Церковную улицу». И здесь снова нам помогли таблички. В царствование Римсина из Ларсы этот дом принадлежал некоему Эназиру, крупному торговцу медными изделиями, имевшему своих агентов в разных городах. Судя по его личному архиву, он занимался одновременно всевозможными побочными операциями: спекулировал домами и садами, давал деньги в рост и даже как-то завел торговлю поношенной одеждой. Все эти делишки он, по-видимому, финансировал за счет своей основной торговли; его агент из другого города жалуется в письме, что трижды писал хозяину, но не получал ответа. Нет ничего удивительного, что в какой-то момент Эназир вынужден был уменьшить свой участок и продать часть дома соседу. Подобные изменения были обычным явлением. Естественно, они влекли за собой перестройки, изменявшие первоначальный план зданий. Так, например, дом № 7 по «Церковной улице» дважды расширялся за счет соседей и в результате приобрел самую причудливую форму. Превосходный дом № 1 по «Бульвару пекарей» был полностью перестроен под мастерскую: большинство комнат здесь занимали горны. Судя по миниатюрным моделям инструментов, найденным в могиле хозяина дома, он владел кузницей.

Дом № 14 по «улице Патерностер» был разделен на части. Комнаты по юго-восточной стороне от его двора вошли в рыночную часовню, которая впоследствии была переделана в харчевню. Для этого на улицу прорубили широкое окно, а сразу за ним поставили внутри кирпичный прилавок для приготовленных блюд. Одна из комнат превратилась в кухню: большую ее часть занял массивный кирпичный помост с углублениями для маленьких очагов, на которых готовилась еда. Рядом стояла круглая печь для лепешек. В целом все это весьма напоминает харчевни современных восточных базаров.

В доме № 3 по «Лабазной улице», принадлежавшем торговцу зерном, нас поразили большие кирпичные крома под полами большинства комнат. Его оштукатуренные



стены уходили вниз на глубину до двух метров. Мы удивлялись до тех пор, пока не увидели прилипшее к штукатурке зерно.

Изредка дома резко отклоняются от обычного типа. Дом № 11 по «улице Патерностер» вряд ли можно отнести к числу таких домов, потому что, по всей вероятности, это было не частное жилище, а скорее «хан» — гостиница или постоялый двор. В некоторых нижних комнатах, очевидно, размещались стойла. Часть комнат занимал сам хозяин с семьей, а остальные предназначались для постояльцев. Стены этого дома необычайно толсты: возникает предположение, что гостиница была трехэтажной. Зато дом № 15 по «Церковной улице» имел всего один этаж: здесь нет лестницы. Владелец его, некий Ибкуадад, по-видимому, вел дела с Варадсином, сыном Ламатумзы, проживавшим в доме № 3 по «улице Ниш», а также с неким Аттой, который, возможно, был отцом Нуратума, хозяина большого и богатого дома № 1 на «Лабазной улице». Интересно отметить, что другой, маленький и, очевидно, тоже одноэтажный домишко № 1 по «улице Ниш», самый скверный и бедный во всем квартале, принадлежал профессиональному ростовщику.

Во время раскопок квартала у нас сложилось довольно твердое убеждение, что во времена Римсина эта часть Ура находилась в состоянии упадка, в результате которого лучшие дома делились или переделывались под нежилые помещения. Мы не знаем, до какой степени упадок затронул другие районы города, но, по-видимому, быстро возрастающая под властью Хаммураппи мощь Вавилона сократила торговлю и подорвала благосостояние Ура. О все усиливавшемся нажиме с севера свидетельствует одна любопытная находка: в доме № 1 по «Бульвару пекарей» у кузнеца Шунингизиды оказалась шумеро-семитская грамматика! Очевидно, некоторые свои дела ему приходилось вести уже на семитском языке.

Упадок торговли, вызванный возвышением Вавилона, наверняка определил до какой-то степени роль Ура в восстановлении против сына Хаммураппи. Возможно, Ур возглавлял его. В отместку за это новый царь безжалостно разрушил все дома периода Ларсы.

До сих пор я говорил только о жилых помещениях домов периода Ларсы. Но в них была еще одна и, пожалуй, самая интересная часть. С глубокой древности и

вплоть до царствования Саргонидов шумерийцы, как нам известно, обычно хоронили своих мертвецов на постоянных общих кладбищах. Но в период Ларсы покойников хоронили в их домах. Этот обычай возник, вероятно, еще в дни правления третьей династии Ура. Большие мавзолеи царей этой династии уже имели облик частных домов, построенных над могильными склепами. А ко времени царей Ларсы такой обычай стал общим правилом.

Мертвецов хоронили на узком и длинном мощеном дворе позади задней стены комнаты для гостей<sup>2</sup>. Две трети двора лежали под открытым небом, но одна сторона его была защищена выступающей крышей дома. Под навесом кирпичи вымостки лежали на несколько дюймов выше, чем на открытой части. Открытая часть и была кладбищем, а под навесом располагалась домашняя часовня.

Если приподнять кирпичи вымостки в дальнем от часовни конце двора и начать копать, то вскоре покажется вход в кирпичный сводчатый склеп, крыша которого находится всего около полуметра ниже мостовой. Вход грубо замурован кирпичами. Перед ним стоят два-три глиняных сосуда для пищи и питья. Внутри склепа может лежать десять-двенадцать скелетов. Это семейная усыпальница, которую открывали каждый раз, когда умирал взрослый член семьи. Тогда кости его предшественника довольно бесцеремонно отодвигали в угол, а покойника укладывали на середину. При следующем погребении с его скелетом поступали точно так же. Довольно часто мы находим у стен склепов один или несколько глиняных гробов с единственным телом. Я думаю, так хоронили шумерийцев, если двое родственников умирали через короткие промежутки времени, когда открывать склеп для второго трупа было нежелательно. Для детей, — а детская смертность в те времена была очень высока, — склеп никогда не вскрывали. Маленькие трупки просто укладывали в глиняные сосуды и хоронили под вымосткой двора напротив или даже под домашней часовней.

Устройство часовен всегда одинаково. К задней стене дома пристроена низкая кирпичная скамья. На ней мы иногда находили сохранившиеся на месте чаши и ма-

<sup>2</sup> В одном из домов по «Веселой улице» нами были обнаружены полностью разрушенные задняя стена комнаты для гостей и погребальный двор за нею.

ленькие блюда для приношений. Над скамьей в стене сделано квадратное углубление, похожее на камин с открытым дымоходом, который поднимается вверх по стене, но не доходит до крыши: это очаг для сжигания благовоний. Открытый дымоход — вертикальная щель в стене — сделан для тяги воздуха, и в то же время он направлял благоуханные курения кверху часовни. В углу часовни стоит кирпичный алтарь, чаще из кирпича-сырца. Штукатурка его искусно выделана под панель. В одном случае мы нашли в мостовой перед алтарем укрепленные битумом гнезда для горизонтальных стержней. Стержни должны были располагаться у самого пола. Единственное объяснение, какое мы могли придумать, заключается в том, что к этим стержням крепились нижняя часть занавеса, которым задергивали алтарь между богослужениями. Иногда в другом углу часовни прорезали дверь в небольшой чулан, который мог служить как бы «ризницей», но, очевидно, чаще здесь помещался семейный архив: мы находили в таких закутках множество табличек.

В часовнях, как и в самих домах, обычно были небольшие терракотовые статуэтки и рельефы богов или посвятивших. В одном из домов мы нашли верхнюю часть необычно большой статуи бородатого бога, на которой сохранились еще следы первоначальной раскраски. Некоторые такие статуэтки, наверняка, были связаны с богослужением в часовнях. Они должны были представлять семейных или личных богов — покровителей хозяина дома, тех самых «терафимов», которые упоминаются в легенде о Иакове и Рахили, когда Рахиль похитила богов своего отца Лабана. Домашние часовни, о которых до сих пор нигде не упоминалось в источниках, совершенно по-новому осветили самые интимные верования шумерийцев. Несомненно, в них выражается непоколебимость единства и вечности семьи. Когда умирал глава дома, его не уносили куда-то на кладбище, где он скоро был бы забыт и во всяком случае покоился бы вдали от своих потомков. Вместо этого он оставался как бы в семье, в доме и принимал участие в семейном ритуале. Прежде он сам играл в нем роль верховного жреца, а теперь его заменял сын.

В начале раскопок мы были разочарованы бедностью погребений периода Ларсы. Даже в самых наиболее тщательно сооруженных склепах под самыми большими и бо-

гатыми домами мы не находили ничего, кроме одного-двух глиняных горшков да еще таких сугубо личных вещей, как печати, серьги или кольца, которые снять с покойника было бы неблагопристойно. Беднейшая могила царского кладбища настолько превосходит самое богатое из этих погребений, что их нельзя даже сравнивать. Но все это объясняется довольно просто. Покойник периода Ларсы не нуждался в погребальной утвари, потому что и после смерти располагал всем, что есть в доме. Пищу и питье перед склепом ставили лишь для того, чтобы дух, если он вздумает выйти, насытился, умиловивился (священные тексты утверждают, будто духи умерших довольно часто пробираются в дом) и благосклонно соединился со своей семьей, тем более что он разделял с ней все домашние блага. Поклонение в домашней часовне до какой-то степени всегда относилось и к покойному предку, погребенному под полом. Старший сын наделялся титулом «возливающий масло отцу своему». Но прежде всего молитвы возносились к семейному божеству, которое было олицетворением семьи и ее покровителем.

На цилиндрических печатях того периода, как и на печатях времен третьей династии, очень часто изображался один и тот же сюжет: безымянное божество, выступающее в роли посредника и ходатая, представляет владельца печати Нанну или Нингал. Эти боги были слишком великими и возвышенными, чтобы простой смертный мог к ним приблизиться без божественного посредника. Таким посредником и был бог семьи. К нему можно было обращаться прямо. Именно ему воссылали молитвы и приносили жертвы одно поколение за другим.

Нас ожидало еще одно открытие, весьма важное для понимания религии шумерийцев. Речь идет о придорожных общественных святилищах. Кстати, о них тоже в источниках нет никаких сведений. Кое-где в начале улиц стоят ворота, почти всегда украшенные, в отличие от обычных проходов, большими терракотовыми рельефами на косяках. Эти рельефы играли ту же роль, что и скромные головы бога Пузузы на дверных косяках частных домов. Несколько кирпичных ступеней в воротах ведут к открытому мощеному двору. Это может быть самый обычный двор, как в рыночной часовне на углу «улицы Патерностер» и часовне у перекрестка, или более сложное сооружение с окруженным стенами святилищем

и примыкающими помещениями, как, например, часовня Пасаг<sup>3</sup>, или часовня бараңа на «Церковной улице». Описание последней дает наиболее полное представление об этих святилищах. Подобно другим часовням, часовня Пасаг относится к концу периода Ларсы. Для того чтобы пройти на ее двор, сначала нужно миновать сени. Здесь в левом углу было нечто вроде чулана или ниши — своего рода закрытый шкаф или тайник. В нем мы нашли многочисленные посвятельные приношения: глиняные модели повозок, лож, глиняную погремушку, точильные камни, оселки и более тридцати каменных наконечников жезлов, на одной из которых начертано посвящение богине Пасаг. Прямо напротив хода, по другую сторону двора, стоит святилище. Его двери имеют выступающие косяки; по сторонам от входа стоят два кирпичных пьедестала высотой семьдесят пять сантиметров. Верхушка одного из них плоская, а на втором сделано покрытое битумом прямоугольное углубление, явно предназначенное для возлияний. Перед святилищем был кирпичный алтарь, залитый сверху битумом. Возле него стояла глиняная чаша, а у самого подножия алтаря лежали другие глиняные чаши и череп буйвола. Близ входа в святилище мы нашли прямоугольный известняковый блок высотой семьдесят пять сантиметров. На вершине его — чашеобразное углубление, все стороны украшены грубым рельефом, изображающим птиц и людей. Это алтарь для возлияний. Подобный алтарь мы уже видели на одном из рисунков на большой стеле Урнаму. Возле восточного угла лежала очень уродливая известняковая статуя богини, которая раньше стояла на полом деревянном постаменте. Внутри постамента помещалась маленькая медная фигурка богини. Однако руки ее, очевидно, были сделаны из какого-то другого материала, и от них ничего не сохранилось. Здесь же на дворе мы нашли еще несколько глиняных горшков, больших ручных мельниц или жерновов из черной лавы и несколько каменных пестов.

Святилище закрывалось плетеной из тростника дверью на деревянной раме. В задней стене напротив двери сделана ниша. Нижнюю часть ниши заполняет кирпичный оштукатуренный глиной и выбеленный пьедестал. На нем стояла известняковая статуя богини Пасаг.

<sup>3</sup> Современное чтение этого имени — Хендарзанга. — *Ред.*

Это небольшая и не очень искусно высеченная фигурка. Еще в древности она была расколота пополам, а затем грубо склеена битумом. Ноги ее тоже исчезли, а потом фигурку вмазали в глиняное основание, чтобы она могла стоять. Несмотря ни на что, эта жалкая в художественном отношении дешевенькая статуэтка пользовалась уважением, и ее небогатые почитатели сделали все возможное, чтобы возместить нанесенный ей ущерб. На полу перед нею мы нашли множество мелких бусин, — ожерелье богини, — всевозможные глиняные сосуды, в том числе курильницу для благовоний, и шестьдесят четыре таблички с записями, относящимися к хозяйству этого маленького святилища.

Часовня Пасаг, как и все прочие, была основана кем-то из набожных горожан, который, по-видимому, выделил для нее часть своего участка. Существовала она за счет добровольных пожертвований. Ее обслуживал приходящий жрец, для которого, очевидно, и предназначались две задние комнаты с отдельным выходом на «Прямую улицу». Вознаграждением ему служили приношения верующих, а может быть, и скромное содержание, назначенное основателем часовни или еще каким-нибудь благодетелем.

До сих пор мы хорошо знали только большие храмы шумерийских и вавилонских городов. Они были посвящены великим богам, их воздвигали цари, и они были невероятно богаты. Бог города был главным землевладельцем. Это — вершина. На самой нижней ступени иерархии стояли домашние часовни. В них поклонялись личным божествам дома, у которых не было даже имени, кроме того, что он бог такой-то семьи, и все.

Придорожная часовня отличается и от тех и от других. Основанная по личной инициативе, она, тем не менее, предназначалась для общественных нужд. Она была посвящена не великим богам и не семейным божествам-покровителям, а одному из младших богов, каких у шумерийцев были тысячи. Например, богиня Пасаг считалась покровительницей путников в пустыне. И когда кто-либо собирался отправиться в такое путешествие, он прибегал к ее помощи, ибо в этом частном случае нужна была именно богиня Пасаг. Поэтому путники и приходили к ней с молитвами и жертвоприношениями: такая предосторожность никогда не бывает излишней.

Младшие боги олицетворяли собой строго ограниченные силы. Надобность в них возникала лишь от случая к случаю. Поскольку это были младшие боги, к ним можно было обращаться непосредственно любому верующему. Поэтому государство не считало себя обязанным их содержать. Частные лица строили и поддерживали святилища младших богов. Это неопровержимо свидетельствует о том, что они играли важную роль в религии народа. Ни одно событие в жизни человека не происходило без помощи того или иного божества. Именно поэтому таких божеств было огромное количество. И благоразумный человек во всех случаях жизни всегда обращался за помощью к соответствующему младшему богу или богине.

Раскопки в жилых кварталах Ура дали нам немало сведений о жизни горожан в период Ларсы, однако площадь раскопок была сравнительно невелика, и, для того чтобы составить представление о городе в целом, мы вынуждены опираться на дополнительные свидетельства.

Холмы с развалинами Ура занимают обширное пространство, но город не ограничивался только ими. Ряд кварталов сравнительно недавнего происхождения не успел образовать возвышенностей, или поднялся над уровнем почвы настолько незначительно, что на фоне общего подъема долины это совсем незаметно. Так, например, мы начали раскопки на совершенно плоской площадке в восьмистах метрах к юго-западу от зиккурата и обнаружили здесь дома периода Ларсы. В полутора километрах к северо-востоку от священного теменоса мы нашли «сокровищницу» Синидиннама из Ларсы, а к востоку от него в обширной низине оказалось такое же густое скопление домов периода Ларсы, как на «улице Патерностер».

Часть Ура, так называемый «Старый город», окруженный стенами, как установили пробные раскопки, занимал не более одной шестой площади Большого Ура. Вокруг плотно застроенного участка располагались более просторные предместья. Нам удалось обнаружить руины отдельных зданий, которые разбросаны на всем протяжении вплоть до Эль-Обейда, отстоящего от Ура на шесть с половиной километров. Кроме того, в радиусе восьмидесяти километров вокруг стояли небольшие города-спутники (во многих мы провели пробные раскопки), по сути дела представлявшие собой пригороды столицы.

Если предположить, что исследованные нами кварталы «Старого города» типичны в отношении плотности застройки, то весь «Старый город», не считая теменоса, должен был состоять примерно из 4250 домов. Предположим, что в каждом доме жило восемь человек — цифра более чем скромная, потому что в Шумере большая семья считалась благом, было широко распространено многоженство и все, как правило, имели рабов. Значит, в «Старом городе», за его стенами жило не менее 34 тысяч человек. В таком случае население Большого Ура должно было достигать 250 тысяч, а возможно, и вдвое больше. Это был поистине великий город!

Совершенно ясно, весь этот народ не мог прокормиться одним земледелием. Ур был центром торговли и ремесел, с широко разветвленными деловыми связями, о которых можно судить по табличкам, найденным в домах купцов. Сюда привозили сырье, иногда даже из-за моря, обрабатывали его в городских мастерских. В списках товаров, доставленных в Ур по каналу на торговых судах из Персидского залива, можно найти золото, медную руду, твердые породы деревьев, слоновую кость, жемчуг и драгоценные камни. Правда, верховная власть ускользнула от Ура, но ни Исин, ни Ларса не могли с ним соперничать в области торговли. Древняя столица опиралась на старые связи и стояла на удобном водном пути, соединявшем ее с морем. Поэтому во времена Римсина Ур был гораздо больше и, пожалуй, даже богаче, чем в дни правления Урнамму.

## ГЛАВА VIII

### КАССИТСКИЙ И АССИРИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ

Двенадцатый год царствования царя Вавилона Самсуилуны, сына великого Хаммурапи, был официально назван «годом, в который он разрушил стены Ура» (по нашим подсчетам, это был 1737 г. до н. э.)<sup>1</sup>. Руины красноречиво свидетельствуют о безжалостности разрушения. Как и следовало ожидать, укрепления были скрыты начисто. Все храмы, которые нам удалось обнаружить, были разграблены, разрушены и сожжены. Все дома пре-

<sup>1</sup> По хронологической системе Сиднея Смита.



даны огню. Огромный город прекратил свое существование. Нам часто приходилось видеть на сохранившихся стенах домов, если они не были слишком высоки, толстый слой пыли, песка и пепла. Это говорило о том, что долгое время развалины города были всеми забыты. Дождь и ветер продолжали их разрушать, как бы завершая погребение мертвого города.

Люди, конечно, возвращались на старые пепелища, но для восстановления у них не было ни сил, ни средств. В тех местах, где стены оставались достаточно высокими, они заделывали проломы старым кирпичом, утрамбовывали новый земляной пол поверх обломков, заполнявших комнаты, и довольствовались одним этажом: на это требовалось меньше труда и меньше материала.

Теперь в касситских домах мы уже не находим лестниц, столь характерных для домов периода Ларсы. Даже более поздние касситские дома, — не временные убежища, сооруженные среди руин, а новые постройки, возведенные в тот период, когда Ур находился в стадии относительного процветания, — состояли только из одного этажа. Наземный план построек оставался прежним: здесь был все тот же центральный двор с выходящими в него комнатами. Число обследованных нами домов было довольно ограниченным, поэтому с окончательными выводами спешить не стоит. Однако даже на основании наших материалов мы можем сказать, что двухэтажные здания в Уре больше не строились.

Конечно, встречались нам и храмы. Что бы ни случилось, а боги должны были иметь крышу над головой. Можно было бы предположить, что проблема восстановления храмов будет разрешена достаточно просто, поскольку земля-то по крайней мере осталась, а боги были крупными землевладельцами, и даже в самые трудные времена их доходов хватало на широкое строительство. Но на деле все оказалось не так. По неизвестным причинам казна бога оскудела. Возможно, Вавилон наложил руки на все его доходы, а может быть, Мардук, на правах завоевателя, присвоил себе все богатства Нанна. Ясно только, что жрецам Нанна было не под силу восстановить храм. Только храм богини Нингал Гигпарку носит на себе неоспоримые следы попыток залечить раны, нанесенные ему вавилонским войском, и совершенно очевидно, что средства тех, кто пытался его восстановить,

были весьма скудны. Стены храма заделаны плохо, на кирпичях нет печатей, часто в дело шел старый материал. В других храмах мы не находим следов восстановления. Кирпичные здания Куригалзу возводились прямо на развалинах строений периода Ларсы. В большинстве случаев план наземных строений был выдержан в духе старых традиций. Можно предположить, что существовала не только традиция, сохранившая описание внешнего вида храма, но и наземные постройки, которые могли служить образцом. Я думаю, что нечто подобное действительно было. Но верхние строения имели такой жалкий вид, что, как только развернулись настоящие работы по реконструкции храма, строители в первую очередь снесли ветхие стены, кое-как сложенные за счет скудных приношений верующих.

Самсуиадна разрушил город до основания, но значение его победы не ограничивается лишь этим. Мне постоянно приходилось иметь дело с табличками, найденными при раскопках. Их было много тысяч<sup>2</sup>. До царствования Самсуилуны все документы, письма, контракты, счета и пр. были написаны на шумерийском языке, языке народа Ура. Более поздние таблички написаны уже на вавилонском языке.

Совершенно очевидно, что даже при царях периода Ларсы местный шумерийский язык уже вытеснялся языком семитского Севера. Для деловых людей Ура было выгодно владеть двумя языками. После падения Ура превосходство Севера стало несомненным. Шумерийский язык все еще сохранялся в религиозных обрядах, подобно тому как в римско-католической церкви сохранялась латынь, но это был уже мертвый язык. Никто никогда не пользовался им за пределами храма. Жрецы должны были изучать язык, на котором говорили их предки всего лишь за несколько поколений до них, но владели им плохо и даже при переписке старых текстов допускали самые примитивные ошибки. Древнее выражение для обозначения верховной власти «царь Шумера и Аккада» стало

---

<sup>2</sup> В книге, опубликованной д-ром Лейграном, помещены 1800 отобранных им из огромного количества табличек, главным образом с деловыми текстами третьей династии Ура. Таблички периода Исины-Ларсы еще более многочисленны. Около 880 таких табличек были опубликованы д-ром Фигулла. Им же опубликовано 200 деловых документов поздневавилонского периода.

анахронизмом, поскольку Шумер перестал существовать.

Не следует особенно удивляться тому, что разогнанный народ, вернувшийся к развалинам Ура и кое-как отстроивший свои жилища, в последующие поколения просто возводил новые строения по более или менее традиционному плану на холмах; которые скрывали забытые погребения царей третьей династии, но не горел желанием, даже если это и было в его силах, восстанавливать древние памятники. У богов, конечно, должны были быть свои дома: простая предосторожность требовала от людей подобной перестраховки. Но о возрождении былого величия не могло быть и речи. Все нити, связующие с прошлым, были уже порваны.

Первая вавилонская династия бесславно закончила свое существование. Уже Самсуилуна вынужден был отражать натиск народа, называвшегося касситами. Его потомкам пришлось довольствоваться немногим: большая часть их владений была захвачена на юге «царями приморских земель», на севере — касситами. Со временем, однако, касситы утвердились как единственные правители и наследники вавилонской империи. Надо полагать, что касситы были хорошими воинами, раз сумели завоевать такое положение. Но они, видимо, не знали, как его использовать. Раннекасситский период — чистая страница в истории Месопотамии. Цари обладали весьма незначительной политической властью, искусство находилось в состоянии застоя. Не было возведено ни одного здания, которое могло бы прославить имя правителя; и даже записей об их бедных событиях царствованиях не сохранилось. Поэтому на протяжении почти двухсот пятидесяти лет лишь убогие домишки жителей города свидетельствуют о том, что Ур все же существовал. Кроме них, от этого периода ничего не осталось.

Примерно около 1400 г. до н. э. в Уре произошли разительные перемены. К власти пришел касситский царь Куригалзу II, страстный строитель. Ур полон памятниками, возведенными в годы его правления. Не менее активное строительство развернул он и в других южных городах, которые в течение долгого времени не привлекали внимания центральных властей. Всегда интересно поразмыслить над тем, почему тот или иной правитель вдруг меняет свою политику и выбирает новую линию поведения. У Куригалзу, очевидно, были на то свои

причины. Может быть, основание тому дала Ассирия — вассальное государство Вавилона, которая к тому времени уже начала вести себя довольно независимо, а возможно, повод следует искать в том, что на северо-западе выросла в грозную силу Митани, а в центре Малой Азии хетты создали государство, которое уже вмещивалось в дела Сирии. Было очевидно, что это государство в силах подкрепить свои политические претензии военной мощью, не взирая ни на какие расстояния. Тучи сгущались и на западе и на севере. Царь касситов был достаточно мудр и понимал, что в его собственных интересах укрепить юг страны. Для того чтобы снискать любовь и поддержку подчиненных городов, у правителей всех времен был простой и надежный способ: нужно было только позаботиться об их богах. Восстановление храмов было угодно и самим богам и народу. Я полагаю, Куригалзу руководствовался скорее политическими, нежели религиозными убеждениями, но как бы то ни было, он разработал весьма обширную программу строительства. Правда, в данном случае количество достигалось за счет качества.

Надо отдать справедливость Куригалзу: он в основном использовал для строительства обожженный кирпич, тогда как его преемники вернулись к кирпичу-сырцу, ставшему стандартным материалом строителей позднеавиловского периода. Но битумным раствором мастера Куригалзу могли пользоваться уже лишь в очень редких случаях и вместо него употребляли обычный глиняный раствор. В храмах третьей династии горизонтальные ряды кирпичной кладки тщательно выложены на всю толщину стены. Касситские стены, обладающие весьма внушительным видом, как правило, состоят из двух наружных слоев, выложенных из хорошего кирпича, а пространство между ними заполнено кирпичным ломом и мусором. Кирпичный лом для заполнения простенков добывали из развалин зданий, подлежащих восстановлению. Старые, но целые кирпичи шли иногда и на облицовку стен, поэтому в стенах касситских храмов можно подчас увидеть множество самых различных кирпичей, выложенных без учета их размера и относящихся к разным эпохам. Но тем не менее многие строения Куригалзу сохранились лучше, чем более древние.

Естественно предположить, что первой заботой царя было восстановление центрального святилища бога луны.

Мы не можем сообщить подробных сведений о работах, произведенных на самом зиккурате, так как перестройка здания в позднеавилонский период потребовала от строителей разрушения всех зданий, возведенных со времен Урнамму и его сына Шульги. Однако в строениях, окружающих центральное здание, деятельность Куригалзу оставила заметные следы. Облицовка, которую цари периода Ларсы добавили к стене с контрфорсами Урнамму, поддерживающей террасу зиккурата, разрушилась и обвалилась. Впоследствии облицовка была сделана заново из особых кирпичей, причем полуколонны и ниши входной башни Варадсина были полностью воспроизведены. Раскопав край террасы, мы обнаружили стену Куригалзу и решили, что наша работа на этом закончена. Однако в тех местах, где облицовка стены обвалилась, обнаружив груды кирпичного лома, мы нашли еще одну, более древнюю стену, сложенную из обожженного кирпича в период Ларсы. А когда разобрали и эту стену, то увидели за ней стену террасы Урнамму, выстроенную из кирпича-сырца. В нее были воткнуты сто посвященных конусов. Вся стена представляла собой любопытный образец вертикальных напластований.

В этот период была перестроена не только сохранившаяся стена террасы, но и вся верхняя цепь стен, а также огромный двор Нанна, лежащий ниже террасы, с окружающими его складами и монументальными воротами. Перестройка производилась по старому плану, однако мы не обнаружили никаких попыток воспроизвести на полуколоннах внешних стен изящные украшения, столь характерные для периода Ларсы. Тем не менее прочные двойные контрфорсы, оживлявшие плоскость стен, выглядели, должно быть, так же внушительно, как и несколько преувеличенно воздействующие колонны. Такое впечатление сложилось у нас, когда мы очистили фасад большого двора и обнаружили стену Куригалзу с квадратными бастиянами, стоявшую на более древней стене с колоннами, которая служила как бы фундаментом. Сравнивая обе стены, мы пришли к выводу, что более поздняя стена выполнена значительно интереснее. Куригалзу, как он сам это утверждал, был скорее реставратором, чем строителем. Надписи на его кирпичах гласят о том, что он «обновил для Нанна Эгишнунгал, его любимый дом» (т. е. весь зиккурат). В других, более по-

дробных надписях на опорных камнях дверей сказано: «Эгишнунгал, храм, что со времен незапамятных стоял в развалинах, он построил и восстановил на прежнем месте».

Но реставрация храма велась в таких масштабах, что Куригалзу по справедливости может претендовать на звание строителя Эгишнунгала. Об этом и говорит надпись на дверной опоре, которую мы здесь нашли. Нам показалось, что одно из зданий было даже выстроено им заново, поскольку никаких следов прежних строений под ним мы не обнаружили. Это был храм Нингал, занимавший свободное пространство к юго-востоку от зиккурата. За исключением одной стены внешнего двора, мы восстановили весь план этого храма, небольшого, компактного здания, совсем не похожего на другие строения Ура. Судя по толщине его стен и расположению комнат, храм имел центральный купол с бочкообразными сводами. Любопытно, что эта особенность стала впоследствии характерной для архитектуры раннеарабского периода.

Предположительная реконструкция храма Нингал совсем не похожа на то, что можно было бы ожидать от храмов Месопотамии XIV в. до н. э. Ось святилища совпадала с центральной осью всего здания, алтарь находился у северо-западной стены центральной залы. В нише задней стены помещался кирпичный постамент для статуи. Здесь мы нашли кусочки золотой фольги, маленькую серебряную вазочку, вазы из глазированного стеклянного шлака и разноцветного стекла. Очевидно, все эти предметы были положены сюда во время ритуала освящения.

В двойной стене, окружающей Эгишнунгал, были выстроены новые ворота для входа в храм Нингал, великолепные ворота, увенчанные башней. Ворота поменьше и попроще, к которым вел ряд ступенек, находились в тридцати семи метрах к востоку. Эти ворота вели на открытую террасу. Они были построены там, где для прохода через Дублалмах некогда стояли так называемые «Великие врата». Работы, проведенные Куригалзу по реконструкции «Великих главных врат Дублалмаха, древнейших, издавна лежавших в развалинах», были поистине удивительны.

Когда мы впервые приехали в Ур, наиболее примечательным показался нам небольшой холм неподалеку

от восточного угла зиккурата. Это был тот самый холм, где за семьдесят лет до нас для Британского музея вел раскопки Тейлор, английский консул в Басре. Он писал в своем отчете, что нашел в этом холме небольшое двухкомнатное здание из обожженного кирпича с аркообразными входами. Это здание Тейлор принял за жилой дом позднего времени. Стены дома были настолько высоки, что рабочие из экспедиции Тейлора смастерили из циновок что-то вроде крыши и устроили себе там жилье.

Мы убрали груды песка, наполнявшего обе комнаты, и приступили к расчистке фасада. Одна из двух упомянутых Тейлором арок, украшавших боковые входы, развалилась, но другая была почти целой. Стены и дверные проемы были сложены из хорошо обожженного кирпича, всюду скрепленного битумным раствором. На кирпичах сохранились печати Куригалзу, которые Тейлор не мог, конечно, разобрать. Следовательно, дом этот был не жилищем недавних времен, как утверждал Тейлор, а строением XIV в. до н. э.

Особый интерес для нас представляла тогда одна из древнейших арок, которая около тысячи лет простояла, возвышаясь над поверхностью земли. Впоследствии мы обнаружили на царском кладбище несколько других, более старых арок, которым было по две тысячи лет, но зимой 1924 г. мы придавали огромное значение этой находке. По нашему мнению, она должна была совершить переворот в истории архитектуры.

Маленькое здание, стены которого были изрезаны Т-образными вертикальными желобами (со временем мы узнали, что это было отличительной чертой храма), окружала кирпичная вымостка. Мы прошли по ней до самого края, где стояла еще одна сохранившаяся стена, тоже украшенная Т-образными желобами. Стена уходила вниз на сто шестьдесят сантиметров и кончалась на другой кирпичной вымостке. Она окаймляла платформу или пьедестал, выступавший из высокой террасы зиккурата. На этой платформе и стояло здание Куригалзу, возвышаясь над большим, раскинувшимся перед ним мощным двором. В одной из комнат пол был разрушен рабочими Тейлора. Мы стали копать там дальше и вскоре обнаружили, что чуть ниже уровня пола форма кирпичей, из которых сложены стены, меняется. Здесь на кирпичах стоит печать не касситского царя, а штамп царя периода

Ларсы Ишме-дагана. Еще ниже лежат один или два ряда кирпичей с печатью Амарсуены. Мы обнаружили также один из опорных камней от двери, надписанный его же именем.

Произведенные Куригалзу работы подробно описаны на его кирпичах: «Эдублалмах, древний дом, с незапамятных времен лежавший в развалинах, я обнес стенами с четырех сторон, я поставил его на старое место, я укрепил его основание». Старый храм находился в таком плачевном состоянии, что даже нижняя часть его стен не выдержала бы веса нового здания. Но жрецы из пиетета требовали, чтобы новый храм обязательно был поставлен на старом. Поэтому Куригалзу выстроил вокруг храма новую стену, а пространство между стенами сплошь заполнил сухой глиной и щебенкой. Все это он покрыл вымосткой на одном уровне с полом террасы зиккурата. Точно так же заполнил он и внутреннюю часть храма и снес старые стены, оставив лишь один-два ряда кладки ниже вымостки. Укрепленные таким образом стены могли служить прекрасным фундаментом для его нового храма. Поскольку «Великие врата» давно уже перестали быть входом, то сейчас, когда они оказались поднятыми на платформу, такое обстоятельство уже никого не смущало, так как Дублалмах был одновременно «дворцом правосудия» и приговоры суда провозглашались из его ворот, дополнительная высота которых теперь придавала церемониям еще большую внушительность.

В мусоре у подножия Дублалмаха мы нашли несколько касситских кирпичей с рельефным рисунком. На большинстве кирпичей были параллельные зигзагообразные линии. На других были горельефы, в которых мы сначала ничего не поняли. Объяснение дали нам раскопки в Варке. Там, в древнем Уруке, немецкие археологи нашли касситское здание, фасад которого был украшен горельефами богов из специально изготовленных кирпичей. Божества стояли в ряд, держа в руках вазы, из которых вода вытекала такими же зигзагами, как на кирпичах, найденных нами в Уре. Мы извлекли из земли всего лишь несколько фрагментов, тогда как урукский рельеф мог быть восстановлен полностью. Однако идентичность этих двух находок не вызывает сомнений. Где-то в непосредственной близости от Дублалмаха Куригалзу воз-



дви́г здание, украшенное таким же удивительным, оригинальным способом. Фасонные кирпичи не принадлежали самому Дублалмаху. В этом мы были совершенно уверены, потому что стены Куригалзу все еще возвышались на два с половиной метра и на них не было никаких следов орнамента. Может быть, эти кирпичи принадлежали фасаду маленького храма, примыкающего с востока. Это была новая пристройка касситских времен. Храм так сильно разрушен, что о его внешнем виде теперь уже ничего нельзя сказать, но мы не нашли также ничего, что могло бы опровергнуть предположение об орнаменте на его фасаде.

Что же произошло здесь на самом деле? Вплоть до конца периода Ларсы между древним храмом Энунмахом и стеной террасы зиккурата находилось огромное пустое пространство. Куригалзу отремонтировал Энунмах, по возможности придерживаясь при этом старого плана. Но он снес его старую юго-западную стену и расширил строительство до самой террасы зиккурата. Новое крыло образовало хоть и примыкающее, однако обособленное святилище, которое он и назвал Эмурианабаг. Как известно из надписей на дверной опоре Гимилсина, в Уре когда-то существовало святилище с таким названием. Однако оно, должно быть, давно было разрушено, и даже место, где оно стояло, вероятно, забыто. Поэтому Куригалзу, не связанный традицией, счел нужным пристроить святилище Нанна к объединенному храму, который Нанна разделял со своей женой. Пристройка изменила вид фасада. Теперь он вытянулся за пределы старого южного угла, включая в себя ворота нового святилища, и чуть примыкал к боковой стене Дублалмаха. Вдоль фасада проходила широкая улица — «Священная дорога». Дорога пересекала две двойные арки и через третьи ворота выходила на большой двор перед Дублалмахом. Большая часть плана храма была разработана царями Ларсы. Куригалзу следовал этому плану. Но строения периода Ларсы постепенно разрушались, а касситские — продолжали оставаться в довольно хорошем состоянии. Можно было восстановить не только план, но в значительной степени и верхние части здания. Мощный двор, склады по трем его сторонам, а в южном углу — здание, которое мы теперь назвали бы конторой. Двор этот был не просто двором храма. Он служил продолжением «священной

дороги», проходившей через Энунмах. В западном углу двора, в стене террасы зиккурата, находились ворота, через которые, поднявшись по нескольким кирпичным ступеням, можно было выйти на террасу Этеменигура. Вторые ворота в юго-западной стене выводили на широкий проход вдоль стены теменоса. По обеим сторонам прохода стояли надвратные башни. От правой шла дорога к храму Нингал, выстроенному Куригалзу на террасе зиккурата, а от левой — к его варианту Гигпарку, храму богини Нингал.

Гигпарку, выстроенный жрицей Эннатум в период Ларсы, был до такой степени разрушен вавилонянами, что о его восстановлении не могло быть и речи. Традиция хранила о нем память, но бесформенная груда развалин, должно быть, поставила в тупик даже такого добросовестного реставратора, как Куригалзу, и здание, которое он воздвиг на этом месте, сильно отличалось от прежнего. Даже внешние очертания его не были похожи на старые. Касситское строение несколько длиннее и значительно уже, оно не похоже на массивную крепость, облик которой придала храму Эннатум. Внутри вместо двух храмов остался только один.

Все юго-восточное крыло священного квартала занимали довольно непрочные здания из кирпича-сырца, где, вероятно, жили жрецы. Такие дома были и в храме периода Ларсы, — об этом можно судить по гробницам под жилыми комнатами, — но теперь они занимали гораздо большую площадь и были иначе распланированы. Вероятно потому, что Куригалзу не восстановил второе святилище в Гигпарку, он выстроил на террасе зиккурата новый храм Нингал, который описан выше. В связи с тем, что входы в храмы бога луны и его супруги, соединенные «священной дорогой», находились один напротив другого, создавалась видимость некоего единства двух святилищ, как будто они находились под одной крышей.

Куригалзу был поистине неутомимым строителем. То ли другие искусства не заслуживали тогда его внимания, то ли архитектура была его коньком, но так или иначе почти все памятники Ура отмечены печатью деятельности царя. Впрочем, и первое предположение весьма вероятно. Судя по сохранившимся художественным изделиям, искусство касситского периода стояло на самом низком уровне: в нем не было ни фантазии, ни оригинальности. Ти-

типичным образцом резьбы по камню может служить характерный для касситского периода «межевой знак». Это стела с овальной верхушкой, украшенная пространными надписями, которые служат документом на владение землей данного владельца, определяет границы его полей и т. п. Надпись завершается традиционными проклятиями и угрозами тому, кто посмеет сдвинуть «межевой знак» с места. Сверху высечены рельефом символы богов, которых текст призывает защищать права землевладельца. Как произведение искусства эта стела не стоит ничего или почти ничего, да, по-видимому, касситское искусство ни на что иное и не было способно. Мы раскопали множество касситских могил под жилыми домами, похожих на погребения периода Ларсы, но и в них не нашли ничего примечательного. Вся их утварь состояла из простых, грубо вылепленных глиняных горшков да мелких личных вещиц, которые неудобно было снимать с покойника. Мы нашли ожерелья, медные кольца да еще булаву для закалывания савана.

Таким образом, активное восстановление храмов Ура свидетельствовало отнюдь не о процветании. Скорее оно было единственным фактором, спасающим город от окончательного упадка. И вполне возможно, что Куригалзу предпринимал столь обширные работы из чисто политических соображений. Так или иначе, но это помогло памятникам Ура миновать еще один долгий период запустения и забвения.

Касситские правители, преемники царя Куригалзу, не были заинтересованы в сохранении памятников второстепенного провинциального городка. Поэтому далее в наших записях идет двухсотлетний пробел. Правда, Набонид сообщает о том, что во время работ на Дублалмахе он обнаружил надписи закладки времен Навуходоносор I (1146—1123), и это сообщение, по-видимому, соответствует действительности, несмотря на то что мы не нашли ему никаких подтверждений.

Зато мы знаем наверняка, что Мардукнадинаххе (1116—1101) отремонтировал Энунмах. В развалинах здания сохранился на месте опорный камень двери с его именем. Найденный нами также на месте медный цилиндр, который лежал под кухней храма Нанна в северо-западной части террасы зиккурата, надписан именем Ададаплуиндиннама (1083—1062). Этот правитель назы-

вает себя «кормильцем Ура» и говорит, что он «обновил Эгишнунгал», однако до наших дней от его работ сохранился лишь небольшой участок кирпичной вымостки у северо-восточного фасада зиккурата, да еще такой же участок на нижнем большом дворе.

В XII—XI вв. цари снова начинают проявлять интерес к благоустройству Ура. Впрочем, как свидетельствуют материальные памятники того времени, этот интерес был не слишком велик. Но так или иначе, касситские правители были последними из этой династии, кто еще мог покровительствовать Южной Месопотамии. Власть над Югом ускользнула из их рук и перешла к ассирийским царям, а из них никто не предпринимал в Уре никаких общественных работ вплоть до середины VII в. до н. э., когда на трон взошел Ассурбанипал.

В VII в. до н. э. должность правителя Ура, по-видимому, стала передаваться по наследству. Уром правил некий Нингалидиннам, а затем (уже в царствование царя Ассирии Ассурбанипала) его сын, Синбалатсуикби. Город достался ему в весьма плачевном состоянии, однако, будучи человеком необычайно активным, Синбалатсуикби составил обширную программу восстановительных работ. Интересно отметить, что из множества его надписей закладки мы нашли только две, где сказано, что такая-то работа предпринята «ради дыхания жизни царя царей и его царя Ассурбанипала». Во всех остальных случаях правитель ставил только свое имя и титул и имя своего отца, как бы подчеркивая, что эти здания восстановлены по его собственной инициативе, а возможно, и за его счет, без помощи центральных властей. По-видимому, он был в достаточной мере независим. Произведенные им работы вызывались насущной необходимостью. «Великие стены Этеменигура (террасы зиккурата) и его платформа давно лежали в развалинах, и основание их было погребено. Я нашел то место, где стояли разрушенные ворота, я построил подпорную стену террасы, я возвел верхнюю часть ворот. Дверь из самшита, лучшего дерева с далеких гор, — створки ее несокрушимы, вертикальный брус из золота, поперечина из светлого серебра, — посадил я на бронзовый полоз и сплошь оковал серебром, дабы врата в святилище оракула, в доме предсказаний, стояли во веки веков». Так гласит надпись на опорном камне, найденном нами на месте в дверях Дублалмаха. Именно на

него опиралась та самая дверь из самшита и драгоценных металлов. Да и сам камень тоже неплох. Светло-зеленый, похожий на полевой шпат, он прекрасно поддается полировке. Однако стоил он правителю немного, потому что по сути дела это всего лишь верхняя часть «межевого знака», который раскололи пополам. Дверь, разумеется, исчезла бесследно. Возможно, что она, действительно была великолепна и соответствовала описанию. Однако все похожие здания были построены довольно скверно, из кирпича-сырца. Разумеется, Синбалатсуикби старался сделать их как можно лучше, и тем не менее его сооружения нельзя сравнивать с постройками древних царей.

Дублалмах не только восстановили, но и расширили, пристроив ко всем стенам древнего двухкомнатного святилища новые помещения. Интересно отметить, что эти новые комнаты были построены над высоким пьедесталом, на котором стоял Дублалмах царя Куригалзу, — факт, красноречиво свидетельствующий о состоянии давно заброшенных сооружений. За истекшие столетия открытый двор перед Большими воротами был постепенно завален мусором более чем на полтора метра, так что пьедестал оказался полностью погребенным: теперь уровень двора лежал в одной плоскости с полом святилища. Именно на этом основании Синбалатсуикби и воздвиг новые пристройки. Как я уже говорил, он пользовался кирпичом-сырцом, однако при этом старательно копировал рисунок стен с желобами святилища Куригалзу, которое, по-видимому, сохранилось полностью. Он оштукатурил глиной и новые и старые стены и выбелил все здание, поэтому, несмотря на дешевизну такой реставрации, храм выглядел превосходно. «Я воздвиг подпорную стену платформы (Этеменигура)», — заявлял правитель, и наши раскопки подтверждают правдивость его слов. В юго-западной части большого двора Нанна, там, где он примыкает к террасе зиккурата, хорошо сохранились следы работ, произведенных при ассирийцах. Синбалатсуикби поднял уровень двора, заваленного толстым слоем мусора, и покрыл его глинобитным полом. Он построил заново стены из кирпича-сырца, но и здесь тоже точно скопировал декоративные полуколонны, введенные за тысячу лет до него царями периода Ларсы. Когда мы откопали эти стены, они все еще были высотой от ста двадцати до ста шестидесяти сантиметров, и на них

довольно хорошо держалась побелка. Глиняный конус закладки, найденный под полом в северных воротах подтвердил, что это постройка Синбалатсуикби.

Стена террасы вокруг всей платформы Этеменигура тоже, наверное, была перестроена, как и утверждает Синбалатсуикби, однако от нее ничего не сохранилось. В северо-западной части зиккурата, среди путаницы стен различных периодов, которая здесь так усложняет раскопки, мы нашли фрагменты кирпичной вымостки Синбалатсуикби, положенной поверх разрушенной стены касситских царей и царей Ларсы. Однако сама стена террасы была скрыта строителями теменоса при Навуходоносоре, и сейчас невозможно даже определить, где именно она стояла. То же самое относится и к юго-западной стороне зиккурата: тут не осталось ассирийских сооружений. Лишь на террасе юго-восточнее зиккурата Синбалатсуикби оставил заметный след. Здесь некогда Куригалзу воздвиг отдельный храм для богини луны Нингал. Храм был разрушен и, очевидно, так глубоко погребен под всевозможным мусором, что Синбалатсуикби снова пришлось прибегнуть к своему излюбленному способу реконструкции. Он откопал фасады внешних стен времен Куригалзу, заполнил все внутренние помещения мусором, так что получилась сплошная платформа высотой около полутора метров, и на ней построил совершенно новый храм, придерживаясь старых очертаний. Ныне разрушенный вход на северо-западной стороне вел на мощный внешний двор с небольшими святилищами или служебными помещениями по обеим сторонам. В северном углу двора в отдельном строении находился облицованный кирпичом колодец. Против входа, между маленькими дверями боковых комнат, стояли высокие пилоны ворот, которые вели в передний зал, или «священное место». В задней стене этого зала, точно против ворот, была дверь в расположенное несколько выше святилище. По ступенькам в дверном проходе можно было подняться на платформу, где стояла прямоугольная кирпичная рама, в которой хранилась статуя богини.

Мы установили, что этот храм был восстановлен Набонидом, однако без каких-либо существенных изменений в плане. Всего на дюйм-два ниже его пола лежала ассирийская вымостка из кирпичей с именем Синбалатсуикби. Но помимо его имени, на этих же кирпичах был

оттиснут полный текст, какой встречается лишь на глиняных конусах закладки. Мы нашли тринадцать таких кирпичей на своих местах: они были ровно уложены на тонком слое битума в углублениях под полом и стенами святилища. Надпись гласила: «Для Нингал, царицы Эгшунгала, божественной владычицы короны, для почитаемой в городе Уре, для своей владычицы правитель Ура Синбалатсуикби отстроил заново храм любимой невесты Сина. Он изготовил статую по образу и подобию Нингал и поместил ее в храм „мудрого бога“. И поселилась она в Энуне, в жилище, приготовленном для ее местопребывания».

Здесь тоже можно отметить, что работа не соответствует надписи правителя. Стены были сложены из кирпича-сырца, и кладка была настолько скверного качества, что порой кирпичи сливаются в одну массу. Они были так мягки и непрочны, что стену можно было на большую глубину проткнуть пальцем. Поэтому в большинстве случаев расположение стен мы определяли лишь по прилегавшей к ним и, к счастью, хорошо сохранившейся вымостке. Кирпичная кладка Синбалатсуикби по своему качеству стоит много ниже всего, что нам вообще встречалось в Уре. Да и опорные камни дверей все были старыми, использованными уже много раз: на некоторых сохранились даже имена царей третьей династии Ура. И если даже это объяснялось благоговением к древним святыням, то и соображения экономии тоже сыграли здесь не последнюю роль.

Пожалуй, самым интересным сооружением храма был колодец. Ассирийский правитель построил лишь его верхнюю часть, а сам колодец был заложен Урнамму и впоследствии не раз восстанавливался более поздними царями. Кирпичи Синбалатсуикби здесь не одинаковы: на них можно различить по меньшей мере восемь различных текстов, с посвящениями часовен или пьедесталов восьми разным младшим божествам. Из этого можно заключить, что боковые помещения храма Нингал служили обиталищем для младших богов, составлявших ее свиту. А поскольку колодец служил им всем одновременно, правитель постарался увековечить их имена на облицовке. Эта небольшая коллекция текстов ярко свидетельствует о том, что в одном и том же храме поклонялись разным богам. Конусы закладки Синбалатсуикби



Медный фриз с фигурой быка



были самыми поздними. После этого периода мы их в Уре уже не находили: очевидно, старый обычай угас окончательно.

Эти конусы были в ходу с древнейших времен, и пользовались ими по-разному. В покато́м фасаде террасы зиккурата времен царя Урнамму мы нашли множество конусов, похожих на гвозди. Они были вставлены в стену, так что стержни с надписями скрывались в кирпичной кладке, а снаружи через определенные промежутки торчали только округленные головки, образуя своего рода узор на фасаде. Впрочем, возможно, что даже их не было видно под слоем глиняной штукатурки. Позднее один из царей Ларсы выстроил на этой же террасе крепость и сторожевую башню. В ней конусы закладки не торчали в фасаде, а были уложены правильными рядами в стенах надвратной башни, за слоем облицовки из обожженного кирпича. Эти конусы гораздо больше конусов Урнамму. Вместо маленькой шляпки, как у гвоздей, у них сделаны широкие плоские глиняные диски, на которых отгиснута повторяющаяся надпись. У ассирийских конусов вовсе нет шляпок, прятали их не в стены, а под пол. В следующий период место конусов занимают бочкообразные цилиндры, которые замуровывали в углах зданий.

Во всех случаях текст старательно прятался. Похоже, что цари думали не о том, чтобы похвастаться перед потомками, а о том, чтобы их деяния помнили сами боги: предполагалось, что боги могут видеть даже сквозь кирпичные стены. А возможно, если не с самого начала, то впоследствии, конусы закладывали и еще для одной цели. Каждый царь знал, что храм, построенный «для его жизни», не вечен и что его обветшавшие стены когда-нибудь будут восстановлены. И каждый надеялся, что, если будущий правитель найдет среди развалин свидетельство о первом основателе святилища, он отнесется к нему с уважением и, может быть, даже увековечит его имя в своей надписи, дабы почтить в своем новом храме память царя далеких лет. Очевидно, так и было в этой стране, где к традициям относились с необычайным уважением. Даже в самые поздние времена, когда Набонид восстанавливал зиккурат, он воздал должное его основателю Урнамму и его сыну. С немалым удовлетворением говорил он в своей надписи о том, что глубоко в основании древнего храма, который он ремонтировал, оказалась



Общий вид раскопок

табличка закладки сына Саргона Аккадского Нарамси-на, «скрытая от глаз человека три тысячи лет». Мы не можем согласиться с датировкой Набонида, которая отличается от истинной почти на тысячу лет, поскольку его прославленный предшественник жил около 2650 г.<sup>3</sup> до н. э., однако подобный энтузиазм археолога нам вполне понятен. Мы сами находили множество разбросанных в земле конусов закладки Урнамму, но когда нам впервые довелось вытащить такой конус из глинобитной стены и когда мы увидели на его стержне надпись, сознательно скрытую от глаз человеческих более четырех тысяч лет назад, ощущение было совсем иным. Ведь даже конусы ассирийских правителей, просто спрятанные в землю под мостовой, а не воткнутые в кирпичную кладку, вызывали у нас волнение: трудно было сразу взять эти конусы, положенные здесь строителями в глубокой древности.

Углубляясь в развалины храма Синбалатсуикби, мы нашли еще одно свидетельство уважения или даже благоговения перед древними надписями. У самого фундамента здесь лежали четыре посвячительные таблички Куригалзу — две медные и две каменные. Должно быть, их нашли во время работ по расчистке развалин какого-то храма, который не собирались восстанавливать по старому плану или на старом месте. И хотя теперь эти таблички потеряли всякую ценность и были совершенно бесполезны, их, тем не менее, должным образом снова погребли под святилищем. Я думаю, сделали это для того, чтобы боги не забывали о заслугах покойного царя Вавилона, чтобы память о нем пережила его погибшее сооружение.

Почтительному отношению к древним мы, возможно, обязаны и другой находкой. Под полом храма мы обнаружили каменную табличку закладки с надписью Гудеа, который был правителем Лагаша в XXII столетии до нашей эры; нашли часть стелы, посвященной богине Нингал царем Урнамму в те времена, когда он еще не успел начать победоносного восстания против своего сюзерена, а также тонко высеченную из диорита голову от маленькой статуи жреца примерно того же периода. Некогда эти вещи были частью обстановки храма. Со вре-

---

<sup>3</sup> По новейшим изысканиям, примерно на триста лет позже — в 2350 г. до н. э. — *Ред.*

менем они разбивались или просто обесценивались, и их удаляли из храмовой сокровищницы. Но поступать с ними, как с обыкновенным мусором, считалось недопустимым. Поэтому мы довольно часто под храмами находим захоронения предметов, которые когда-то были почитаемы или просто играли в святилище какую-то роль.

Подобные находки — большая удача для археолога, но они же могут легко ввести его в заблуждение. Ведь прежде всего возникает мысль: если время существования храма определено правильно, значит, и найденные в нем предметы относятся к той же эпохе! Но в действительности это совсем не так. Ведь в наших соборах тоже можно найти сокровища, накопившиеся за все время существования этих зданий. Таким же складом реликвий далекого прошлого был и вавилонский храм: жрецы не любили расставаться с приношениями верующих. Поэтому, когда археолог находит груды разнообразных священных предметов, он, воздав должное благочестию жрецов, в то же время обязан помнить, что эти предметы могут быть гораздо древнее самого храма.

В одном месте под полом мы обнаружили маленькую медную статуэтку собаки. Это уже нечто совсем иное: это современный зданию амулет, положенный сюда для защиты храма. Иллюстрацией подобного обычая может служить еще одна наша находка. Среди прочих работ Синбалатсуикби перестроил древний Гигпарку или во всяком случае воздвиг свое здание на месте совершенно разрушенного Гигпарку царя Куригалзу. Как и всюду, Синбалатсуикби пользовался отвратительным кирпичом-сырцом, и стены его почти полностью развалились, так что мы сумели частично восстановить наземный план здания лишь по сохранившимся полам из обожженного кирпича. Труднее всего было определить, где кончается одна и где начинается другая комната. Но когда мы все же как-то справились с этой задачей и начали поднимать полы, мы нашли подтверждение нашим теоретическим наброскам. Вдоль каждой стены стоял ряд кирпичных коробок, расположенных прямо под полом, так что кирпичи, которыми он был вымощен, служили одновременно как бы крышками этих коробок. Каждая такая коробка сложена из трех поставленных на торец кирпичей: внутренняя, обращенная к середине комнаты сторона их оставалась открытой. Это были своего рода

сторожевые будки. В них стояли фигурки, сделанные из сырой глины, облитые густой известью, а затем раскрашенные. Такие детали, как черты лица и складки одежды, нанесены черной краской с отдельными штрихами красного цвета. Фигурки сделаны чрезвычайно грубо. Они пропитались почвенными солями, расползлись и согнулись в самых причудливых позах. Некоторые оказались в таком жалком состоянии, что мы не смогли их спасти. И тем не менее они довольно любопытны.

Здесь были собаки, змеи, грифоны, люди, человеческие фигуры со львиными или бычьими головами, люди с ногами быков или рыбы с головами людей — все виды доброжелательных демонов, которые сторожат дом, избавляют от болезней и предотвращают несчастья. И перед каждым таким демоном или божком лежало несколько обугленных зерен ячменя и косточки мелких животных или птиц. В клинописных текстах упоминается об этих фигурках и о том, как их устанавливают с молитвами и магическими заклинаниями. И вот, наконец, мы впервые нашли их на месте, да еще с явными следами маленьких жертвоприношений, совершенных в момент установки «стражей» в их кирпичные «сторожевые будки» под полом.

У этих «будок» была еще одна особенность: они были сложены из плоско-выпуклых кирпичей, т. е. из древних, похожих на каравай хлеба кирпичей, вышедших из употребления более полутора тысяч лет назад. Откуда они взялись? Ведь раздобыть такие кирпичи можно было, только раскопав древние развалины города. Но для чего? По-видимому, считалось, что древность кирпичей придает им какое-то магическое свойство, которое увеличивает силу демонов-стражей.

Нам еще встретится немало примеров своеобразного увлечения археологией, особенно в последние годы владычества Вавилона, но такое увлечение всегда усиливалось подсознательной суеверной тягой к истоку всего сущего, скрытому в глубине бесчисленных столетий, к тем временам, когда люди не отличались от богов, «ко дням, когда землю населяли гиганты».

## ГЛАВА IX

### НАВУХОДНОСОР II И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ УРА

В книге пророка Даниила о Навуходоносоре сказано следующее: «...он пришел в царский дворец в Вавилоне. Заговорил царь и сказал: „Не этот ли Вавилон великий построил я, не этот ли дом царский воздвиг я силой власти моей во славу своего величия?“» В данном случае слова пророка вполне оправданы. Так похвалялся царь. В 700-х годах до н. э. Вавилон намного превосходил по величине все окруженные стенами города, известные в истории. И построил его Навуходоносор. Он срыл сооружения предшественников и поставил на их месте свои гигантские здания. Поэтому современному археологу так трудно отыскать здесь, под глубоко залегающими фундаментами верхних пластов, что-либо древнее построек Навуходоносора. На площади более двадцати пяти квадратных километров буквально все здания возведены этим царем. К тому же активность Навуходоносора не ограничивалась одной столицей. В Уре он тоже предпринял обширные работы, которые должны были значительно изменить облик города.

Я полагаю, что Навуходоносор начал свои работы в Уре уже на закате жизни. Первое место, естественно, занимал Вавилон, и вряд ли царь приступил бы к благоустройству провинциальных городов, если бы не добился заметных успехов в столице. А для реконструкции Вавилона потребовалось немало времени; многие согласятся с тем, что сорокатрехлетнее царствование Навуходоносора было не слишком длительным сроком для завершения этой гигантской работы. Несомненно одно: кратковременное правление трех преемников Навуходоносора вообще не оставило в Уре следов, а когда всего шесть лет спустя после смерти Навуходоносора трон перешел к Набониду, в городе оставалось еще множество незавершенных работ. Если бы Навуходоносор успел осуществить свой план реконструкции, картина была бы иной.

Мы знаем, что Набонид зачастую лишь достраивал то, что начал строить Навуходоносор. Отличить, какая часть здания построена одним царем, а какая — другим, не всегда легко, а иногда и невозможно. Впрочем, это

не имеет большого значения. Гораздо важнее другое: узнать, как выглядел Ур в VI в. до н. э., когда работы, предпринятые обоими царями, были уже завершены.

Наша задача сильно осложняется тем, что Навуходоносор был индивидуалистом и новатором: об этом можно судить хотя бы по полной перестройке всего Вавилона. Даже в вопросах религии он, как мы увидим ниже, всегда старался идти своим, особым путем. А Набонид, наоборот, был приверженцем древних традиций и старины. Он гордился тем, что сумел восстановить тот или иной старый храм в точном соответствии с первоначальным планом, как он сам говорил: «не изменив ничего даже на толщину пальца». Естественно, Набонид относился с неодобрением к трудам своего предшественника и в отдельных случаях мог даже исправлять его сооружения, если они отступали от ортодоксальных образцов. Так, например, Навуходоносор похвалялся, что на зиккурате он построил «...Эгишнунгал, храм Сина (Нанна) в Уре». Здесь речь шла о центральном сооружении священного квартала. Кроме того, как мы знаем, он перестроил большой двор и, может быть впервые, воздвиг два святилища в углах, образуемых тремя большими лестницами, ведущими на зиккурат. Совершенно очевидно, что какие-то работы он вел и на самом зиккурате, но здесь не сохранилось ни одного его кирпича. Возможно, хотя и маловероятно, что Навуходоносор оставил реконструкцию зиккурата напоследок и не успел ее осуществить. Гораздо вероятнее другое: он завершил или начал здесь перестройку, однако Набониду она показалась неправильной, и он приказал все убрать. Изучение развалин зиккурата убедило меня в том, что Навуходоносор не собирался просто восстанавливать древний оригинал времен Урнамму, — это было бы не в его характере, — но что именно хотел он здесь воздвигнуть, мы не знаем, — следов не осталось. Зато сам зиккурат нововавилонского периода сохранился хорошо, и мы можем описать его со всеми подробностями.

Набонид нашел нижнюю ступень древней башни в отличном состоянии. Даже сегодня, спустя еще две с половиной тысячи лет, стены Урнамму, сложенные из обожженного кирпича на битумном растворе, противостоят разрушительной работе времени. Поэтому вавилонскому царю нужно было только облицевать ступени трех

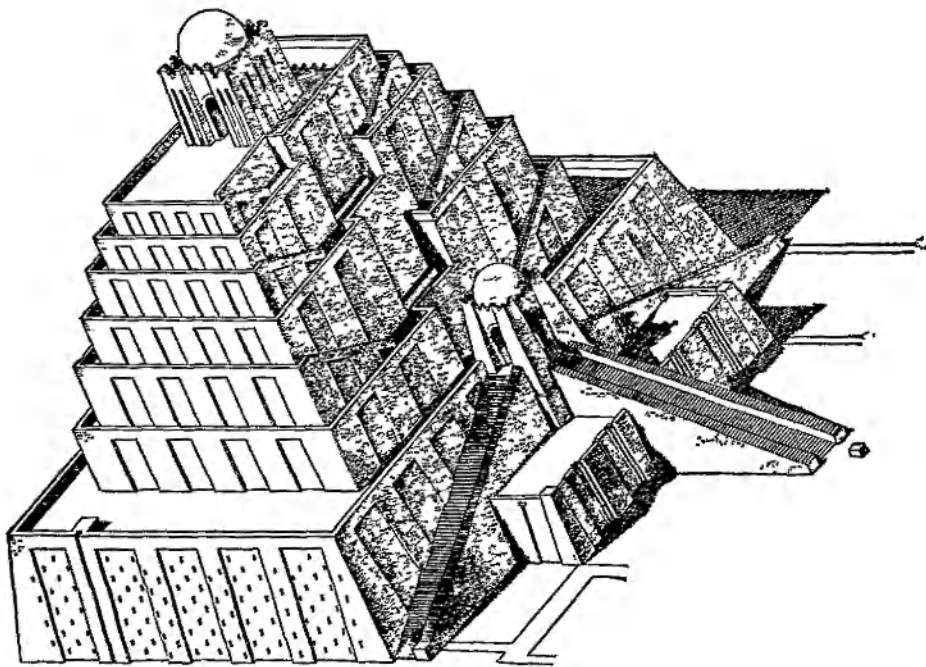
лестниц, починить их откосы и снова поставить на стыке лестниц надвратную башню с куполом. Но выше первой ступени лежали одни развалины. Независимо от того, убрал Набонид следы работ Навуходоносора и прочих более ранних строителей, таких, например, как Синбалатсуикби, или нет, здесь ему пришлось отказаться от своего излюбленного метода реставрации с точностью «до толщины пальца», ибо здесь реставрировать было нечего. Правда, нам удалось путем тщательных раскопок восстановить план и облик зиккурата третьей династии, но ведь древний царь не располагал методами современной науки, да и времени у него было мало. Набонид просто начал раскапывать угол нижней платформы: мы нашли это отверстие, тщательно заложенное потом кирпичами самого Набонида. Здесь в кирпичной кладке, как он сам об этом с восторгом рассказывает, царь обнаружил табличку, сообщающую, что постройка башни была начата Урнамму и завершена его сыном Шульги. Однако никаких указаний на то, как выглядела эта башня, Набонид не нашел. Единственное, что ему оставалось, это сохранить и использовать нижнюю ступень как основание для зиккурата собственной конструкции. Так он и сделал. Но в течение столетий даже форма зиккуратов подвергалась изменениям. Набонид этого не учел и построил здание, совершенно не похожее на древний храм, который он хотел восстановить. Нововавилонский зиккурат вместо трех этажей имел семь. С фасада он был необычайно эффектен. Три лестницы вели снизу к квадратной башне с круглым куполом, стоявшей на нижней ступени. На этой ступени громоздилось еще шесть уменьшающихся этажей, соединенных как бы спиральной лестницей, обегавшей башню кругами. Лестница обрывалась на верхней площадке, где стоял храм Нанна — небольшое квадратное сооружение из ярко-синего глазурованного кирпича, увенчанное золотым куполом. Этот облик зиккурата довольно точно соответствует описанию вавилонской башни, которое дает греческий историк Геродот. Поэтому вполне возможно, что зиккурат Ура, как и зиккурат Вавилона, тоже был ярко раскрашен, — каждый этаж в свой цвет, соответствующий цветам планет. Нижняя ступень наверняка была черной, — на ней сохранились остатки битумного покрытия, — а на самой вершине были разбросаны глазурованные кирпичи святилища Нанна.



Впрочем, в некоторых отношениях внешний вид зиккурата был обманчив. Например, лестница не могла подниматься вокруг всей башни непрерывной спиралью: кирпич и раствор не выдержали бы такой нагрузки. Поэтому в действительности пролеты лестниц располагались лишь по фасаду здания. Несмотря на страшные разрушения, от зиккурата царя Набонида сохранилось достаточно деталей, чтобы по ним восстановить его конструкцию. Когда поднимаешься по одной из трех больших лестниц и проходишь через квадратную башню на первую террасу, чуть правее видишь узкий пролет кирпичных ступенек, которые ведут вверх по фасаду стены на вторую террасу. Ступеньки доходят только до угла второго этажа. Дальше вокруг всей башни по второму этажу тянется горизонтальный проход середины фасада, где находилась неглубокая ниша, судя по описанию Геродота, подобная нише, имевшейся на Вавилонской башне. Здесь нужно повернуть налево и подняться по второму небольшому лестничному пролету, который на сей раз идет по стене фасада до середины налево. На третьем этаже такой же горизонтальный проход вокруг всей башни приводит опять к середине фасада, а оттуда третий лестничный пролет идет вверх направо на горизонтальный проход четвертого этажа, и т. д.

Общая высота «Горы бога», на вершине которой стоял храм Нанна, превышала пятьдесят три метра. Мы нашли только мощенную кирпичом нижнюю террасу. Судя по мостовой, Набонид выровнял всю платформу, уничтожив ступенчатую конструкцию первого этажа Урнамму, так что по краям платформы пол нововавилонского периода лежал почти на три метра выше древнего пола. Второй этаж соответствовал виду древнего сооружения, но здесь на его фасаде справа мы обнаружили первую маленькую лестницу с уцелевшими ступеньками. Стена левой половины фасада почему-то выступала вперед как раз до уровня этой лестницы. Это нас удивило. Стена и подпорная стенка лестницы были украшены плоскими контрфорсами, такими же, как на нижней платформе Урнамму. Дальше второго этажа ничего не сохранилось.

Мы долго бились над реконструкцией этого сооружения и лишь со временем поняли, что, если представить себе третий этаж точно таким же, как второй, но с обратным ходом лестницы, — от середины фасада нале-



Реконструкция зиккурата Набонида

во, — а четвертый с такой же лестницей справа, как на втором этаже, и так далее до седьмого, — все встанет на свои места. Такая реконструкция не только соответствует уцелевшему наземному плану, но и дает нам облик строго симметричного здания значительной высоты, очень похожего на описанную Геродотом Вавилонскую башню того же периода. Здесь не может быть простого совпадения. Я думаю, мы можем с уверенностью говорить о том, что воздвигнутый Набонидом «зиккурат Эгишнунгала, который царь обновил и восстановил на прежнем месте», был именно таким.

Основным сооружением Навуходоносора в Уре была стена теменоса. Стена вокруг теменоса существовала и при третьей династии, но она давно обветшала. Мы нигде не могли найти на ней даже следов восстановительных работ последующих царей.

Кроме того, до Навуходоносора, насколько нам известно, священный квартал бога луны, состоявший из скопления всевозможных религиозных сооружений, хотя и должен был по идее представлять собой нечто единое, в действительности не имел даже четких границ. В одном месте стены храма сливались в сплошную линию, в другом — здания стояли разбросанно, а кое-где постройки теменоса незаметно переходили в городские кварталы. Навуходоносор положил всему этому конец. Он наметил грубый прямоугольник длиной примерно триста шестьдесят шесть метров при ширине сто восемьдесят три метра, охвативший все основные здания бога Нанна, и обнес его стеной из кирпича-сырца. Это была двойная стена с междустенными помещениями. Плоские кровли междустенных помещений образовали по гребню стены широкий проход, удобный для маневрирования обороняющихся. Стена имела до десяти метров в толщину и, очевидно, до девяти метров в высоту. Фасад ее украшали двойные вертикальные ниши, характерные для внешних стен храмов. На теменос вели шесть укрепленных ворот. Главные ворота с высокой башней в глубине открывали путь прямо к воротам большого двора перед зиккуратом.

Большая стена теменоса частично сохранилась и кое-где возвышается метра на два, а то и больше. Но в отдельных местах, особенно на возвышенностях, где она ничем не была защищена, трудно отыскать даже ее следы. Мы не стали откапывать всю стену, — это не принесло

бы ничего нового и только ускорило бы разрушение дождем и ветром кладки из кирпича-сырца. Тщательно исследовав некоторые участки, мы на всем остальном протяжении стены лишь наметили ее план узкими траншеями, доходившими только до верхних рядов кирпичей. Таким способом нам удалось определить границы теменоса всего за восемь дней. Кое-где неожиданные изменения в направлении стены ставили нас в тупик. В самом деле, чем можно их объяснить? Местами, там, где задняя часть храма выдавалась за линию стены, ее безжалостно разрушали, и стена теменоса становилась задней стеной здания. А на некоторых участках линия стены изгибается, словно для того, чтобы охватить какое-то важное и почитаемое святилище. Но поскольку выветривание почвы зачастую не оставило никаких следов от этих святилищ, такое предположение остается неподтвержденным. Возможно, причина отклонений стены была гораздо проще. Исследования показали, что стену строили различные группы рабочих и у каждой такой группы был свой участок. Между ними не было надлежащей согласованности, поэтому основание стены на стыках участков не всегда совпадало, и линия получалась неровной. Вполне вероятно, что неправильные выступы стены объясняются несовершенством методов постройки древних мастеров-каменщиков.

Тем не менее стена теменоса была внушительным сооружением. С ее постройкой священный квартал приобрел совсем иной облик: он стал гораздо обособленнее, чем в недалеком прошлом. Однако, если говорить о божестве луны, то он вовсе не нуждался в такой нелепой, дорогостоящей ограде, как это чудовищное кирпичное сооружение. Стена теменоса прежде всего была крепостной стеной. И в самом деле, в ее восточном углу стояло необычайно массивное квадратное строение, которое могло быть только крепостной башней и вряд ли подходило для каких-либо религиозных целей. Окружая священный квартал Нанна оборонительными сооружениями, как дворец земного царя, Навуходоносор тем самым возрождал древнее представление о божестве — правителе города и военачальнике, дом которого служил последним опорным пунктом против врагов. Такое нововведение любопытнейшим образом переплетается со своеобразным уважением к старым традициям.

Как я уже говорил, Навуходоносор перестроил большой двор Нанна. Он почти в точности восстановил план построек Синбалатсуикби, который вел здесь работы, но одновременно применил одно важное новшество. Двор всегда был расположен довольно низко, так что с него приходилось подниматься на террасу зиккурата по лестнице в юго-западных воротах. Навуходоносор поднял уровень двора, и большой двор стал как бы продолжением террасы Этеменигура, хотя прежде он был ниже ее. Когда мы начали здесь раскопки, нас удивил и сначала поставил в тупик толстый слой почвы с массой черепков расписной посуды эль-обейдского периода, почему-то оказавшийся между мостовыми Навуходоносора и Синбалатсуикби. Обычно строители поднимали уровень полов в зданиях тогда, когда старый пол оказывался погребенным под накопившимся с годами мусором. В таких случаях чаще всего верхушки обветшавших стен обрушивали внутрь, утрамбовывали обломки и на них настилали новую мостовую. Но откуда здесь взялись черепки Эль-Обейда? Они не могли попасть сюда с мусором и не могли упасть сверху. Остается единственное предположение: Навуходоносор поднял уровень большого двора не в силу необходимости, а намеренно, и грунт для этого был завезен сюда специально. Но мы знаем по собственному печальному опыту, что докопаться до пластов, богатых черепками эль-обейдского периода, чрезвычайно трудно. Навуходоносор мог бы найти любой другой грунт для засыпки двора с гораздо большей легкостью. И тем не менее... Ради чего же он старался добыть именно эту древнюю почву? Ответ на этот вопрос дают все те же «сторожевые будки» под полом, в которых устанавливали демонов — стражей дома: считалось, что лучше всего эти будки делать из древних кирпичей. Так и здесь, по-видимому, полагали, что земля с расписными черепками времен основания Ура должна освятить двор Нанна, который с незапамятных дней был хозяином и богом-покровителем города.

Таким образом, в данном случае Навуходоносор проявил благоговейный консерватизм. Зато во всех других он был настоящим новатором. В этом можно убедиться хотя бы на ярком примере реконструкции древнего храма Энунмах. Случайно храм Энунмах стал первым зданием, которое мы откопали в Уре. Низкий холмик

у подножия зиккурата выглядел весьма обещающе, и он нас не обманул. Первая же траншея, прорытая в его склоне, обнажила стену из обожженного кирпича, замыкающую мощные комнаты. Это оказалось небольшое квадратное здание из пяти помещений. Против входа у задней стены вестибюля был кирпичный пьедестал для статуи. Четыре двери, — две в задней стене и по одной в боковых, — вели отсюда к комнатам в глубине здания. Две внутренние комнаты были совершенно одинаковыми: в каждой у двери стояла скамья, и каждую делила пополам перегородка. В дальней половине комнат у стены стояли алтари, а против них — кирпичные столы. Очевидно, здесь были святилища, в которых совершались религиозные обряды. Такими же одинаковыми выглядели и две внешние комнаты, но никаких признаков, по которым можно было бы определить их назначение, здесь не оказалось. Такое двойное устройство храма разъяснили нам надписи на кирпичах: это было общее святилище Нанна и его супруги Нингал, в котором каждое божество имело свой алтарь.

Перед зданием расстилался мощный кирпичом двор, наполовину огороженный двумя крыльями стен из кирпича-сырца, пристроенными к ранее существовавшему квадратному зданию храма. Прямо перед входом стоял продолговатый кирпичный алтарь для приношений. Сбоку от него сохранились остатки второго, большего по размерам алтаря с закрытым стоком, который пересекал дорогу входящим в храм. Он явно предназначался для кровавых жертвоприношений. Жертву закалывали на алтаре, а ее кровь текла перед порогом святилища и, таким образом, доходила до бога, так же как и остальные приношения, которые возлагали на центральный алтарь.

На линии, соединяющей края стен из кирпича-сырца, мостовая опускалась на одну ступеньку, и дальше простирался широкий открытый двор. На кирпичах мостовой нет именных штампов, однако, судя по размерам и форме, это персидские кирпичи самых последних лет существования Ура. Так как соседние ворота в стене теменоса были восстановлены Киром<sup>1</sup>, можно предположить, что он же реконструировал и этот храм. Любопытно отметить, как точно совпадают его расположение и отдельные дета-

---

<sup>1</sup> Персидский царь, правивший с 558 по 529 г. до н. э. — *Ред.*

ли внутреннего устройства с расположением и устройством большого храма в Вавилоне персидского периода, описанного Геродотом. Но дальнейшие открытия оказались еще интереснее. Было совершенно очевидно, что, хотя полы и вымощены персидскими кирпичами, стены самого храма значительно старше. На внешнем дворе сквозь дыры в новой мостовой виднелся старый пол. Такой же двойной пол, наверное, был и в комнатах. Чтобы проверить это, я распорядился вынуть в одном из святилищ двенадцать кирпичей и копать под ними вглубь.

В то время наши арабы-землекопы были еще неопытны, и мы все время твердили им, чтобы они ни в коем случае не трогали с места ни одного кирпича. Поэтому, получив мой приказ, они сначала никак не могли понять подобного святотатства, а потом вдруг решили, что мы ищем здесь спрятанное золото. Как ни пытался я их убедить, что нас интересует всего лишь второй мощный кирпичный пол, мне это не удалось. Наладив работу, я вышел из здания, но через несколько минут один из арабов прибежал за мной. «Мы нашли золото!» — кричал он. И действительно, сразу же под плитами вымостки оказался настоящий клад золотых бусин, серег и подвесок, а также золотая булава с маленькой женской фигуркой в длинном одеянии. Очевидно, кто-то в момент опасности спрятал здесь часть храмовых сокровищ, по видимому украшения богини, а потом так и не смог воспользоваться этим тайником.

В то время мы по своей неопытности не смогли оценить одну любопытную особенность обнаруженного клада. Лишь позднее нам стало ясно, что он состоял из предметов разных эпох. Некоторые были изделиями нововавилонского или персидского периода, но часть весьма характерных бусин по своему типу восходит к отдаленному времени царствования Саргона Аккадского. Это говорит о том, что драгоценные предметы могли храниться в сокровищницах храмов сотни и даже тысячи лет.

Наша находка была столь же интересной, как и неожиданной. В первые дни раскопок она помогла нам завоевать известную репутацию, но больше мы не нашли ничего ни в одной из комнат храма. Такое совпадение окончательно убедило наших рабочих в том, что мы знали о существовании клада. В самом деле, почему я приказал им поднять именно эти двенадцать кирпичей?

К счастью, кроме золота, под полом оказалась и вторая вымостка, и каждый четвертый ее кирпич был помечен длинной печатью Навуходоносора. Нижняя вымостка во всех подробностях походила на пол персидского периода: на ней стояли такие же скамейки, столы и алтари, и на внешнем дворе — такой же центральный алтарь. Не сохранилось только второго алтаря со стоком, но уровень вымостки за линией крыльев здания раньше точно так же понижался уступом и переходил в широкий двор, простиравшийся до стен храма. Внешний двор оказался сильно разрушенным. Большая часть вымостки здесь исчезла, а уцелевшая почему-то была очень неровной — вся в буграх и провалах. Впрочем, причина нам стала вскоре ясна, и дальнейшие раскопки подтвердили наши предположения. Вымостка была настелена поверх разрушенных помещений. Там, где внизу стояли стены, она осталась на прежнем уровне, но между стенами заполнявший комнаты грунт осел, и здесь образовались провалы. Эти погребенные под вымосткой комнаты некогда были кладовыми Энунмаха времен Куригалзу. Касситский царь восстановил их точно по плану своих предшественников периодов Ларсы и третьей династии Ура. А эти правители в свою очередь, как уже говорилось в предыдущих главах, старались сохранить первоначальный наземный план.

В соответствии с древним планом наше маленькое пятикомнатное святилище было обособленно: оно стояло позади главных зданий, и к нему вел проход, огибавший святилище с трех сторон. По другую сторону прохода располагались кладовые и жилища жрецов; они занимали все свободное пространство храмового двора и совершенно закрывали святилище. Помимо того, что его почти не было видно, проход к святилищу тоже был до крайности затруднен. Я уже говорил, что комнаты святилища весьма невелики: одновременно они могли вместить лишь немногих. Если сопоставить это с относительной недоступностью здания, возникает предположение, что Энунмах предназначался для каких-то тайных обрядов, подобных тем, которые совершались в гаремном храме, особом брачном святилище бога. Сюда приходили только жрецы и тайно поклонялись божественным супругам.

Когда Навуходоносор приступил к реконструкции храма, древняя традиция была полностью отброшена.



Само святилище, небольшое пятикомнатное здание, осталось прежним, но все склады перед ним были скрыты. По бокам святилища пристроили крылья, так что получился квадратный открытый с фасада двор. На месте прохода настелили приподнятую вымостку с алтарем посередине. В переднем зале святилища против входа воздвигли пьедестал и поставили статую. А перед святилищем, где раньше находился настоящий лабиринт различных помещений, расчистили широкий нижний двор, способный вместить толпы зрителей. В древнем храме все было тайным, а теперь верующие могли видеть, как жрецы совершают жертвоприношения на алтаре под открытым небом, и лицезреть через открытую дверь в полумраке святилища изваяние божества.

Совершенно очевидно, что подобная перестройка храма влекла за собой изменения в ритуале. Но как это все объяснить? Ответ на это дает библейская легенда о трех мальчиках из книги пророка Даниила. Какой бы фантастической она ни казалась, в ней, вероятно, есть связь с действительностью, содержится определенный элемент истины. Суть этой легенды такова. Навуходоносор поставил огромного идола и приказал всем падать перед ним ниц и молиться. Этот приказ поставил евреев, которые до сих пор жили в плену довольно мирно, перед выбором: поклоняться идолу или умереть за послушание. Что же нового было в подобном повелении Навуходоносора? Отнюдь не установка статуи, ибо так делали все цари. Новым был приказ об обязательном массовом поклонении. Вместо ритуала, выполняемого жрецами, царь ввел своего рода всеобщую молитву, в которой должны были участвовать все его подданные.

Совпадения между библейской легендой и фактами, обнаруженными при раскопках, настолько разительны и так хорошо дополняют друг друга, что для нас совершенно очевидно: в основе этой легенды лежит историческое событие. Перестройка Энунмаха была намеренной, и Навуходоносору она понадобилась для проведения той религиозной реформы, о которой говорится в ветхом завете.

Многие нововведения Навуходоносора безусловно пришлось не по душе его более ортодоксальному преемнику, царю Набониду. Непопулярность этого царя можно отчасти объяснить его отходом от религиозной политики

Навуходоносора, которая хоть и противоречила столь дорогим сердцу Набонида древним традициям, зато вполне подходила жрецам. Набонид перестраивал лишь недавно «восстановленные» храмы, вовсе не нуждавшиеся в перестройке. Он это делал лишь для того, чтобы исправить «ошибки» предшественника. Зачастую это вело к путанице: в ряде случаев кирпичи с именами обоих царей встречаются в одном и том же здании, и определить, кто же из них его построил, крайне трудно. Типичным примером такой путаницы может служить «Портовый храм».

К востоку от гавани, на северной окраине города, поднимается невысокий холм, весь изрытый современными кладонскателями. На нем оказались кирпичи с печатью Набонида. Многие были разбросаны как попало, однако часть кирпичей все еще оставалась на прежнем месте. Это были куски вымостки какого-то разрушенного до основания сооружения. Так как вымостка выходила на поверхность, от стен здания, естественно, ничего не осталось, но мы подумали, что фундамент стен, возможно, уцелел и поможет нам восстановить хотя бы наземный план. Пробные траншеи, действительно, позволили обнаружить ниже вымостки кирпичную кладку. Но тут, к нашему величайшему удивлению, выяснилось, что вместо нескольких рядов кладки фундамента стены уходят очень глубоко — на шесть с половиной метров ниже современного уровня почвы! К счастью, работа здесь оказалась нетрудной: потребовалось лишь удалить массу совершенно чистого песка, заполнявшего здание. Когда это было сделано, перед нами предстало сооружение, которое с первого взгляда можно было принять за обычный храм вавилонского периода. Оно так хорошо сохранилось, что мы даже накрыли его тростниковой крышей, не столько ради вящего эффекта, сколько для защиты от песка. Теперь в него можно было войти и не почувствовать пролетевших над ним столетий.

Стены храма сложены из кирпича-сырца, облицованного снаружи почти метровым слоем обожженного кирпича. Вдоль юго-западной стены шла внутренняя сквозная анфилада комнат с выходами наружу в обоих ее концах. Проход из анфилады вел на передний двор в юго-восточной части храма. Здесь возвышался большой кирпичный алтарь или стол для приношений. Еще два таких же стола для приношений стояли по обеим сторонам широкого

прохода на внутренний двор. Здесь, в середине, тоже был кирпичный алтарь и стол для приношений. Позади располагалось само святилище еще с двумя столами и массивным кирпичным пьедесталом в нише задней стены, на котором, очевидно, стояла статуя бога, а за нею находилась комната оракула. На обожженных кирпичах алтарей, столов и внешних стен сохранились штампы Навуходносора: это свидетельствует о том, что храм построил именно он. План здания обычный. Стены были выровнены глиняной обмазкой и побелены. Побелка превосходно сохранилась. В общем все казалось обычным и нормальным за одним небольшим исключением: святилище храма было слишком уж скромным. Но, в действительности, здесь многое требует разъяснения.

Например, почему побеленные стены не имеют фундамента? Они стоят прямо на песке; побелка просочилась ниже и пропитала слой грунта. Почему здесь нет ни пола, ни вымостки? Мы углубились до того места, где стены кончаются, и просто выровняли песок на этом уровне. И почему в песке не было никаких слоев, никаких напластований? Одинаково чистый песок заполнял все здание до самой вымостки Набонида, уложенной на шесть с половиной метров выше уровня первого «пола». Но больше всего поразило нас внутреннее убранство храма. Алтарь, пьедестал для статуи и столы для приношений первоначально были выложены на обычную высоту: столы возвышались на 45 см, алтарь — около метра. До этого уровня кирпичи уложены правильно и аккуратно. Но выше на них громоздится весьма неровная кирпичная кладка, доходящая до верхнего края окружающих стен. Она превратила обычный продолговатый и узкий алтарь на переднем дворе в какую-то перегородку, а алтарь на внутреннем дворе — в кирпичную колонну. Конечно, возлагать на них дары и совершать жертвоприношения было уже немислимо. Все это, естественно, требовало объяснения.

В одном из древнейших текстов правитель Лагаша следующим образом описывает постройку храма: «Он выкопал котлован глубиной в (?) локтей, и землю он... очистил огнем. В соответствии с размерами расчистил он место, снова перенес сюда землю, в ней заложил фундамент и на нем возвел стены в десять локтей высотой. На этих стенах воздвиг он храм высотой в тридцать локтей».

Строитель нашего «Портового храма» тоже начал с рытья глубокого прямоугольного котлована. На дне его он разбил план храма и возвел стены соответственно на высоту более шести с половиной метров. Эти стены были тщательно оштукатурены и выбелены. Из обожженного кирпича были сложены столы для приношений, алтарь и пьедестал для статуи, в дверных проходах укрепили двери и накрыли все здание временной крышей, очевидно, такой же, как наша, — из стропил и циновок. В верхней части стен мы нашли отверстия для поперечных балок, которые поддерживали эту кровлю. Затем здесь, несомненно, совершили церемонию освящения здания перед установленной на пьедестал статуей бога. После этого крышу сняли, и все здание было заполнено песком. Выброшенную из котлована землю нельзя было очистить, потому что здесь в стенах города она крайне засорена всяким мусором. Но ее превосходнейшим образом заменил чистый песок. По мере засыпки здания рабочие укладывали на алтарь и столы кирпичи, — этим и объясняется неровность кладки. Когда же все было заполнено, на поверхности остался как бы наземный план храма: верхушки стен и внутренние детали его лежали вровень с утрамбованным песком. И тогда началась завершающая стадия строительства. Песок замостили обожженными кирпичами. На стенах, превратившихся теперь в фундамент, возвели новые стены. Если пропорции, указанные в древнем тексте, были соблюдены, стены достигали высоты восемнадцати метров. А на выступающих кирпичах, нагроможденных на нижние столы и алтарь, сложили в храме новые столы для приношений и новый алтарь. Это уже был храм, где люди поклонялись богу и совершали жертвоприношения. Его особая святость определялась тем, что храм был точной копией настоящего, недоступного для людей дома бога и зиял на его стенах. Алтарь, на котором жрец совершал жертвоприношения, был особенно свят, ибо он составлял одно целое с алтарем, скрытым в подземном святилище.

Приведенный выше текст правителя Лагаша звучит как сухой строительный отчет. Из всех обнаруженных в Месопотамии храмов под эту архитектурную формулу подходит только наш «Портовый храм». Но зато это единственное здание рассказало нам многое, чего нет в древних текстах. Благодаря ему мы уяснили религиозное зна-

чение ритуала закладки, основанного на довольно сложном представлении. В Вавилоне до сих пор не обнаружено ничего даже отдаленно приближающегося к этому храму.

Меня весьма соблазняла мысль о том, что весь «Портальный храм» построил любитель старины, царь Набонид. Кирпичи с печатью Навуходоносора он мог пустить на сооружение подземной части здания только из экономии, чтобы не пропадал материал. Но даже если основателем храма был сам Навуходоносор, Набонид сделал все, чтобы приписать эту честь себе. Для этого он мог просто настелить в храме второй пол из кирпичей со своим именем, тем более что храм служил при нем для совершенно новых целей.

От двери храма в северо-западной стене на север шла вымощенная кирпичная дорога. Она вела к стенам огромного сооружения, занимавшего площадь девять на девять на девять один метр. Это здание воздвиг Набонид и назвал Эгипар.

Все сооружение было воздвигнуто из кирпича-сырца. Его неправильные очертания, по-видимому, объясняются тем, что к востоку от него вдоль древней городской стены стояли еще какие-то здания. Сам Эгипар был сориентирован по оси с севера на юг, и поэтому его боковые стены не могли быть параллельными. Внешняя стена с трех сторон здания была оживлена плоскими прямоугольными контрфорсами, обычными для архитектуры Шумера. Зато восточная стена и короткий отрезок южной стены построены совершенно иначе; такая конструкция, насколько мне известно, появилась лишь в позднеавилонский период. Кирпичи облицовки лежали не вдоль общей линии стены, а под небольшим углом к ней. Когда они выходили на достаточное расстояние за линию фасада, — обычно до 30 см, — кладку переносили назад, на первоначальный уровень, и все повторялось сначала. В результате фасад стены становился зигзагообразным: он состоял из сплошных острых контрфорсов, похожих на зубья пилы. Это любопытнейшее украшение (оно преследовало чисто декоративные цели: с точки зрения внешнего эффекта, чередование вертикальных светлых и темных теневых полос очень оживляло стену) обычно встречается на вавилонских домах времен Навуходоносора, а также на домах Ура позднеавилонского периода. Внутри, вдоль стен,

идет широкий проход, а за ним расположено самое здание. Его северная и западная стены украшены снаружи обычными, а остальные две стены зигзагообразными зубчатыми контрфорсами. Во внешней стене были два прохода. На севере находились задние ворота. Здесь к стене были пристроены обширные склады, и проход шел между ними. Под полами складов мы нашли восемь кирпичных «сторожевых будок» с глиняными раскрашенными фигурками богов-хранителей и пятью фигурками сторожевых собак. Главные ворота находились в южной стене. Они были расположены против входа в здание, находившегося в глубине обширного открытого двора. Весь правый угол двора занимает большой облитый изнутри битумом водоем для хранения воды. Самое здание с путаницей перекрещивающихся стен, разделяющих его на шестьдесят четыре комнаты, с первого взгляда производит впечатление какого-то нелепого лабиринта. Но, в действительности, это прекрасно распланированный жилой комплекс. Комнаты группируются вокруг открытых внутренних двориков, сквозь которые в них проникал свет. Главная резиденция занимает южную часть здания вокруг двора и прилегающей к нему с юга приемной залой. Необычайно толстые стены этой залы заставляют предполагать, что она достигала значительной высоты. Остальные группы комнат играют второстепенную роль. Расположены они примерно так же, но размеры их меньше. Точно такую же планировку имеют некоторые жилые дома Вавилона. Это здание явно предназначалось для жилья, и в то же время оно было тесно связано с «Портовым храмом». Оба сооружения не просто стоят рядом: к южной части Эгипара пристроен большой квадратный двор, окруженный стеною с воротами и пилонами на юге. Эта же стена охватывает и «Портовый храм». Таким образом, храм стал как бы придатком большого здания.

Сто лет тому назад Тейлор во время раскопок в Уре нашел глиняный цилиндр с надписью царя Набонида, объясняющей назначение этого сооружения. Надпись гласит: «На тридцатый день месяца элул луна потемнела и затмилась. (Знамение) сие означало: „Нанна нужна жрица“. Многочисленные жертвоприношения и пророчества в конечном счете указали, что жрицей должна стать не кто иная, как дочь самого царя. Так в это позднее царствование был снова возрожден древний обычай, существо-

вавший со времен Саргона Аккадского и даже раньше. Набонид после этого посвятил свою дочь в жрицы бога Нанна в Уре, дал ей новое имя Белшалти-Нанна и, как он сам говорит, заново отремонтировал для нее здание Эгипара, где издавна жили жрицы. Нет никакого сомнения в том, что найденный нами огромный дворец был именно этим зданием. В нем жила и царственная жрица — сестра царя Белшазара, или Балтасара. В книге пророка Даниила рассказывается о том, как во время пира Балтасару была предсказана гибель Вавилона. Набонид построил для своей дочери резиденцию, похожую на дворцы столицы, и отвел для ее домашних нужд «Портовый храм», основанный, либо им самим, либо его предшественником; во всяком случае Набонид присвоил себе честь его постройки.

Правильность определения дворца подтверждается его названием Эгипар, вытисненным на кирпичях мостовой. Именно так называется в надписи Набонида дом, построенный им для своей дочери. Однако дворец был сравнительно новым зданием, а в надписи на цилиндре речь идет о древнем сооружении, которое царю пришлось ремонтировать. Здесь какое-то противоречие. Впрочем, нам удалось его разрешить, когда выяснилось, что в Уре во времена Набонида существовали два Эгипара. Второй из них царь принял за древнее сооружение. Это было не совсем так, но какая-то традиция за ним все же стояла. Большой храм и жреческая резиденция, — Гигпарку третьей династии Ура, — восстановленные касситскими царями и правителями Ларсы, давно уже исчезли. Когда Синбалатсуикби уже в дни ассирийского владычества реставрировал древние святилища Ура, он отвел жрецам все здания периода Ларсы и касситской эпохи с расширенным святилищем Дублалмаха, а также жилые кварталы в южном конце двора Дублалмаха. Это и был Эгипар, и Набонид, как свидетельствуют печати на кирпичях, его благоговейно восстановил.

Однако кварталы, вполне подходившие, по мнению ассирийского владыки, местным жрецам, не могли устроить царскую дочь. Здесь могли жить младшие жрицы, а верховной жрице подобало обитать во дворце. Но поскольку для дворца в самом священном квартале не было места, его построили за его стенами и распространили на новое здание традиционное древнее название: Эгипар.

Святылище Дублалмаха сохранилось точно таким, каким оно было в ассирийский период, только помещения вокруг его двора были все перестроены и расширены. Часть из них явно представляла собой жилые комнаты, остальные, по-видимому, служили для ведения различных храмовых дел. Здесь мы нашли множество глиняных табличек, расписок и поручительств на выдачу всякого добра, хранившегося в храмовых кладовых, реестров, отчетов, списков, выплатных ведомостей и тому подобное. Еще одна находка по-новому осветила характер царской дочери. В одной из выходивших во двор комнат, — мы сочли ее одним из деловых помещений, — кстати разрушенной настолько, что ее стены из кирпича-сырца едва возвышались над уровнем мостовой, мы нашли глиняные таблички так называемого «школьного типа». Это плоские глиняные диски, на которых учились письму. На одной стороне учитель писал «образец», какое-нибудь легкое изречение, чаще всего из хорошо известных текстов, и передавал табличку ученику. Изучив ее, ученик на другой стороне старался воспроизвести то, что он прочел. Иногда его надпись получалась очень корявой, и в некоторых случаях ученик на той же табличке предпринимал вторую попытку. Мы нашли довольно много таких табличек и также прочих «школьных» текстов — слоговые таблицы с колонками слов, начинающихся с одного и того же слога, весьма похожие на старомодные английские грамматики, и даже часть словаря с надписью: «собственность класса мальчиков». Все говорит о том, что жрицы в своих жилищах устроили школу. Содержимое соседней комнаты носило еще более современный характер. Ее мощный пол лежал почти у самой поверхности, сильно оголенный непогодой. Всего лишь какая-нибудь четверть метра обломков и мусора прикрывала кирпичную кладку. Мы даже не надеялись найти здесь что-либо. И совершенно неожиданно рабочие обнаружили большой черный камень с округленной верхушкой. Сверху на нем было высечено рельефное изображение, а на боках — надписи. Камень оказался межевым столбом касситского периода, поставленным около 1400 г. до н. э., о котором уже говорилось выше. Неожиданно трогательно выглядел обломок диоритовой статуи, кусок человеческой руки с надписью. Этот обломок был заботливо очищен и приведен в порядок, чтобы надпись не пострадала. На статуе стояло имя



царя Шульги, правившего Уром около 2100 г. до н. э. Тут же мы нашли глиняный конус закладки правителя Ларсы примерно 1700 г. до н. э., несколько глиняных табличек того же периода и большое посвятельное навершие булавы без надписи, которая, возможно, была на пять столетий древнее.

Что все это означало? Здесь на уцелевшем вымощенном кирпичом, полу VI в. до н. э. лежало с полдюжины предметов, причем самый поздний из них был на семьсот лет старше вымостки, а самый древний — на тысячу шестьсот, если не больше. Совершенно очевидно, что попали они сюда не случайно, а тщательное сохранение надписи на статуе наводило на весьма любопытные мысли. Вскоре мы нашли ключ к этой загадке. Чуть поодаль лежал небольшой предмет, похожий на глиняный барабан. На нем были четыре колонки надписей: три на древнем шумерийском языке, а четвертая — на позднейшем семитском наречии. Содержание по крайней мере одной из шумерийских надписей нам было знакомо: мы уже находили ее на кирпичах царя Амарсуены, правившего Уром в 2050 г. до н. э. Две другие шумерийские надписи имели аналогичное содержание. Четвертая, позднесемитская, гласила: «Это копии с кирпичей, найденных в развалинах Ура, работы Амарсуены, царя Ура, которые правитель Ура нашел, определяя план (храма), а я увидел и переписал на удивление очевидцам».

Увы, писец был далеко не так грамотен, как ему казалось! В его копиях столько ошибок, что их почти невозможно прочесть, хотя он, несомненно, старался. Главное — он дал нам необходимое объяснение. Эта комната была музеем местных древностей. Его содержала принцесса Белшалти-Нанна, очевидно унаследовавшая любовь к старине от своего отца, ярого археолога. И среди ее коллекции был этот глиняный барабан, древнейшая из известных науке музейная этикетка. Она была изготовлена лет на сто раньше и, по-видимому, хранилась в музее вместе с кирпичами как свидетельство о первых научных раскопках в Уре.

Еще один древний предмет относится скорее не к музею, а к зданию самого храма. Против одной из боковых дверей переднего зала Дублалмаха лежал округленный сверху известняковый рельеф с изображением бога Эа. Он был богом-покровителем древнего города Эриду, раз-

вашины которого виднеются на горизонте километрах в двадцати к юго-западу от Ура. В соответствии с древними традициями Шумера Эа изображен с сосудом в руках; из сосуда на землю изливаются два потока, в которых вверх и вниз плывут рыбы. Эа, бог вод Абисса, держит здесь в руках символический исток Тигра и Евфрата, двух рек-близнецов, ниспосылающих жизнь всей Месопотамии. Возможно, рельеф украшал фронтоны над дверью, но если это и было так, значит, его использовали не впервые, потому что сам по себе рельеф не имеет ничего общего с поздневавилонским храмом: его высекал скульптор третьей династии.

Возле двери кухни, пристроенной Набонидом к святылице, мы нашли вещь того же периода, которая, тем не менее, выглядела здесь довольно странно. Под обвалившимися кирпичами лежала по крайней мере сотня обломков слоновой кости. Многие из них были крохотными и тоненькими, как папиросная бумага: под влиянием разложения кость распалась на естественные слои. Обломки были настолько хрупки, что нам пришлось укрепить их целлулоидом и лишь после этого извлекать из земли. Когда мы сложили осколки вместе, они приняли форму круглой туалетной коробки с рельефным изображением танцующих девушек — скорее в египетском, нежели в месопотамском стиле. Взявшись за руки, девушки ведут вокруг хоровод.

Этот ларчик не мог быть изготовлен в Месопотамии: в нем чувствуется рука одного из тех финикийских мастеров Тира или Сидона, которые своей искусной резьбой по слоновой кости славились по всему Средиземноморью. Как и всякий привозной предмет, он, должно быть, стоил немало. Об этом, кстати, свидетельствует и тот факт, что еще в древности ларчик разбился, но был старательно починен. И вполне возможно, что он принадлежал самой принцессе Белшалти-Нанна.

Если вспомнить, какой огромной затраты труда потребовало сооружение стены теменоса, можно подумать, что Навуходоносор и Набонид восстановили также все древние здания внутри священного квартала. Однако значительная его часть, по крайней мере половина, так разрушена непогодой и временем, что от поздневавилонских сооружений здесь сохранились лишь жалкие остатки. Но реконструкция города не ограничивалась темено-

сом. Наши раскопки вдоль городской стены обнажали то тут, то там части позднейшей кладки, но они были настолько фрагментарны, что по ним невозможно составить толковый план. Мы выяснили только, что Навуходоносор предпринимал попытки укрепить оборону города. Старый крепостной вал с его крутым внешним склоном из кирпича-сырца неоднократно ремонтировался и после незначительных доделок мог еще послужить. По-видимому, Навуходоносор увенчал его крепостной стеной, которая укрепила стены различных зданий на валу, а в промежутках соединила дома в сплошную линию обороны. Одним из таких зданий оказался храм на южной оконечности города. Во времена третьей династии он был украшен колоннами из кирпича-сырца. Навуходоносор его восстановил. Мы не знаем, какому богу было посвящено это здание, да и само по себе оно не очень интересно. Гораздо любопытнее то, как мы его обнаружили. Это была одна из счастливых случайностей в работе археолога. Мы расчищали верхушку городского вала в том месте, где он почему-то был гораздо шире обычного. Все стены были здесь начисто снесены. Рабочие смели несколько сантиметров наносного песка, и под ним показалась гладкая поверхность разрушенных непогодой необожженных кирпичей. Один из рабочих, более сообразительный, чем остальные, обратил внимание на то, что кирпичи здесь двухцветные: одни — серые, а другие — красноватые. К тому же кладка из серых кирпичей, которую он расчищал, начала принимать какую-то определенную форму. И, наконец, он заметил на границе между серыми и красноватыми кирпичами белую полосу, тоненькую, как листок бумаги. Это и были остатки храма Навуходоносора.

Красноватые кирпичи оказались основанием вымостки, все обожженные кирпичи которой исчезли. А серые кирпичи были кладкой стен. Белая линия между ними представляла собой побелку на верхней части ныне исчезнувшей стены, которая просочилась между стеною и вымосткой. Пользуясь этими приметам, нам удалось воссоздать план всего храма. Позднее, когда мы начали копать дальше вглубь и обнажили ниже уровня пола фундаменты стен, этот план оказался совершенно правильным. В следующие годы точно такие же приметы позволили немецким археологам в Уруке отыскать и составить план «Белого храма», одного из древнейших

зданий этого города. Однако заслуга открытия цветной схемы кирпича-сырца все-таки принадлежит нашему рабочему, участвовавшему в раскопках Ура.

В нововавилонский период храмы и общественные здания Ура если и не достигли прежнего великолепия, то во всяком случае содержались в гораздо большем порядке, чем на протяжении ряда предыдущих столетий. Однако последние цари Вавилона украшали уже совсем иной город, непохожий ни на столицу третьей династии, ни на Ур правителей Ларсы. Я уже говорил о тесной застройке города периода Ларсы, отмеченного расцветом торговли и ремесел. Но все эти постройки исчезли. И мы просто не знаем, какая часть из них сохранилась в дни правления касситских царей или какие дома пришли им на смену, потому что от этих лет буквально ничего не осталось. Развалины жилищ обоих периодов были снесены до основания, и над ними был построен совершенно новый город. Ни один из домов, построенных ранее нововавилонского периода, не сохранился. Весьма похоже, что гордые слова Навуходоносора: «Не этот ли Вавилон великий построил я?», — в той же степени относились и к Уру. Конечно, нам приходится делать обобщения на основе довольно ограниченных данных, поскольку лишь на редких участках нам удалось найти здания того периода, избежавшие пагубного воздействия времени и климата. Тем не менее два таких участка дали весьма достоверный материал.

В низине, расположенной к северо-западу от теменоса, мы обнаружили домишки того периода относительно хорошей сохранности. Это были очень бедные дома. Они стояли в таком скверном районе, где никто не стал бы жить, имей он хоть какой-то достаток. И сохранились-то они лишь потому, что стояли в низине, а не на холме, открытом ветрам и ливням. Смытая с зиккурата почва занесла и сохранила их развалины. Маленькие жалкие одноэтажные лачуги теснились здесь на небольшом пространстве без всякого плана и системы, как типичные трущобы какого-нибудь восточного города.

Раскопки в другом месте дали более показательные результаты. Чуть южнее большой группы домов периода Ларсы, которые мы откапывали, почва была приподнята в виде бугра, образовавшегося, на мой взгляд, вследствие ветровых наносов. Здесь мы обнажили остатки домов, по-

видимому, характерных для большей части Ура поздней эпохи. Квартал поразительно напоминал Вавилон. Улицы были прямыми и широкими; от них под прямым углом отходили переулки или просто довольно узкие аллеи, отделявшие одну группу зданий от другой. Дома были целиком сложены из кирпича-сырца. Мы не нашли здесь даже «изолирующих слоев» из обожженного кирпича, которые встречаются во всех более ранних зданиях. Внешние стены зачастую украшены частыми зигзагообразными выступами, похожими на зубчатые контрфорсы дворца Белшалти-Нанна. Эти жилища тоже были одноэтажными. Возможно, они имели плоские кровли, игравшие роль террас.

Общий план домов обычный: комнаты располагались вокруг центрального двора. С одной стороны облицованный вход вел в приемную комнату с примыкающей к ней туалетной, а с другой стороны были комнаты более личного характера. В глубине дома находились прочие служебные помещения. Интересно, что во многих случаях строение, само по себе расположенное совершенно правильно и имевшее внутри прямые углы, оказывалось скошенным по отношению к внешним стенам. Создается такое впечатление, словно направление улиц, которое, разумеется, определяло расположение жилых кварталов, было навязано строителям каким-то приказом свыше. Ведь каждый знал, что дома нужно ставить таким образом, чтобы приемная комната была обращена входом к северу, иначе прохладный ветер не будет освежать гостей в жаркую погоду. Такое противоречие между планировкой города и внутренней архитектурой домов я могу объяснить лишь произволом высших властей. И если мое объяснение правильно, оно подтверждает, что Ур был перестроен по указаниям Навуходоносора.

Больше всего нас поражали размеры домов. Так как все комнаты приходилось размещать на одном этаже, они, естественно, должны были превосходить по площади двухэтажные жилища периода Ларсы. Это были просторно расположенные строения, из которых одно занимало целый квартал площадью сорок шесть на сорок метров. В период Ларсы на таком же пространстве могло бы разместиться домов четырнадцать-пятнадцать. По-видимому, городские земельные участки катастрофически упали в цене, а это в свою очередь говорит о том, что население

города по сравнению с прошлыми временами резко сократилось.

Подобные дома были по карману лишь состоятельным людям, однако, если судить по табличкам, торговля в те дни шла довольно вяло. В одном из домов мы нашли в большом глиняном горшке семейный архив за несколько поколений. Он до какой-то степени раскрывает судьбу Ура в этот период. В царствование отца Навуходоносора, царя Набопаласара, глава семьи по имени Синубаллит жил в Вавилоне и вел там какие-то дела. Особыми успехами он похвастаться не мог, поскольку из тридцати пяти документов, в которых упоминается его имя, по крайней мере семнадцать представляют собой расписки на взятые им ссуды. Позднее семья переехала в Ур и поселилась в одном из больших домов. Если же Навуходоносор пытался спасти угасающий город с помощью широкой программы восстановления храмов, а возможно, также и полной реконструкции Ура, то он должен был одновременно позаботиться и о привлечении сюда тех семей, которые уехали в более процветающие центры. Таким образом, вполне вероятно, что возвратившиеся горожане получали правительственные субсидии для застройки обширных новых кварталов.

Приток «чужеземцев» объясняет перемены в самых устойчивых обычаях, даже таких, как погребальный ритуал. В нововавилонский период мы по-прежнему находим под полами домов овалы терракотовые гробы, которые были здесь в ходу уже примерно тысячу лет. Иногда тело укладывали в такой гроб, а иногда накрывали гробом сверху. Но бок о бок с этими погребениями начинают попадаться так называемые захоронения в «двойных горшках». Два больших глиняных сосуда укладывали на бок отверстиями вплотную друг к другу, так что тело оказывалось наполовину в одном сосуде, наполовину в другом. Подобных погребений в Уре до Навуходоносора не встречалось: этот обычай был завезен из Вавилона.

Восстанавливая Ур, Навуходоносор бесспорно руководствовался политическими соображениями. Он хотел укрепить юг страны, чтобы предотвратить угрозу со стороны крепнущей Ассирии или Мидии. А заодно он удовлетворял свою страсть к строительству. Набонид же прежде всего руководствовался религиозным рвением. Он родился

в Харране, где его отец, по-видимому, был верховным жрецом бога луны. Естественно, что царь питал особую склонность к Уру, главному религиозному центру почитания этого божества. При этом ни Навуходоносора, ни Набонида не интересовала экономическая сторона вопроса. А все дело было в том, что Ур процветал лишь за счет торговли и ремесел; когда же торговля пошла мимо него, город был обречен. Его восстановление в нововавилонский период было сугубо искусственным и вряд ли могло оказать длительное влияние на судьбу Ура. Затем настал драматический конец династии, предсказанный пророком Даниилом: «И будет царство разделено и отдано мидянам и персам...». Правитель вавилонской провинции к востоку от Тигра восстал и двинулся на столицу. Белшазар, сын царя и его соправитель, пал в битве. Вавилон перешел в руки врагов, и персидский царь Кир почти без борьбы присоединил все вавилонское царство к своим владениям. Жителям Ура казалось, что для них теперь все кончено. Враг, против которого возводились укрепления города, восторжествовал. А самое страшное, победители поклонялись своим богам, а не тем, что стояли в городских храмах. Что теперь станет с Уром?

Но случилось неожиданное!

Когда мы вели раскопки большой стены теменоса времен Навуходоносора, нам попались опорные камни двери, все еще покоившиеся в своих кирпичных основаниях, устроенных для того, чтобы земля не попадала под дверную ось. На кирпичях стояла надпись Кира. Новый правитель отремонтировал внешнюю стену храма Нанна, и он же, как мы в этом убедились, в последний раз восстановил Энунмах, общее святилище Нанна и Нингал.

Надпись на кирпичях выдержана в традиционном стиле. Она начинается словами: «Великие боги отдали в мои руки все земли. Бог... повелел мне построить ему дом в Иерусалиме», — сказано в ветхом завете.

Пленным евреям подобный акт милосердия показался чудом, но в действительности он был только частным проявлением общегосударственной политики Кира. Будь то Иегова или Нанна, — это его мало заботило. Главной задачей Кира было умиротворить покоренные народы, угождая их национальным суевериям. Так, благодаря веротерпимости и великодушию персов храмы Ура были спасены от уничтожения.

К несчастью, верхние слои на всей площади города настолько выветрены, что от последнего периода его существования осталось весьма немного. Большие дома нововавилонского стиля долго еще передавались от отца к сыну без всяких перестроек или с самыми незначительными изменениями. Мы нашли в них множество деловых табличек, но все это были мелкие дела местного значения: продажа части сада, дома или раба, договоры об аренде или о найме рабочих, документы об усыновлении или о наследстве и особенно — записи о ссудах и долгах. Такие дела больше свойственны деревенскому местечку, а не большому торговому городу. И объясняется это отнюдь не бедностью горожан. Так, например, в Энунмахе на мощеном полу персидского периода мы нашли очень красивый кубок из агата с прожилками и кубок из слоновой кости с ручкой в виде двух обнаженных младенцев, представлявших собою крупную скульптуру. Очевидно, оба кубка и другие ценные приношения были дарами горожан. В частном доме того же периода мы обнаружили прекраснейший образец декоративной резьбы по камню, лучше которого нам ничего не встречалось. Это стеатитовая чаша, вокруг которой изображена процессия быков, вырезанных горельефом. Разумеется, она изготовлена не в персидский период, а гораздо раньше, возможно, что в период Джемдет Насра. Мы не можем сказать, каким образом эта чаша попала к персам: очевидно, ее сохраняли, как редкостное сокровище старины. Даже найденная глиняная домашняя утварь свидетельствует о высоком уровне жизни: она гораздо лучше того, что было в ходу в прежние эпохи. Здесь мы нашли посуду из зеленой глазурованной керамики, отдельные экземпляры которой весьма эффектны. Но это далеко не предел изящества. В одном из домов мы обнаружили стройный серебряный кубок великолепной работы. Об этом же говорит еще одна находка. Во время раскопок под бесследно исчезнувшим персидским домом, некогда стоявшим над развалинами древнего храма Гигпарку, мы нашли два гроба с женскими телами, завернутыми в льняные и шерстяные ткани. На них были агатовые и золотые ожерелья, а также золотые серьги. Рядом с телами лежали глазурованные керамические сосуды, а в одном гробу, кроме того, оказались бронзовое зеркало и бронзовая чаша, украшенная круглыми выступами, а также совершенно



истлевшие корзины и деревянная посуда. В общем погребальная утварь была хоть и не чрезмерно, но все же довольно богатой. Однако наиболее интересными оказались сами гробы. Они были сделаны из листовой меди и тщательно заклепаны по низу, верху и по бокам, где находились крепления. Как у обычных персидских гробов, один конец у них обрезан прямо, а второй — полукруглый. С обоих концов приделаны прочные медные ручки.

До сих пор в бесчисленных персидских погребениях был обнаружен лишь один металлический гроб, и вдруг здесь мы находим сразу два! Столь редкая роскошь явно противоречит кажущейся бедности жилищ, и это следует принять во внимание при оценке благосостояния жителей Ура в персидский период. С нашими двумя гробами приключилась впоследствии любопытнейшая история. Один из них был в очень плохом состоянии: металл его сильно разрушился. Второй сохранился гораздо лучше, однако и с тем и с другим пришлось порядочно повозиться, пока мы их извлекали и переправляли в Лондон. В Лондоне гробы хранились много лет, но, в конце концов, тот, что был похуже, передали в Бирмингемский городской музей. Сотрудники музея попытались подготовить и экспонировать эту ветхую реликвию, но тут кусок окислившегося металла отскочил от одной из стоек. Оказалось, что под ним скрывался гравированный рисунок. Тогда крепления специально очистили, и на свет появились очень живые изображения животных и цветов. После этого таким же образом очистили второй гроб в Британском музее. И с такими же результатами. Как раз в это время появилось сообщение об одном найденном в Персии предмете, ныне переданном в американский музей. Речь шла о полоске меди, которая была не чем иным, как такой же стойкой от гроба. Гравировка на ней настолько похожа на гравировку гробов Ура, что, возможно, эти изделия вышли из одной и той же мастерской. Но где именно они были изготовлены, в Уре или в Персии, этого мы не знаем.

Еще один персидский гроб, найденный почти у самой поверхности, позволил нам сделать не менее поразительное открытие. Он был ограблен, и в нем по сути дела ничего не осталось, кроме нескольких обломков костей, — даже глиняная посуда была украдена. Но под слоем пыли на дне гроба воры не заметили целую коллекцию глиня-

ных оттисков печатей — около двухсот штук! И слово «коллекция» здесь употреблено не случайно. Куски мягкой глины специально прижимали к геммам руками: на обратной стороне сохранились отчетливые отпечатки пальцев, и не было отверстия, через которое протягивали шнурок. Затем оттиски обжигали, чтобы сделать их более долговечными. Эти оттиски были своего рода копиями гемм из собрания коллекционера. А он, надо сказать, обладал довольно разносторонними вкусами: в его коллекции представлены геммы греческие, египетские, вавилонские, ассирийские и персидские. Все они свидетельствуют о различных художественных влияниях, проникавших в долину Месопотамии, находившуюся под космополитической властью персов и македонян.

Найденные в персидских домах таблички с датами доходят до конца IV в. до н. э. Мы обнаружили одну табличку времен царствования Александра Великого и одну, помеченную седьмым годом правления Филиппа Македонского, т. е. 316 г. до н. э.

Несмотря на то что в Уре все еще жили богатые люди и любители искусств, город умирал. Государственной религией персов стало монотеистическое учение Зороастры, и древние боги вышли из моды. Правда, никто намеренно не разрушал старые храмы, однако они уже пребывали в гибельном пренебрежении и запустении. В священном квартале у юго-западной стены самого зиккурата какой-то перс-горшечник поставил свои печи для обжига и занялся «святотатственной» торговлей. Здесь вперемежку с синими глазурованными кирпичами, отвалившимися от стен храма, которым Набонид увенчал свой грандиозный зиккурат, мы нашли «брак» горшечника — поврежденные при обжиге горшки — и его инструмент, маленький глиняный треножник, который удерживал в печи глазурованные блюда, чтобы они не спекались. А в западном углу теменоса, там, где стояло святилище Нанна, мы обнаружили над мусором, покрывавшим двор нововавилонского периода, жалкие остатки жилища персидских времен. Покосившиеся, неровные стены сложены кое-как, без всякой ориентации на расположенный рядом зиккурат. Здесь все смешано: кирпич-сырец, обожженные кирпичи, целые кирпичи и обломки, новые и старые, подорванные на развалинах, с именами различных царей. Все перепутано и грубо замазано глиняным раствором. Такая

«кладка» свидетельствует о крайней нищете и упадке. Круглые, выложенные кирпичом закрома в полу комнат служили для хранения зерна. В одном месте под полом мы нашли горшок с табличками из необожженной глины. Почти все они снова превратились в грязь, но одну или две можно было прочесть по крайней мере частично. В них было сказано, что эти жалкие комнатухи служили жилищами жрецов Нанна и что верующие все еще продолжали приносить десятину в уже почти разрушенный храм.

Очевидно, в IV в. до н. э. произошло событие, подписавшее городу смертный приговор. Когда-то Евфрат или один из его полноводных рукавов омывал на западе стены Ура. Бесчисленные каналы, большие и маленькие, орошали раскинувшиеся вокруг поля. По главным каналам вверх и вниз шли нагруженные товарами суда из Персидского залива и из всех расположенных на реке городов. А теперь Евфрат течет в шестнадцати километрах восточнее развалин Ура; между рекой и руинами простирается голая пустыня. Мы не знаем, когда река изменила свое течение. Но это событие наверняка повлекло за собой полный упадок торговли, связанной с водными путями, разрушение всей сложнейшей ирригационной системы и гибель полей. Для создания новой оросительной системы не было уже ни средств, ни энергии. Лишенному воды городу больше невозможно было существовать. Постепенно все жители покинули Ур и переебрались кто куда. Дома рушились. Ветер гулял среди раскаленных солнцем, растрескавшихся развалин. Он нес с собой тучи песка, которые подтачивали и заносили уцелевшие стены. И вскоре там, где некогда возвышался великий город, остались лишь окруженные пустыней холмы, усыпанные осколками кирпичей.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### СПИСОК ЦАРЕЙ ШУМЕРА

Поскольку список царей неоднократно упоминается в этой книге, я привожу его здесь почти полностью, хотя большая часть списка не относится к нашей теме. Для того чтобы помочь читателю, имена, встречающиеся в книге, отмечены звездочкой. Кроме того, чтобы дать какое-то представление о хронологии, я ввел в список ряд дат. В большинстве случаев они приблизительны, однако, начиная с третьей династии Ура, погрешности не так уж велики. В тех случаях, когда специалисты расходятся во мнениях, я придерживаюсь хронологии профессора Сиднея Смита, которая, как мне кажется, стоит ближе всех к истине.

#### Цари до потопа

Имена	Города	Продолжительность царствования*
А-лу-лим	Нунки (Эриду)	28 800 лет
А-ла [л]-гар	Нунки (Эриду)	36 000 лет
Эн-ме-эн-лу-ан-на	Бад-табира	43 200 лет
Эн-ме-эн-гал-ан-на	Бад-табира	28 800 лет
Думузу — «пастырь»	Бад-табира	36 000 лет
Эн-Сиб-зи-ан-на	Ларак	28 800 лет
Эн-ме-эн-дур-ан-на	Сиппар	21 000 лет
Ибартуту	Шуруппах	18 600 лет

Всего 8 царей, 5 городов, 241 200 лет.

Затем был потоп. После него была вновь ниспослана свыше царская власть.

#### Цари после потопа

##### *Первая династия Киша*

Га-ур	1200 лет	Этана-пастух <sup>1</sup>	1500 лет
Гул-ла-Нндаба-ан-на	960 лет	Ба-ли-их, сын Этан-ны	400 лет
?		Эн-ме-нун-на	660 лет
?		Ме-лам-киш	900 лет
Ба . . .		Бар-рак-нун-на	1200 лет

\* Периоды царствования указаны в соответствии с мифологической традицией. — *Ред.*

?		Мес-за. . .	140 лет
Га-ли-бу-ум	360 лет	Ти-ис-гар	306 лет
Ка-лу-му-му	840 лет	Ил-ку-у	900 лет
Ка-га-ги-иб	900 лет	Ил-та-са-ду-ум	1200 лет
А-таб	600 лет	Эн-ме-эн-бара-ги-си	900 лет
А-таб-ба	840 лет		
Ар-пи-ум	720 лет	Аг-га	625 лет

Всего 23 царя, 24 510 лет

*Первая династия Урука*

Мес-ки-аг-га-ше-ир	324 лет	Утул-каламма	15 лет
Эн-мер-кар	420 лет	Лабашер	9 лет
Лугалбанда-пастух	1200 лет	Эннуннадаина	8 лет
Думузи-рыбак	100 лет	. . . . . хе-де	36 лет
Гильгамеш	126 лет	Ме-лам-аш-на	6 лет
Урнуцгал, сын Гильгамеша	30 лет	Лугалкиага	36 лет

Всего 12 царей, 2310 лет

*Первая династия Ура*

*Мес-анни-пад-да	80 лет
(2550-е годы до н. э.)	
* (А-анни-пад-да)	
(2500-е годы до н. э.)	
Мес-ки-аг-Нанна	36 лет
Элулу	25 лет
Балулу	36 лет

Всего 4 царя (должно быть 5), 177 лет

*Династия Авана*

Всего 3 царя, 356 лет

*Вторая династия Киша*

Су. . .	201 год	Шуе	360 лет
Да-да-сиг (?)		Гашубунна	180 лет
Ма-ма-гал-ла	360 лет	И-би-ни. . .	290 лет
Ка-ал-бу. . .	195 лет	Лугал-му	360 лет

Всего 8 царей, 3195 лет

*Династия Хамаси*

Халаниш	360 лет
---------	---------

Всего один царь, 360 лет